

ПРОКЛЯТЫЕ ЛЕГИОНЫ

Изменники Родины на службе Гитлера

ЖЖ военные
тайны
века

О.С. СМЫСЛОВ

Военные тайны XX века

Олег Смыслов

**Проклятые легионы. Изменники
Родины на службе Гитлера**

«ВЕЧЕ»

2006

Смыслов О. С.

Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера
/ О. С. Смыслов — «ВЕЧЕ», 2006 — (Военные тайны XX
века)

ISBN 978-5-4444-8615-3

Новая книга военного историка и писателя О.С. Смыслова рассказывает о генерале-предателе А.А. Власове и так называемом «власовском движении». Кроме того, исследование содержит уникальные материалы о русской эмиграции в межвоенный период, о сепаратистах зарубежья, об их сотрудничестве с фашистской Германией до начала Великой Отечественной войны и после. До сих пор в отечественной историографии почти не освещалась тема «пятой колонны», которая создавалась германским военным командованием и абвером для обеспечения успеха молниеносной кампании на Востоке, а потом в результате провала блицкрига имела свое неудачное продолжение на оккупированной территории

ISBN 978-5-4444-8615-3

© Смыслов О. С., 2006
© ВЕЧЕ, 2006

Содержание

Введение	6
Часть 1. От «пятой колонны» к «власовскому движению»	9
Глава 1. Что такое «пятая колонна»...	9
1. «Троцкисты-сионисты»...	9
2. Эмигранты	12
3. Деникин, Краснов, Шкуро, Быкадоров	15
4. ОУН	19
5. Сепаратисты	20
6. Чечня и крымские татары	24
7. Фольксдойче	27
8. Разведывательно-диверсионные группы	29
9. Выводы	33
Глава 2. В плену и в оккупации	35
1. С началом войны	35
2. Карательная машина	37
3. Советские военнопленные	43
4. Статистика	53
5. Яков Джугашвили	55
6. Леонид Хрущев	62
7. Кто ждал немцев	65
8. Полиция и ее формирования	71
9. «Зондерштаб-Р», «Боевой союз русских националистов»	75
10. Украинские националисты: Бандеровцы, Мельниковцы, Бульбовцы	78
11. Выводы	80
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Олег Смыслов
Проклятые легионы
Изменники Родины на службе Гитлера

© ООО «Издательство „Вече“», 2015

© Смыслов О.С., 2006

© ООО «Издательский дом „Вече“», 2006

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

Моей маме

Ларисе Пантелеймоновне

посвящается

Введение

Эта книга писалась мучительно – возможно потому, что я... взвалил на себя фактически непосильную ношу. Сначала в течение десятилетия вынашивался замысел подлинной биографии генерала Власова. Но однажды в издательстве мне было предложено расширить данную тему.

Написав пять глав о предателе-генерале, я приступил к изучению материалов о русской эмиграции в межвоенный период, о сепаратистах зарубежья, об их сотрудничестве с фашистской Германией до начала Великой Отечественной войны и после нее.

Думаю, не случайно по прошествии десятилетий тема «пятой колонны», которая нерешительно создавалась германским военным командованием и абвером для обеспечения успеха молниеносной кампании на Востоке, а потом в результате провала блицкрига имела свое неудачное продолжение на оккупированной территории, остается нераскрытой до сих пор. Причин тут было много, и самых различных. Цель же моей новой книги – рассказать о них как можно шире и достовернее, ведь неудачный опыт подготовки и использования «пятой колонны» Гитлером на Востоке по своему трагичен и уникален.

Трагичен, потому что в «пятую колонну» сначала вошли люди, ненавидевшие Советский Союз, не принявшие большевизм и т. д., а уже потом в нее вступали советские военнопленные, не выдержавшие голода, холода и приближения смерти в фашистских лагерях. Их было большинство. Но все они в результате стали изгоями как для Германии, так и для своей Родины.

Уникален, потому что так называемая «пятая колонна» только однажды оправдала свое предназначение, а именно 22 июня 1941 г. и последующие дни, решая четко определенные, узко-диверсионные задачи, после выполнения которых подразделения фактически разоружались и расформировывались, а личный состав передавался в полицию и вспомогательные формирования.

Истинные масштабы сотрудничества граждан Советского Союза с оккупантами и сегодня являются тайной. Лишь с недавнего времени стали появляться некоторые публикации, книги и фильмы. Однако все они грешат поверхностным пониманием исторической проблемы. Свою задачу я вижу в том, чтобы тему «пятой колонны» разобрать на ее составные части, показать виды, направления и ее подлинную масштабную историю. Характерно, что после понесенных значительных потерь на Востоке германская армия для продолжительного ведения войны с Советским Союзом нуждалась в людских резервах, которых у нее просто не было. Вот тогда-то в среде офицеров и генералов вермахта возникла идея создания так называемого «русского освободительного движения», которое, несмотря на противодействие Гитлера, до определенного момента создавалось по типу «пятой колонны».

В центре этого документального исследования стоит генерал А.А. Власов. Именно ему – предателю в звании генерал-лейтенанта и в должности заместителя командующего Волховского фронта немецкие хозяева отвели роль руководителя «пятой колонны», или «освободительного движения», на заключительном этапе войны, когда все попытки противостоять Советскому Союзу и Красной Армии были очевидно бессмысленны.

Сегодня не умолкают голоса в оправдание «власовского движения» или «политического антисталинского сопротивления». Только ничего этого не было, как и не было «яркой личности», полководческого таланта и выдающегося военачальника, решившего бороться против сталинского режима. Был просто предатель, изменник и трус, был случайно взлетевший по головам своих товарищей во второй половине 1930-х гг. карьерист, посредственный командир и генерал, не имевший боевого опыта, но умевший много и неплохо говорить «от имени народа».

Один аспект этой книги должен быть упомянут особо: это тема предательства, которой пронизано все исследование и в особенности фигура Власова. Тема предательства – вечная тема и познать ее от начала до конца, видимо, невозможно, как невозможно понять и ощутить чужие чувства и мысли, как невозможно понять глубинные корни беспримерного подвига.

К сожалению, многие тайны человеческой души, тайны человеческих поступков остаются неразгаданными. Так предательство каждый раз в своем новом облике становится сенсацией, ибо идут на него чаще всего люди, от которых его не ждут, в которых верят, на которых возлагают определенные надежды. Предательство всякий раз шокирует и становится как бы вызовом обществу, и совершают его нередко люди с чистой биографией, достигшие на момент проступка определенного положения, имеющие определенные блага. И если на предательство идут единицы, то мужество и героизм – явления массовые. Но нередко цена предательства жизни – множества людей.

Свое отношение к предательству человечество определило еще на заре своей истории. Ему подчас нет объяснений, у него нет общечеловеческой логики, его невозможно простить, независимо от ущерба, потому что предательство – это преступление, за которое должно следовать наказание государства и презрение общества.

Психиатр ЦРУ Аллен Стаднер, занимавшийся вопросами исследования психики перебежчиков (предателей), среди их разнообразных типов выделяет:

1. Людей обиженных, возводящих свою личную неудовлетворенность в политический принцип.
2. Неудачников, которым не повезло в жизни, вследствие чего они становились коварными, способными нанести удар в спину.
3. Людей, стоящих в оппозиции к режиму, который, как они считают, не выполнил по отношению к ним свою часть взаимных обязательств.
4. Патологических эгоцентриков, для которых характерно самолюбование, поглощенность самим собой в ущерб всем прочим.

* * *

Когда-то в России существовала своеобразная награда за предательство. По указанию Петра I 4 сентября 1709 г. на Кадашевском монетном дворе в Москве русский мастер Матвей Алексеев изготовил специальную медаль из серебра весом в 4 килограмма и с цепью весом 800 грамм. На лицевой стороне был изображен повесившийся на осине Иуда, а внизу под ним – десять сребреников рядом с мешком. На обратной стороне следовала надпись: «Тре-клят сын погибельный Июда, еже за серебролюбие давится».

Эта награда предназначалась предателю – «украинскому гетману Мазепе», которого предстояло поймать, наградить и предать анафеме. Но в связи со смертью Мазепы медаль была передана алчному на серебро петровскому шуту князю Шаховскому с наказом царя носить при торжествах «на большой серебряной цепи, надевавшейся кругом шеи...»

В наше время имена многих предателей возводятся чуть ли не в ранг святых, а их измена трактуется как подвиг. Но предательству не может быть объяснения и оправдания, как не может быть оправдания трусости и подлости. Мы не вправе отрицать и тем более игнорировать в настоящем и будущем эти известные истины.

* * *

В конце 1980-х гг. генерал Д.А. Волкогонов был приглашен лордом Крэдоком прочесть лекцию «Сталин во Второй мировой войне».

На лекции ему задали вопрос: «Господин генерал, командарм Власов боролся со Сталиным. Вы его теперь осуждаете. Не стоит ли переосмыслить роль Власова в войне? Возможно, он не предатель, а борец со сталинизмом?»

Волгогонов ответил так: «Власов изменил не Сталину, а присяге и Родине. Если бы таким образом поступил, допустим, генерал Монтгомери, как бы Вы оценили подобное?»

«Это невозможно!» – почти крикнул степенный джентльмен.

Что ж, в своей книге я попробовал объяснить невозможное...

Часть 1. От «пятой колонны» к «власовскому движению»

Глава 1. Что такое «пятая колонна»...

«Если оппозицию („пятую колонну“) вовремя не убрать, она может восторжествовать и привести к очень трагическим последствиям.

Нет сомнения, Сталин хорошо знал историю и готовил страну к обороне, очищал ее от враждебных сил, он был осведомлен о действиях оппозиции внутри страны и проникающей из-за рубежа агентуры».

В.В. Карпов. «Генералиссимус»

1. «Троцкисты-сионисты»...

При работе над темой о пятой колонне мне предстояло ответить на такие вопросы. Что понимать под «пятой колонной»? Кого к ней относить? Была ли пятая колонна в СССР и за его пределами до и во время Великой Отечественной войны?

В книге писателя-фронтовика В.В. Карпова «Генералиссимус» есть такие интересные строки: «Результатом репрессий, проведенных Сталиным, был не только разгром троцкизма и всяких антисоветских и антирусских блоков и оппозиций – главная победа Сталина, по масштабам исторически стратегическая, фактически – это разгром сионизма на территории Советского Союза. Одержав победу над сионизмом, Сталин избавил тем самым народы, населявшие Советский Союз, от порабощения не менее опасного, чем гитлеровское фашистское нашествие. Если бы победу в „политической войне“ 20—30-х гг. одержали троцкисты, ход истории в нашей стране сразу обрел бы форму истинного порабощения и истребления коренного населения, наподобие того, что происходит сейчас, начиная с 90-х годов, в нашей стране».

Далее автор пишет: «Многие страдания, горе и трудности всех народов, населяющих советскую страну, лежат на совести заговорщиков и предателей. Не будь их, строительство нового общества и жизнь людей, несомненно, проходили бы более благоприятно, безболезненно и плодотворно. Не было бы массового истребления коренных жителей России (в основном русских) при троцкистском извращении и насильственном насаждении коллективизации. Не истребляли бы кулачество как класс. Не сбивались бы с толку участники революции, и особенно молодые коммунисты, в бесконечных дискуссиях и провокационных обвинениях Сталина и его сторонников. Не было бы массовых арестов за антисоветские разговоры. Из-за этих спровоцированных троцкистами массовых арестов возникла у людей потребность самозащиты, которая проявилась в доносах, наущничестве, стукачестве, ложных обвинениях и прочих подлостях.

Переполненные тюрьмы и лагеря в 20-х и первой половине 30-х гг. – это последствие деятельности оппозиционеров. Причем сами они порождали волну „преступлений“ и сами же карали, находясь в органах НКВД, прокуратуры, судах и лагерях».

По мнению В.В. Карпова, во всем виноваты троцкисты-сионисты. Именно они и были пятой колонной на территории СССР.

Еще при жизни Ленина между Сталиным и Троцким началась непримиримая борьба, носившая скорее личный характер. Это уже после смерти Ленина появились «платформы» и «позиции» и борьба стала приобретать идейный оттенок.

В этом контексте нельзя забывать о том, что партия росла и крепла исключительно в борьбе сначала с царским режимом, потом в революции и в Гражданской войне. Соответственно в ней господствовали методы исключительно революционной борьбы и борьбы военной. В ней мыслили категориями ударов и разгромов, предательства и сплочения, преданности и наказания.

В январе 1925 г. Троцкий был освобожден с поста Народного комиссара по военным делам и с поста Председателя Реввоенсовета Республики. В ноябре 1927 г. его исключили из партии, и вот тогда-то Лев Давидович бросился сколачивать активную антисталинскую оппозицию внутри партии. Но было уже поздно. Правда, поначалу сторонники нашлись, даже проводились нелегальные совещания, создавались группы политической борьбы, делались попытки наладить печатание оппозиционных материалов. Таким образом, возникало слабое противостояние при борьбе за власть, за посты и влияние в партии.

В 1926 г., когда на сторону Троцкого перебежали Зиновьев и Каменев, список его единомышленников был солидным. В 1927 г. Троцкий стоял во главе «объединения левой» оппозиции, программа которой была изложена на июльском (1926) Пленуме ЦК в двух документах: «заявлении 13-ти» и «платформе 83-х».

Но в ноябре 27-го, в десятую годовщину октября, оппозиция в последний раз попыталась заявить о себе, о своем несогласии с диктатурой партии и зарождающимся единовластием. И тут одни, струсив, публично покаялись, других выслали за Урал, в Сибирь и в Среднюю Азию. Третьих отправили послами и торговыми представителями за границу. В январе 1928 г. в Алма-Ату был выслан и сам Троцкий, а в феврале 29-го его выдворили из Советского Союза за границу. Но и там (в Турции) он не успокоился. Летом того же года вышел 1-й номер издаваемого им журнала «Бюллетень оппозиции», где публиковались теоретические, политические и информационные материалы о жизни ВКП(б), о путях борьбы с руководством партии, предавшей идеалы большевиков – ленинцев. Автором практически всех статей журнала был сам Лев Давидович.

Тираж троцкистских изданий (газет, журналов, бюллетеней), выходивших в Англии, Бельгии, Испании, Голландии и других странах, не превышал всего несколько сот экземпляров.

Летом 1933 г. на совещании в Париже присутствовали представители 14 партий и групп его сторонников и только трое были согласны с идеей немедленного создания IV Интернационала. Уже тогда Троцкий убедился, насколько малочисленными были силы, которые его поддерживали.

Летом 1935 г., находясь в Норвегии, Троцкий услышал по радио о начавшемся в Москве большом политическом процессе над Зиновьевым, Каменевым и их «подельниками», которых обвиняли в организации терроризма в СССР. Оказывается, убийство Кирова, подготовка покушения на Сталина, Ворошилова и других «вождей» проходили под «руководством Троцкого». После этого Лев Давидович на протяжении нескольких дней не отходил от радиоприемника. По свидетельствам очевидцев, он был потрясен грандиозной мистификацией.

В конце 20-х гг. «левая» оппозиция насчитывала не более 3–5 тыс. человек, которые практически сразу же были раздавлены. Оказавшись в Мексике, Троцкий считал, что нужна организация внутри коммунистического движения, которая могла бы противостоять Сталину и сталинизму. По мнению Д. Волкогонова, «троцкизм как политическое и идейное течение с самого начала поставил себя в крайне невыгодное положение: он пытался вести борьбу не только с капитализмом, буржуазными партиями и правительствами, но и со всеми теми, кто, по мнению Троцкого, изменил марксизму и ленинизму. А таковыми он считал все ком-

мунистические и рабочие партии, входившие в III Интернационал и признававшие его программу».

В ряде стран Европы, Северной и Южной Америки (в начале 30-х) возникли партии и группы, которые разделяли идеи «большевиков-ленинцев», солидарных с взглядами разгромленной левой оппозиции в ВКП(б). Но все эти партии и группы (явно сектантские, левацкие формирования, члены которых были исключены и изгнаны из коммунистических и рабочих партий) были крайне малочисленны и в лучшем случае насчитывали до четырех сотен человек. Сам Троцкий оценивал ряды своих сторонников в несколько десятков тысяч человек, но он, как всегда, ошибался, выдавая желаемое за действительное. Вот один характерный пример: 3 сентября 1938 г. на вилле друга Троцкого в пригороде Парижа проходил так называемый Учредительный конгресс IV Интернационала. На нем присутствовал всего 21 представитель из 11 стран. При этом состоялось одно заседание, которое продолжалось весь день. Следовательно, в своей борьбе Троцкий был одинок.

Создавая свою партию, Троцкий вел работу по разоблачению политических сил, готовивших войну. В 1937 г. он предсказал, что через два-три года разразится Вторая мировая война. Он раньше многих увидел, что приход фашистов к власти в Германии приведет к войне. Его работа «Что такое национал-социализм» (1933) пророчески показала роковую роль нацизма. Именно Троцкий предсказал союз Сталина с Гитлером и т. д.

А в это время в Советском Союзе боролись с «троцкистами» и «двурушниками».

За всеми, кто был как-нибудь связан с Троцким, устанавливали наблюдение, их арестовывали, ссылали, уничтожали. Сотрудники НКВД приезжали в архивы Красной армии, Центрального комитета партии, Октябрьской революции и тщательно просматривали директивы, приказы и переписку Троцкого. Всем, кто когда-либо был в подчинении у Троцкого, грозили арест и клеймо врага народа. Именно так, искусственно, росли ряды «троцкистов».

Сам Троцкий, с неизменным сарказмом высмеивал парадоксы такой сталинской борьбы в своей статье «Итоги процесса»: «Из тех итогов, которые Вышинский должен подвести последней серией процессов, советское государство выступает как централизованный аппарат государственной измены: Глава правительства и большинство народных комиссаров; важнейшие советские дипломаты; все руководители Коминтерна; главные руководители хозяйства; лучшие полководцы и руководители Красной Армии; наиболее выдающиеся рабочие-революционеры, выдвинутые большевизмом за 35 лет; глава и члены правительства Российской Советской республики; все без исключения главы трех десятков советских республик; руководители ГПУ в течение последних десять лет... наконец, и это важнее всего, члены всемогущего Политбюро, фактической верховной власти страны – все они стояли в заговоре против Советской власти, даже в те годы, когда она находилась в их руках. Все они, в качестве агентов иностранных держав, стремились разорвать построенную ими советскую федерацию в клочья и закабалить фашизму народы, за освобождение которых они боролись десятки лет. В этой преступной деятельности премьеры, министры, маршалы и послы неизменно подчинялись одному лицу. Не официальному вождю, нет – изгнаннику. Достаточно было Троцкому пошевелить пальцем, и ветераны революции становились агентами Гитлера и Микадо. По „инструкции Троцкого“... руководители промышленности, транспорта и сельского хозяйства разрушали производительные силы страны и ее культуру. По пересланному из Норвегии или Мексики приказу „враги народа“, железнодорожники Дальнего Востока устраивали крушения воинских поездов, а маститые врачи Кремля отравляли своих пациентов... Но здесь возникает затруднение. Если все узловые пункты аппарата заняты троцкистами, состоящими в моем подчинении, почему в таком случае Сталин находится в Кремле, а я в изгнании?»

Если уж сам Троцкий так едко высмеивал сей бред, то что же остается нам? Мы можем никак не относиться к Льву Давидовичу, можем обвинять его во многих грехах, но нельзя

не учитывать фактов. С его отъездом сначала в ссылку, потом из СССР лишь некоторые приверженцы сохранили ему верность. Но таких были десятки, ну, может быть, сотни. Одни осудили троцкизм и отошли от политической деятельности, другие, кого Сталин простил, вернулись в Москву на незначительные посты. Но никто из них не представлял какую-то угрозу строю и обществу.

В заключительном слове на мартовском (1937) Пленуме ЦК Сталин говорил: «Вспомните последнюю дискуссию в нашей партии в 1927 г. Это был настоящий партийный референдум. Из 854 тысяч членов партии голосовало только 730 тысяч членов партии. Из них за большевиков, за Центральный Комитет партии против троцкистов голосовало 724 тысячи членов партии, за троцкистов – 4 тысячи членов партии, то есть около полпроцента, и воздержалось 2600 членов партии. Не приняли участия в голосовании 123 тысячи членов партии. Не приняли они участия либо потому, что были в отъезде, либо потому, что были в сменах. Если к 4 тысячам голосовавших за троцкистов прибавить всех воздержавшихся, полагая, что они тоже сочувствовали троцкистам, и если к этой сумме прибавить не полпроцента не участвовавших в голосовании, как это следовало бы сделать по правилу, а 5 процентов не участвовавших, то есть около 6 тысяч членов партии, то получится около 12 тысяч членов партии, сочувствовавших так или иначе троцкизму. Вот вам вся сила троцкистов. Добавьте к этому то обстоятельство, что многие из этого числа разочаровались в троцкизме и отошли от него, и вы получите представление о ничтожности троцкистских сил».

Об отсутствии в партии и стране оппозиции Сталин заявлял и раньше. Так на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. он сказал:

«Настоящий съезд проходит под флагом полной победы ленинизма, под флагом ликвидации остатков антиленинских групп».

Разбита и рассеяна антиленинская группа троцкистов. Ее организаторы околачиваются теперь за границей на задворках буржуазных партий.

Разбита и рассеяна антиленинская группировка правых уклонистов. Ее организаторы давно уже отреклись от своих взглядов и теперь всячески стараются загладить свои грехи перед партией».

Выходит, и сам вождь всех времен и народов признавал отсутствие в 30-е гг. оппозиции.

Не располагая никакими объективными доказательствами о заговоре в Красной армии, но пытаясь обосновать наличие такового, следствие сфабриковало пять противоречащих друг другу предположений об обстоятельствах его возникновения.

По этому делу получилось, что заговор возник:

- 1) по инициативе Тухачевского, в его бонапартистских целях;
- 2) по директиве Троцкого;
- 3) по указанию центра правых;
- 4) по решению блока троцкистско-зиновьевской и правой организации;
- 5) по установкам, исходившим от Генштаба Германии.

2. Эмигранты

Старая русская эмиграция в основном проживала в Европе, но ее центр – Берлин, где стоимость жизни была достаточно невысокой, уже в 20-е г. уступил место Парижу. Если в 1922 г. в Германии находилось 600 тысяч эмигрантов, то в 1923-м – 400, в 1924-м – 500, в 1925-м – 250, в 1928-м – 150 и в 1934-м – 50 тыс.

Тяжелая инфляция 1923 г. и улучшение отношений между Германией и Советским Союзом по Раппальскому договору 1922 г. заставили русских эмигрантов искать более гостеприимное убежище во Франции, в ее культурном, общественном и политическом центре.

Достаточно сказать, что к концу 20-х г. во Франции проживало до 40 % всей эмиграции. Кроме Германии и Франции много русских эмигрантов проживало в Югославии, Чехословакии, Польше, Болгарии, в Прибалтике и на Дальнем Востоке. К сожалению, до сих пор нет точных данных о количестве беженцев из России в годы Гражданской войны. Однако, по некоторым источникам, эта цифра составляет два миллиона человек, что подтверждается и информацией Американского Красного Креста на 1920 г. – 1 964 000.

Только эвакуация Русской Армии генерала Врангеля из Крыма в ноябре 1920 г. привела в Константинополь на 126 кораблях 145 693 человека, не считая судовых команд, в том числе 50 тыс. чинов армии и 6 тыс. раненых.

Командование армии, оказавшись за границей, борьбу с большевизмом не считало законченной и всеми силами стремилось сохранить личный состав для будущих «сражений». Но оказавшись в тяжелом положении, когда начались массовые заболевания и у тысяч людей открылся туберкулез в острой и быстро прогрессирующей форме (на февраль 1921 г. численность армии составила 48 319 человек, среди которых половина были офицеры), П.Н. Врангель пришел к мысли сохранить армию в «полускрытом виде». Тем более что положение офицеров и вне армии было не намного лучше. Им приходилось работать продавцами газет, посудомойками, грузчиками, чернорабочими и т. д.

1922–1924 гг. стали критическими в судьбе офицеров эмигрантов. Армия не могла больше существовать как вооруженная сила, хотя бы в связи с тем что все трудоспособные военнослужащие находились на собственном содержании.

Приказом № 82 от 8 сентября 1923 г. офицерские союзы и общества зачислялись в состав армии и передавались под руководство представителей Главного командования в соответствующих странах. А почти через год – 1 сентября 1924 г. было объявлено о создании Русского общевойскового союза (РОВС), который включал в себя всех солдат и офицеров Белых армий, оставшихся верным идеям Белого дела, и главной его задачей стало сохранение офицерских кадров для развертывания в будущем новой русской армии.

Организации РОВСа были трех типов:

- 1) объединяющие кадры войсковых частей 1-го армейского и Донского корпусов, кавалерийской и кубанской дивизий;
- 2) объединяющие чинов РОВСа, проживающих в одном населенном пункте;
- 3) объединяющие военнослужащих по принадлежности в прошлом к частям Русской армии, специалистам и родам войск.

В начале 30-х гг. РОВС насчитывал до 40 тыс. членов и имел следующую структуру:

- 1-й отдел (Франция, Англия, Испания, Италия, Швейцария, Голландия, Скандинавские страны, Польша, Египет, Сирия и Персия),
- 2-й отдел (Германия, Австрия, Венгрия и Прибалтика),
- 3-й отдел (Болгария и Турция),
- 4-й отдел (Югославия, Греция и Румыния),
- 5-й отдел (Бельгия и Люксембург),
- 6-й отдел (Чехословакия),
- Дальневосточный отдел (Китай),
- Военно-морской союз, объединяющий офицеров флота.

После смерти генерала П.Н. Врангеля РОВС возглавляли генералы А.П. Кутепов (1928–1930), Е.К. Миллер (1930–1937), Ф.Ф. Абрамов (1937–1938) и А.П. Архангельский (1938–1957).

Кроме РОВСа долгое время существовали различные объединения и комитеты бывших «добровольцев».

В 1925 г. врангелевский «Русский совет» подсчитал, что количество русских беженцев, которых можно поставить «под ружье» в Германии, Франции, Югославии, Греции, Турции,

Китае, Латвии, Чехословакии, Болгарии, достигало 1 млн 158 тыс. человек. Но такое количество преданных «белой идее» вызывает сомнение.

До Второй мировой войны идея продолжения борьбы с большевизмом владела умами большинства офицеров, и РОВС в период 20—30-х годов был своего рода источником антикоммунистической активности.

Бывший командир Добровольческого корпуса Александр Павлович Кутепов в РОВСе (в Париже) создал специальный боевой отдел для подрывной работы внутри России. Его «организация» подготовила десятки активных борцов с советским режимом, переходивших границу и действовавших на советской территории. В основном это были молодые офицеры, произведенные в Белой армии из юнкеров, и выпускники зарубежных русских кадетских корпусов. У Кутепова были свои «окна» в Советский Союз. Его агенты, например, в июне 1927 г. совершили поджог общежития работников ОГПУ на малой Лубянке. После этого они пытались бежать за границу, но, окруженные чекистами в Смоленской области, застрелились.

О «Кутеповской» организации на суде после войны рассказывал П. Краснов: «Романов (великий князь Николай Николаевич, дядя Николая II) заявил, что он пригласил меня во Францию для организации совместного с ним антисоветского похода против СССР... В реальности этого похода я не сомневался и охотно приступил к его осуществлению. В первые дни пребывания у Романова я составил воззвание к казакам о необходимости жертвовать деньги в казну великого князя для организации похода и проведения подрывной работы против СССР, а в начале декабря 1923 г. нами был создан специальный штаб для разработки конкретного плана борьбы...» В штаб, возглавляемый Романовым, входили генералы Кутепов, Головин, Хольмсен и другие.

Белогвардейские организации готовили кадры для проведения подрывной работы. Сам Кутепов разрабатывал методы и способы засылки в СССР диверсантов, террористов и шпионов и впоследствии при участии генерала Краснова активно проводил свой план в жизнь.

Например, в Советский Союз с террористическими заданиями неоднократно пробирался бывший офицер царской армии Ларионов. Несколько раз перебрасывалась для сбора шпионских материалов и проведения террористических и диверсионных актов группа во главе с женой офицера – Захарченко-Шульц.

Но советской разведке удалось не только ввести своих агентов в РОВС, но и со временем поставить их там на ответственные посты. Все началось в далеком 1921-м, когда с ноября по апрель 1927 г. органами ОГПУ велось агентурное дело под названием «Трест», основным назначением которого являлась разработка РОВС. В целях обеспечения агентурного проникновения в монархические эмигрантские круги за границей и в разведки многих иностранных государств органами ОГПУ было слегендировано существование на территории СССР нелегальной организации под названием «Монархическое объединение Центральной России» (МОЦР).

Советская разведка принимала все меры к тому, чтобы представить МОЦР за границей как мощную заговорщическую шпионскую организацию, охватывающую значительную часть командного состава РККА и способную возглавить контрреволюционные силы и свергнуть Советскую власть. «Создание» такой организации имело целью способствовать получению данных о белоэмигрантских воинских формированиях, их планах, а также для дезинформации иностранных разведок и пресечения деятельности их агентуры на территории СССР.

С 1924 по 1930 г. велась еще одна агентурная разработка «Синдикат-4». ОГПУ легендировало перед белоэмигрантами и иностранными разведками существование на территории СССР нелегальной «Внутренней российской национальной организации» (ВРНО) с центром в Москве, которая ставит своей целью свержение советской власти.

В январе 1930 г. агенты ОГПУ Попов и Де-Роберти были направлены в Берлин, где встречались с Кутеповым и другими видными белоэмигрантами, а также членом германского рейхстага Бангом и берлинским уполномоченным «Стального шлема» майором Вагнером. Все эти лица обещали оказывать помощь мнимой «ВРНО».

В воскресенье 26 января в 10.30 утра генерал Кутепов вышел из своей парижской квартиры на улице Русселэ, сказав жене, что идет в церковь Галлиполийского союза на улице Мадемуазель и вернется домой к завтраку в час дня. Домой он так и не вернулся, и «Синдикат-4» прекратил свое существование. Агенты ОГПУ были заподозрены в причастности к исчезновению белого генерала. Коллеги Кутепова не ошиблись.

В то время в недрах советской разведки существовала Особая группа, или «Группа Яши» (более десяти лет она возглавлялась Яковом Серебрянским). В ее задачу входило создание резервной сети нелегалов для проведения диверсионных операций в тылу противника в Западной Европе, на Ближнем Востоке, Китае и США в случае войны. Сам аппарат состоял из двадцати оперработников, отвечавших за координирование деятельности закордонной агентуры. Остальные сотрудники работали за рубежом в качестве нелегалов. Тем не менее руководство ОГПУ по выбору использовала как Особую группу, так и Иностраный отдел для проведения особо важных операций, в том числе диверсий и ликвидации противников СССР за рубежом. Именно люди из «Группы Яши» организовали похищение в Париже генерала Кутепова.

Следующим был генерал Миллер...

Таким образом, в 20-е годы благодаря действиям советской разведки удалось перехватить каналы связи иностранных разведок и белой эмиграции, а также наблюдать за планами противника, дезинформировать его и, умело маскируясь, проникнуть в лагерь эмиграции. Советской разведке удалось нейтрализовать кутеповскую организацию, убедив ее руководителей в том, что «террор и диверсии» вредно отзовутся на подпольной организации внутри России. Уже во второй половине 30-х годов, в преддверии мировой войны, многим эмигрантам стало ясно, что Германия и западные демократии постараются разрешить острые противоречия, возникшие между ними, за счет СССР. По предложению П.Н. Милюкова, в Париже возникла инициативная группа по созданию так называемого «оборонческого движения» в составе Алексеева, Грекова, Лебедева, Пилипенко, Слонома, Ширинского, Петрова, которых поддержал Д.И. Деникин. Это движение ставило целью «объединять эмигрантов и содействовать в меру возможностей делу обороны России». Однако в Москве не понимали патриотических порывов бывших соотечественников. Начальник Разведуправления РККА комкор М.С. Урицкий докладывал руководству страны: «Это движение можно считать фактором разложения в эмигрантской среде...»

3. Деникин, Краснов, Шкуро, Быкадоров

Удар, нанесенный по белой эмиграции, был сокрушительным. В преддверии Второй мировой войны значительных фигур Белого движения осталось очень мало. Две из них, два генерала – Деникин и Краснов, чрезвычайно интересовали немецкую разведку:

Антон Иванович Деникин (1872–1947), оказавшись в эмиграции, достаточно внимательно присматривался к жизни русских во Франции. Его раздражали бывшие политические деятели ушедшей царской России, которые, так ничему и не научившись, продолжали сводить старые политические счёты. Он очень болезненно воспринимал эту картину раздора и потому все время продолжал держаться в стороне от «эмигрантской склоки», в том числе и от РОВСа.

Будучи в курсе подпольной работы Кутепова в России, а также уважая последнего как прямого и храброго человека, отличного боевого офицера, Деникин искренне сомневался в

его умении разбираться в сложных вопросах подпольной борьбы и политической конспирации, к которой у Кутепова абсолютно не было призвания. В итоге Антон Иванович замкнулся в себе и в своем писательском труде. 22 июня 1941 г., в день германского вторжения в Советский Союз, немцы в Париже, из «предосторожности», арестовали множество русских эмигрантов, лояльность которых им была неизвестна и сомнительна. А во французской провинции русских (в возрасте до 50 лет) задерживали на несколько дней раньше.

15 июня 1941 г. арестовали жену Антона Ивановича Деникина – Ксению Васильевну, которую, правда, вскоре отпустили. Но именно этот арест напомнил немцам о русском генерале. Политическое управление в оккупированной Франции хорошо знало точку зрения Антона Ивановича, его антигерманские настроения. Достаточно сказать, что некоторые брошюры генерала попали в германский «Указатель запрещенных книг на русском языке». Эти книги «подлежали изъятию из книжных складов, магазинов и библиотек».

Тем не менее немцы очень хотели использовать имя А.И. Деникина в целях пропаганды. Однажды к русскому генералу приехал германский комендант Биарритца с предложением перебраться в Германию, но Деникин отказался. Он был категоричен и в дальнейшем. Только поэтому попытка сближения с ним врагов его исторической Родины не удалась.

Петр Николаевич Краснов (1869–1947) окончил Александровский кадетский корпус, а в 1888 г. – Павловское военное училище. Вот только почему-то в годы русско-японской войны будущий атаман Войска Донского был всего лишь корреспондентом газеты «Русский инвалид». В своей книге «Путь русского офицера» А.И. Деникин так охарактеризовал этого генерала: «Статьи Краснова были талантливы, но обладали одним свойством: каждый раз, когда жизненная правда приносилась в жертву „ведомственным“ интересам и фантазии, Краснов, несколько конфузясь, прерывал на минуту чтение: – Здесь, извините, господа, поэтический вымысел для большого впечатления... Этот элемент „поэтического вымысла“ в ущерб правде, прошел затем красной нитью через всю жизнь Краснова – плодовитого писателя...»

Летом 1919 г. генерал Краснов оказался в Северо-Западной армии генерал-лейтенанта Н.Н. Юденича, где руководил отделом пропаганды. В том же году после поражения Юденича он уехал в Германию. В эмиграции Петр Николаевич развил бурную литературную деятельность. Он издавал журнал, написал большое количество статей, воззваний, листовок, выпустил около 30 книг, таких как «От двуглавого орла к Красному Знамени», «За чертополохом», «Белая свитка», «Выпаш». Литературная деятельность давала генералу возможность безбедно жить даже за границей. В 1936 г. Краснов переехал на постоянное жительство в Германию. Там особенно широко популяризировалось и распространилось его творчество. В нацистской Германии было распродано более 2 млн экземпляров его книг.

Мечтая об уничтожении большевизма, Петр Николаевич сразу же пошел на сотрудничество с немецким военным командованием. «Эмигрантские круги за границей, в том числе и лично я, – рассказывал он на суде, – встретили нападение гитлеровской Германии на Советский Союз довольно восторженно. Тогда господствовало среди нас мнение: хоть с чертом, но против большевиков...» Краснов явился «идейным отцом» борьбы всей белоказачьей массы против Советского Союза на стороне Германии. Он установил тесную связь с немецкой разведкой, деятельно участвовал в работе казачьего отдела министерства восточных областей Германии, возглавляемого Розенбергом. «Знаток казака и его души», Краснов консультировал сотрудников министерства и немецкую разведку по всем вопросам антисоветской деятельности среди казачества. Его доклад об истории казачества слушали сотрудники СД, а затем с ним знакомились высшие германские военные круги. По предложению германской разведки П. Краснов выпустил воззвание, в котором призывал казаков объединиться вместе с немцами и участвовать в вооруженной борьбе против Советского Союза.

После поражения немцев под Сталинградом и на Северном Кавказе Краснов подготовил особую грамоту (впоследствии она называлась «Декларация казачьего правительства») с обращением ко всем казакам. 10 ноября 1943 г. она была опубликована за подписью начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Кейтеля и министра восточных областей Германии Розенберга. В обращении указывалось, что за оказанную немецким войскам помощь во время войны германское правительство признает казаков своим союзником и обещает после победы над СССР вернуть им землю, личную собственность и бывшие привилегии, а на время войны устроить казаков на временное поселение на свободных землях, имеющихся в распоряжении немецких властей.

30 марта 1944 г. приказом командующего «союзными войсками» генерала Кестринга Краснов был назначен начальником управления казачьих войск (политический и административный орган Дона, Кубани и Терека). Управление существовало при министерстве Розенберга, а фактически им руководили начальник отдела этого министерства доктор Химпель и генерал Кестринг. Затем Краснов вошел в подчинение главного штаба СС – генерала Бергера. Ближайшим помощником Краснова – старшего по руководству главным управлением и «казачьим станом» был его племянник Семен Краснов, до этого служивший в «комитете по делам русской эмиграции» в Париже. До этого ему пришлось строить дороги и рубить лес, работать грузчиком и шофером такси, заниматься разведением кур.

Начальником резерва казачьих войск был назначен другой не менее известный белый генерал Шкуро.

Андрей Григорьевич Шкуро родился в 1887 г. В 1907 г. окончил Николаевское кавалерийское училище. В 1919 г. командир кавалерийского корпуса, генерал-лейтенант. В 1920 г. эмигрировал во Францию, жил в Париже. Оказавшись без денег, выступал антрепренером казачьих джигитовок, играл в рулетку, занимался мелкими маклерскими делами, продавал личные вещи, затем уехал в Югославию, где работал частным подрядчиком по строительству дорог.

В 1931 г. Андрей Григорьевич посетил Марсель, где встретился с генералом Улагаем (руководил последней крупной операцией армии Врангеля – десантом из Крыма и на Черноморское побережье Кавказа). Генерал-лейтенант Улагай теперь служил в албанской армии. В 1928 г. он со своим казачьим отрядом сыграл значительную роль в перевороте в этой стране. Переговоры Шкуро были связаны прежде всего с планом вооруженного выступления на Кавказе, поддержанному извне. Казачий генерал, активно контактирующий с Союзом горцев, очень хотел развернуть партизанскую войну на Северном Кавказе. Он выезжал в Белград, где прощупывал настроения проживавших там казаков и их командиров.

Заручившись поддержкой крупного нефтепромышленника Нобеля и председателя РОВС Миллера, Шкуро консультировался с кавказскими сепаратистами. Он предложил наследникам низвергнутого персидского шаха Каджарской династии (двум братьям) восстановить ее на престоле. Первую часть задачи он предполагал решить с помощью небольшого отряда верных и хорошо обученных казаков. В Чехословакии Шкуро посетил заводы «Шкода», где ему пообещали уступить 6000 русских винтовок, которые были вывезены Чехословацким корпусом из Сибири и в заводских условиях приведены в пригодное состояние (цена по 4 золотых рубля за единицу). Андрей Григорьевич пытался договориться и с казачьей верхушкой. Он вел переговоры с северокавказцами и даже с курдами, которых хотел использовать для прорыва в район Бакинских нефтепромыслов. Но во время переговоров с последними в Швейцарии местные власти попросили генерала покинуть страну. Не получил он и поддержки казачества. Улагай также поспешил отказаться от авантюры. В результате идея оказалась нереализованной.

Это говорит о невозможности белой эмиграции действовать активно после похищения Кутепова. То есть в 30-е годы советская разведка полностью парализовала Белое движение.

Генерал-майор Исаак Федорович Быкадоров в начале 30-х жил под Прагой. Он создал и возглавлял организацию «Вольное казачество», объединенную идеей его самостийности и был фактическим лидером зарубежного донского казачества.

«Генштабист, в свое время незаурядный казачий офицер, решительный, энергичный, умный, дальновидный, по убеждениям самостийник. Свои взгляды особенно никогда не афишировал, боясь ссоры с Деникиным, стоявшим за „единую“, неделимую».

В Первую мировую войну он командовал сотней, полком, дивизией. Его «Вольное казачество» создавалось при участии министерства иностранных дел Польши, польского генштаба и французской разведки. Они же и финансировали – 25 тыс. чешских крон в месяц.

Сам Юзеф Пилсудский вел с Быкадоровым переговоры относительно создания Донского государства. Премьер-министр Польши (в тот момент) просил подписать договор, по которому за Доном признавалась полная самостоятельность в границах, которыми располагает Донская область, с присоединением на востоке всего Поволжья и Урала, а на юге нынешних советских Терекского, Армавирского, Ставропольского, Майкопского, Черноморского, от Туапсе до Гагр, округов и Калмыкии. За этой территорией признавалось право на самостоятельность «казацкого государства» с Исааком Быкадоровым во главе. Взамен Пилсудский просил дать письменное обязательство перевести всех донцов в Польшу, поселить в Галиции и начать комплектование Донского корпуса и работу внутри СССР.

После поляков были обращения чехов. Сам президент Чехословакии присылал за генералом свою машину.

После чехов были французы, а если точнее – французский посол, который выложил перед генералом целых два варианта. Мы остановимся на одном из них. Донцам во главе с Быкадоровым дают убежище в Алжире, где им безвозмездно предоставляется земля для обработки. Признается и поддерживается самостоятельность Донского государства в границах, предложенных Пилсудским. За это требуется предоставить Франции право на железнодорожное и шоссейное строительство на Дону, на пользование туапсинским портом, сооружение Каспийско-Азовского канала и эксплуатацию Донецкого угольного бассейна. А впредь до образования казацкого государства Быкадоров должен был сформировать Донской корпус и с ним участвовать в случае войны против Италии на стороне Франции.

Посетил русского генерала и представитель английской разведки полковник Лоуренс, который в свою очередь предложил: «Все Закавказье, Дагестан, Абхазия и все современные советские горские республики поступают под протекторат его величества. Территория старого Дона, на западе добавленная Луганском, Озовкой, Бахмутом и Мариуполем, на юге Кубанью, Калмыкией, Ставрополем, Терекком и Крымом; на востоке – нынешним Нижне-Волжским краем, старым Уралом и Оренбургским войском с городами Челябинском и Златоустом, составляет буферное государство новых донцов», под руководством Быкадорова. Это государство находится в союзе с соединенным королевством.

Исаак Федорович отказал всем. Однако тот же Лоуренс предложил вернуть 700 тыс. рублей, которые англичане забрали у Богаевского, наложив на них арест еще в начале эмиграции. Быкадоров же был неумолим и не хотел ввязываться в эти авантюры. Со временем он пришел к пониманию единого сильного Российского государства, за что бывшие сподвижники стали называть его предателем казачьего дела.

В своей замечательной книге Николай Александрович Бердяев написал: «В белое движение я не верил и не имел к нему симпатии... Я уповал лишь на внутреннее преодоление большевизма. Русский народ сам освободит себя».

Белое движение так и останется в истории всего лишь безуспешной попыткой, не более того.

С началом войны на Восточном фронте немцы впервые привлекли офицеров старой русской эмиграции, главным образом добровольцев из Франции. Многие из них прошли

через главный штаб группы армий «Центр», другие попадали непосредственно в корпуса, дивизии и полки. Так по сообщению уполномоченного по делам русской эмиграции во Франции Ю.С. Жеребкова, он, совместно с председателем французского отдела РОВСа генералом-профессором Н.Н. Головиным, зарегистрировал более полутора тысяч офицеров, изъявивших желание безоговорочно участвовать в борьбе против большевизма. Вначале было направлено около двухсот эмигрантов, которые получили придуманную для них форму. Но спустя несколько месяцев Главное командование вермахта отозвало офицеров-эмигрантов в Германию, им было запрещено ношение формы, а многие раненые и инвалиды были предоставлены собственной безнадёжной участи.

4. ОУН

В 1921 г. из остатков офицеров «Западно-Украинской народной республики» и петлюровских «Украинских сечевых стрельцов» была создана «Украинская военная организация» (УВО) под руководством бывшего атамана галицийского корпуса полковника Коновальца. Его ближайшим помощником стал Мельник.

УВО поставила своей целью борьбу против Советского Союза под руководством польской дефензивы и немецкой разведки. Боевики «Украинской военной организации» засылались на советскую территорию со шпионскими и диверсионными заданиями, совершали разбой и убийства.

В январе 1929 г. в Вене на съезде украинских националистов было принято новое название – ОУН. Но так как УВО являлась боевым ядром нового сообщества, то она была прикреплена к новому названию приставкой: ОУН – УВО. В 1930 г. во Львове Коновалец упразднил эту приставку.

В 1933 г. с приходом к власти в Германии Гитлера ОУН полностью переходит на службу фашизму. Гитлер, Геринг и Розенберг, с одной стороны, и Коновалец – с другой, вели переговоры о предоставлении зеленой улицы «Военно-политическому союзу между будущей фашистской Украиной и гитлеровской Германией».

В своих секретных планах рейх предусматривал превращение Украины в немецкую колонию в качестве сырьевого придатка. Результатом переговоров оуновцев с фашистским руководством явилось издание в январе 1934 г. приказа о подчинении УВО гестапо на правах его рабочего отдела. Центральный провод ОУН тоже прописали в Берлине.

После убийства во Львове советского дипломата Майлова, совершенного террористом ОУН Лемеком в 1934 г., председатель ОГПУ В.Р. Менжинский издал приказ о разработке плана действий по нейтрализации террористических акций украинских националистов. Украинское ГПУ сообщило, что ему удалось внедрить в подпольную военную организацию украинских националистов в изгнании (ОУН) своего проверенного агента – Лебеда.

В годы Первой мировой войны Лебедь и Коновалец воевали офицерами в австро-венгерской армии против России на Юго-Западном фронте в составе корпуса «сечевых стрельцов», а с 1915 по 1918 г. они находились в лагере для военнопленных под Царицыном. В Гражданскую войну Лебедь командовал пехотной дивизией на Украине, сражавшейся против частей Красной армии. После отступления Коновальца в Польшу в 20-м году Лебедь был направлен на Украину для организации подпольной сети ОУН, где его арестовали и завербовали. Так он стал ключевой фигурой в борьбе с бандитизмом на Украине в 20-х годах, при том что его репутация в националистических кругах зарубежья оставалась высокой.

Вскоре через Лебеда в качестве его «племянника» в ОУН был введен советский агент П. Судоплатов (Андрей), впоследствии начальник службы разведки и диверсий органов безопасности.

23 мая 1938 г. по поручению Сталина Павел Анатольевич ликвидировал в Роттердаме лидера ОУН Е. Коновальца. В результате ликвидации лидера был вызван раскол в ОУН. В ходе борьбы за власть внутри ОУН между Бандерой и официальным преемником Коновальца Мельником погибли видные боевики и соратники Коновальца. После разгрома польской армии и оккупации Польши гитлеровцы перестроили всю работу оуновцев в узко анти-советском направлении. Перед последними была поставлена задача: готовиться к нападению на Советский Союз.

В связи с этим Центральный провод ОУН дал указание своим организациям, находившимся в подполье в советских областях Западной Украины, активизировать антисоветскую националистическую агитацию, расширять сеть организаций, подготавливать националистические повстанческие кадры для вооруженной борьбы против большевиков на случай военного нападения на СССР фашистской Германии, то есть организовать в советском тылу фашистскую «пятую колонну».

А между тем раскол в ОУН, спровоцированный советской разведкой, продолжался. В Центральном проводе в качестве его члена работал капитан гестапо Ярыга-Рихард (Ярый), который затем вошел в состав «бандеровского» провода. Через него немцы осуществляли свои намерения ослабить националистическое движение, в развитии которого они совершенно не были заинтересованы.

В период германо-польской войны «бандеровцы» якобы захватили документы польской разведки и установили, что члены провода ОУН Сенник, Сциборский и Барановский являлись агентами польской разведки и что об этом знал Мельник, но никаких мер против них не принимал. Кроме того, «бандеровцы» обвиняли «мельниковцев» в их прогерманской политике, считая себя «представителями украинского народа», которые «без помощи немцев борются за самостийную Украину». А в августе 1941 г. немцы арестовали самого Бандеру и содержали на даче в пригороде Берлина под домашним арестом.

А раскол продолжался. В 1942–1943 гг. во Львове и в Житомире бандеровцы расстреляли Барановского, Сциборского, Грибивского и Сушко. Когда с помощью немцев был создан новый провод ОУН, его руководителем стал Лебедь.

5. Сепаратисты

К войне на Востоке фашистская Германия готовилась достаточно тщательно и заблаговременно. Об этом говорит и тот факт, что кроме документов (директив) чисто военного характера Верховное командование вооруженных сил 16 июня 1941 г. подготовило «Директивы по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях», так называемую «Зеленую папку» (задачи и организация экономики). Здесь много интересного, изобретенного, но мы остановимся всего лишь на одном разделе: «Использование рабочей силы. Привлечение местного населения», где в пункте 2.В. «Обращение с населением по отдельным областям» есть характеристика некоторых народностей Советского Союза. Вот что там говорилось:

«1. Прибалтийские страны, Ленинградская и Северная области.

В прибалтийских странах германским органам наиболее целесообразно опираться на оставшихся там немцев, а также на литовцев, латышей и эстонцев.

Напряженные отношения между этими национальными группами и оставшимися русскими следует использовать в интересах Германии. Особые условия в великорусском Ленинграде, городе, который весьма трудно прокормить с его ценными верфями и близлежащей алюминиевой промышленностью, требуют особых мероприятий, которые будут предприняты своевременно.

2. Средняя полоса.

В Белоруссии будет, вероятно, нелегко в ближайшее время найти руководящий состав, который бы лояльно работал на нас, потому что белорусы в интеллектуальном отношении далеко отстают от живущих там великороссов, евреев и поляков.

С другой стороны, необходимо найти путь для использования в наших интересах запасов скота, ячменя, лошадей, древесины и т. д.

Московская область и области, находящиеся к востоку от нее, населенные великороссами и представляющие большой интерес в связи с ценными возможностями в отношении текстильного производства, составляют, в смысле подхода к населению, такую же трудную проблему, как и Ленинградская область, особенно вследствие того, что многомиллионный город потребует больших продовольственных дотаций. На основе первых недель войны будут даны указания в отношении подлежащих проведению мероприятий.

3. Юг.

В южных областях будут отличные предпосылки для продолжения нормальной хозяйственной жизни, если не произойдет больших разрушений. Продовольствие для населения имеется, уголь и железо тоже имеются на месте. Трудно сказать заранее, в какой мере можно будет использовать кавказскую нефть.

Необходимо приложить все усилия к тому, чтобы сохранить важнейшую промышленность и прочие хозяйственные предприятия и избежать разрушений.

Необходимо установить возможно лучшие отношения между местными жителями, то есть в данном случае между рабочими и служащими.

Возможное наличие противоречий между украинцами и великороссами необходимо использовать в наших интересах (...).

4. Кавказ.

Продовольственное положение в важнейших нефтяных районах (Южный Кавказ) зависит от доставки зерна из плодородных районов Северного Кавказа, с населением следует поддерживать хорошие отношения, в особенности с рабочими нефтяной промышленности. Противоречия между туземцами (грузины, армяне, татары и т. д.) и русскими следует использовать в наших интересах. При этом следует считаться с тем, что грузины и татары в противоположность армянам дружелюбно настроены к немцам...»

Таким образом, можно заметить особое отношение немцев к прибалтийским странам (немцы, литовцы, латыши и эстонцы), к Кавказу и населению юга (особенно к грузинам и татарам). Стоит обратить внимание и на использование немцами в своих интересах напряженных отношений между населением Прибалтики, украинцами, «туземцами» и русскими.

Немецкая разведка обнаружила напряженность в отношениях между русскими и другими национальностями, населявшими Советский Союз, и сделала ставку на эту напряженность.

Задачи абвера-2 (саботаж, диверсии, террор, поддержка повстанческих движений, разложение армий противника) предельно четко сформулировали еще в 1935 г., но практически до 1939 г. они не выполнялись. Сначала некоторые отделы абвера получили сотрудника для группы 2, который занимался подготовкой к действиям на случай войны, но уже вскоре потребовалась подготовка к проведению диверсий в странах вероятных противников и особенно с целью нарушения важных тыловых коммуникаций.

Одной из новых задач стала деморализация противника на его территории. Для этого уже в мирное время в соответствующих странах следовало наладить контакты с отдельными

лицами, согласными при необходимости оказывать тайное сопротивление своим правительствам и проводить мероприятия по подавлению воли населения к отпору.

Кроме подготовки диверсантов и террористов, их заброски в тыл противника, разработки и изготовления средств террора, организации диверсий и терактов абверу потребовалось – создание специальных отрядов из национальных меньшинств в тылу государств противника и организация воинских формирований из этого же числа для захвата в тылу противника стратегически важных объектов, с целью их уничтожения или сохранения до подхода передовых армейских частей.

Именно с этих задач началась практическая работа германской разведки с «пятой колонной» русской эмиграции и сепаратистов дореволюционной России.

В мае 1941 г. наряду со штабом «ВАЛЛИ» (для непосредственного руководства разведывательной деятельностью на советско-германском фронте) создаются боевые органы и в немецкой службе безопасности (СД). Это всего лишь несколько подразделений, так называемых рефератов в научно-исследовательских центрах по изучению стран Востока.

Отделение «А» – ведало материальным обеспечением (боеприпасы, радиоаппаратура, взрывчатые вещества для агентурно-диверсионных групп, которые планировалось забросить в тыл Красной армии).

Отделение «В» – агентурно-разведывательная работа на европейской части СССР.

Отделение «Н» – организация диверсий на Кавказе.

Подреферат «Д» – агентурно-разведывательная работа на территории советских республик Средней Азии.

По авторитетному мнению П.А. Судоплатова, координацией деятельности органов немецкой военной разведки службы безопасности СД и разведывательного бюро Риббентропа некоторое время руководил генерал Ф. Нидермайер, в прошлом видный немецкий дипломат и разведчик, авторитетный специалист по России. В 20—30-е годы – он немецкий военный атташе в Москве. Действовал как двойник немецкой и советской разведок.

«Он выступал с предложением о создании в преддверии войны Туркестанского легиона – националистических мусульманских организаций для действий против советских войск. Речь шла о создании Туркестанского, Волго-татарского комитетов, Крымского центра, Азербайджанского, Северо-Кавказского, Армянского, Грузинского штабов.

У немецких разведывательных органов были большие планы по разыгрыванию мусульманской карты против Советского Союза».

Руководство немецкой разведки, по сути, было увлечено и даже ослеплено идеей «молниеносной войны». Оно абсолютно не сомневалось в том, что с помощью разведывательно-диверсионных акций и опираясь на раскулаченное крестьянство в тылу СССР немцам удастся создать «пятую колонну».

Один из агентов немецкой разведки профессор «Идрис» был татарин. До Первой мировой войны проживал в Казани, где получил университетское образование. Во время войны попал в плен к немцам, потом в порядке обмена военнопленными вернулся в Россию. Но уже в 1922 г. вместе с Бухарской комиссией выехал в Германию, а после окончания ее работы отказался вернуться в СССР и остался в Берлине. Долгое время работал внештатным консультантом немецкого МИДа и по совместительству в министерстве пропаганды. «Идрис» часто выступал по радио с антисоветскими речами на турецком языке. Вокруг него группировались те, кого использовали на мусульманском направлении немецкой разведки. Немцы готовили Среднюю Азию в качестве театра военных действий. Немецкая разведка и разведывательное бюро Риббентропа активно использовали против Советского Союза также и грузинскую эмиграцию.

Грузинский журналист М. Кедия с 1927 г. проживал в Париже, где примкнул к партии грузинских социал-демократов. В 1941 г. переехал в Берлин и вступил в немецкую армию,

сотрудничал с гестапо, вошел в руководящий состав грузинского комитета. В период временной оккупации объявился в Пятигорске, где создал антисоветскую националистическую организацию «Ассоциация Грузии», которая оказывала помощь немецкой армии, готовила агентуру для заброски в Грузинскую ССР.

Русская эмиграция с южных территорий бывшей Российской империи, Северного Кавказа и Закавказья достаточно компактно распространилась в страны южного пояса – Турцию и Иран, отчасти Афганистан. После окончания Гражданской войны в Стамбуле был учрежден Объединенный комитет по борьбе с большевизмом, который призвал к созданию союза самостоятельных окраинных национально-государственных образований (Украина, Азербайджан, Грузия, а также казацкие области и территории под названием Горская республика (это Дагестан, Чечня и сопредельные территории)).

Однако комитет не прижился, потому что после освобождения всего Кавказа от большевиков считал необходимым постепенное создание империи под властью российского императора. Именно это и не устраивало тех, кто финансировал эмиграцию и оказывал ей поддержку.

Внук имама Шамиля, руководителя сопротивления горцев русским войскам в Кавказскую войну, Саид Шамиль долгое время проживал в Турции и руководил Комитетом азербайджанско-горского объединения. Во время Первой мировой войны он воевал на русско-турецком фронте, на стороне кайзеровской Германии. По окончании войны, на родине предков, он пытался воевать и с советской властью. На Кавказе Саид-бей впервые появился в июле 1920 года, приехав из Константинополя в Тифлис. Со временем его ввели во французскую миссию и представили грузинскому правительству. После денежной поддержки последних в октябре Саид выехал в Дагестан, где встретился с Имамом Северного Кавказа Нажмутдин-эффенди, заключил с ним соглашение и открыл боевые действия против большевиков. Успех был недолгим. С подходом красных ему пришлось оставить Дагестан и с небольшим окружением перейти в Чечню. Весной 21-го, когда Красная армия захватила всю Грузию, Шамиль бежал из Чечни в Турцию. Немецкая разведка вышла на Шамиля в феврале 1935 года.

Интересно, что одним из важнейших принципов совместной работы с немцами Шамиль считал резкое отделение деятельности кавказцев от деятельности украинцев, в которых он видел большую опасность: «Сильная Украина в общем представляла бы для Кавказа такую же опасность, что и сильная Россия, так как нежелательная политическая и экономическая экспансия Украины шла бы по направлению Кавказа. При таком положении грузины также представляют опасный, как объединенный с Украиной, элемент. Грузины – почти такие же враги кавказских мусульман, как и армяне, но в то время, как армяне высказывают открыто свое врожденное отношение к ним – грузины всегда играют с закрытыми картами...»

Партия Мусават, основанная в 1912 г., последовательно стремилась к приходу к власти в Азербайджане и отделению Кавказа от России.

В 1918 г., когда турецкая армия помогла азербайджанскому правительству перебраться в Баку, Мусават встала под покровительство Турции. Во главе партии со дня ее создания стал Расул-заде – туркофил, националист, русофоб. Когда власть в Азербайджане перешла к большевикам, мусаватисты бежали за границу.

До 1934 г. эта партия была единой, но потом последовал ее раскол на Варшавскую и Стамбульскую группы. С середины тридцатых годов. руководство Мусавата стало активно сотрудничать с немцами.

После начала войны наиболее влиятельные деятели эмиграции были приглашены в Берлин. Представитель МИД Германии Шуленбург на совещании предложил всем течениям, сложившимся к тому времени, объединиться в единый азербайджанский комитет (мусават-

тистов Расул-заде, сторонников Векилова – отколовшихся старых членов партии и Азербайджанскую народную партию). Вот только работу комитета наладить не удалось. Разговоры о независимости немцев не устраивали. Их больше интересовали вопросы формирования и подготовки национальных легионов...

14 июля 1934 г. в Брюсселе был подписан договор о создании конфедерации народов Кавказа. Текст документа подписали: за Азербайджан – Расул-заде; за Северный Кавказ – Чулик, Шакманов и Сунжев; за Грузию – Жордания, бывший председатель грузинского правительства...

Участники договора направили письмо армянскому национальному центру с сожалением, что «Армянская республика» не смогла присоединиться к кавказской конфедерации.

Но практически до 1942 г. работа влиятельных деятелей эмиграции сепаратистов сводилась к личным амбициям: недоверию, подсиживанию и провокациям.

С началом войны немцы взяли работу с эмиграцией под свой непосредственный контроль. Воплощение же плана создания общекавказского правительства началось осенью 1942 г. В Берлине было созвано совещание представителей национальных эмигрантских организаций с целью формирования правительства кавказской конфедерации из азербайджанцев, грузин, горцев и других. Армянских эмигрантов уговорить не удалось.

Использование немцами белой эмиграции было своеобразным. Долгие разговоры, переговоры и сотрудничество с началом оккупации советской территории свелось к формированию так называемых добровольческих частей и только потом к созданию национальных комитетов.

Так, военное командование совместно с восточным министерством создало: Волготатарский центр, Крымский центр, Азербайджанский штаб, Северо-Кавказский штаб, Армянский штаб, Грузинский штаб и Калмыцкий центр. Все они являлись центрами подрывной работы против СССР...

Одним из лидеров Крымских татар в эмиграции был Джафар Сейдаметов. В 1918 г. он, председатель Крымского национального правительства и одновременно министр иностранных дел, возглавлял крымскую делегацию на переговорах с немцами. При отступлении Врангеля из Крыма эмигрировал в Турцию. Был лидером народной партии крымских татар. Через 2-й отдел польского генштаба Сейдаметов получал жалование 1000 злотых ежемесячно. Но накануне войны, как и многие лидеры других этносов, переключился на работу с немцами. В сентябре 1941 г. его принял Гитлер, а на следующий день в его доме состоялось совещание под председательством Саида Шамяля, на котором рассматривались вопросы, связанные с засылкой в Крым и на Кавказ через Сирию и Иран агентуры, которую можно было бы использовать для подготовки восстания при подходе немецких войск к этим регионам.

Но этим планам, как и многим другим, не суждено было сбыться.

6. Чечня и крымские татары

С самых первых дней советской власти и вплоть до своей ликвидации Чечено-Ингушская АССР по праву считалась самой «беспокойной» и всегда оставалась очагом бандитизма. После окончания Гражданской войны бандитизм на Северном Кавказе заметно пошел на убыль, но только не в Чечне. Например, в результате операции по разоружению населения района Ачхой – Катыр-Юрт – Шалажи – Гехи – Валерик – Шамиюрт (9-м стрелковым корпусом в 1923 г.) было изъято 1174 винтовки, а по окончании операции части корпуса с 16 по 19 декабря была проведена операция по разоружению района Чечень – Белгатой – Гельдыген – Цацын-Юрт – Центарой – Ишхой, где у населения было изъято 1715 винтовок.

А вот выводы из информационного обзора штаба 9-го стрелкового корпуса о развитии бандитизма в районах дислокации частей корпуса в июле – сентябре 1924 г. (3 октября):

«1. К концу второй половины отчетного периода бандитизм в Кабардино-Балкарской, Осетинской и, отчасти, Ингушской области значительно понизился.

2. Бандитизм в Чеченской области сохраняет прежний уровень, а периодами повышается, и область в отношении бандитизма нужно считать неблагонадежной.

3. Вообще бандитизм на территории корпуса не имеет ярко выраженной формы, по своему характеру – чисто уголовный, скрытый в массе горского населения, живущего своеобразными бытовыми условиями и традициями, воспитанный религиозным фанатизмом и бывшим политическим режимом (колонизаторство). Родовая вражда, кровная месть, национальная ненависть и неуважение, стеснительные земельные условия, обилие оружия у населения, географические условия – все это в той или иной степени влияет на развитие бандитизма...»

Летом 1925 г. началась следующая широкомасштабная операция по зачистке территории Чечни от бандформирований и изъятию оружия у местного населения. Но спокойствие после этой операции воцарилось ненадолго. В ноябре – декабре 1929 г. здесь вспыхнуло крупное восстание, которое удалось подавить. Было изъято 450 бандитов.

Однако и этого оказалось недостаточно. К концу февраля 1930 г. «уцелевшие главари» начали подготовку следующего восстания. Поэтому в марте 1930 г. была проведена повторная войсковая операция, в которой участвовало 3920 военнослужащих при 16 орудиях.

В марте 1932 г. вспыхнуло новое крупное восстание в Ножай-Юртовском районе. Постанцы блокировали гарнизоны и пытались захватить их, но 28–29 марта были разбиты и рассеяны подошедшими частями Красной армии.

Факты упрямо говорят о том, что изначально в Чечне был просто уголовный бандитизм.

Из докладов о ликвидации контрреволюционного выступления в Чеченской, Карачаевской, Кабардинской и Ингушской национальных областях:

«Причинами выступления являются: крупнейшие ошибки старого партийного руководства области, проводившего совершенно неправильную линию на сплошную коллективизацию, без учета особенностей и уровня развития национальной области (наличие в значительной мере родовых пережитков, религиозный фанатизм, слабая классовая дифференциация, чрезвычайная культурная отсталость масс, скотоводческий тип хозяйства, находящийся в горных округах на весьма низком уровне развития). Административное насаждение колхозов, попытки коллективизации в горных районах, неправильное лишение избирательных прав середняков, а в ряде случаев и бедняков, превратившееся в некоторых местах (Итум-Калинский округ) в массовое явление, попытка административного закрытия мечетей».

Следующее обострение отмечено в 1937 г. По данным справки о результатах борьбы с террористическими группами в республике в период с октября 1937 по февраль 1939 г., на ее территории действовали 80 группировок общей численностью 400 человек и более 1000 человек находились на нелегальном положении.

Однако благодаря принятым мерам в 1939 г., с их выступлениями в основном удалось покончить. В ходе операций были арестованы и осуждены 1032 участника бандитских групп и их пособников, 716 беглых, кулаков, изъяты 5 пулеметов, 21 граната, 8175 винтовок, 3513 единиц прочего оружия. В 1940 г. бандитизм в республике снова начинает действовать. Большинство групп пополнялось за счет беглых уголовников и дезертиров Красной армии.

В октябре 1943 г. бригада работников госбезопасности во главе с заместителем наркома комиссаром госбезопасности 2-го ранга Б. Кобуловым выехала в Чечено-Ингушетию, а 9

ноября по результатам ее работы была подготовлена докладная записка на имя Л. Берии «О положении в районах Чечено-Ингушской АССР».

«Населенных пунктов в республике насчитывается 2288. Население за время войны сократилось на 25 886 человек и насчитывает 705 814 человек. Чеченцы и ингуши в целом по республике составляют около 450 000 человек. В республике 38 сект, насчитывающих свыше 20 тысяч человек. Они ведут активную антисоветскую работу, укрывают бандитов, немецких парашютистов. При приближении линии фронта в августе – сентябре 1942 г. бросили работу и бежали 80 человек членов ВКП(б), в том числе 16 руководителей райкомов ВКП(б), 8 руководящих работников райисполкомов и 14 председателей колхозов.

Антисоветские авторитеты, связавшись с немецкими парашютистами, по указаниям немецкой разведки организовали в октябре 1942 г. вооруженное выступление в Шатоевском, Чеберлоевском, Итумкалинском, Веденском и Галангожском районах.

Отношения чеченцев и ингушей к советской власти наглядно выразилось в дезертирстве и уклонении от призыва в ряды Красной армии.

При первой мобилизации в августе 1941 г. из 8000 человек, подлежащих призыву, дезертировало 719 человек. В октябре 1941 г. из 4733 человек 362 уклонились от призыва. В январе 1942 г. при комплектовании национальной дивизии удалось призвать лишь 50 процентов личного состава. В марте 1942 г. из 14 576 человек дезертировало и уклонилось от службы 13 560 человек, которые перешли на нелегальное положение, ушли в горы и присоединились к бандам. В 1943 г. из 3000 добровольцев число дезертиров составило 1870 человек.

Группа чеченцев под руководством Алаутдина Хамчиева и Абдурахмана Бельтоева укрыла парашютный десант офицера германской разведслужбы Ланге и переправила его через линию фронта. Преступники были награждены рыцарскими орденами и перебросены в ЧИАССР для организации вооруженного выступления.

По данным НКВД и НКГБ ЧИАССР, на оперативном учете было 8535 человек, в том числе 27 немецких парашютистов, 457 человек, подозреваемых в связях с немецкой разведкой: 1410 членов фашистских организаций; 619 мулл и активных сектантов; 2126 дезертиров. За сентябрь – октябрь 1943 г. ликвидировано и легализовано 243 человека. На 1 ноября в республике оперируют 35 бандгрупп с общей численностью 245 человек и 43 бандита-одиночки.

Свыше 4000 человек – участников вооруженных выступлений 1941–1942 гг. прекратили активную деятельность, но оружие – пистолеты, пулеметы, автоматические винтовки – не сдают, укрывая его для нового вооруженного выступления, которое будет приурочено ко второму наступлению немцев на Кавказ».

Даже по этим сухим строкам документа не трудно себе представить, что собой представляла Чечено-Ингушетия в 1943 г.!

Массовое дезертирство и уклонение от призыва в Красную армию, вооруженные выступления, нападения на опергруппы и отряды НКВД, убийства, налеты, грабежи, а также пособничество немецким диверсантам.

Характерно, что захваченный НКВД полковник Губе Осман на допросе показал:

«Среди чеченцев и ингушей я без труда находил нужных людей, готовых предать, перейти на сторону немцев и служить им. Меня удивляло: чем недовольны эти люди? Чечены и ингуши при Советской власти жили достаточно зажиточно, в достатке, гораздо лучше, чем в дореволюционное время, в чем я лично убедился после 4-х месяцев с лишним нахождения на территории Чечено-Ингушетии. Чеченцы и ингуши, повторяю, ни в чем не нуждаются, что бросалось в глаза мне, вспоминавшему тяжелые условия и постоянные

лишения, в которых обретала в Турции и Германии горская эмиграция. Я не находил иного объяснения, кроме того, что этими людьми из чеченцев и ингушей, настроениями, изменческими в отношении своей Родины, руководили шкурнические соображения, желание при немцах сохранить хотя бы остатки своего благополучия, оказать услугу, в возмещение которой оккупанты им оставили хотя бы часть имеющегося скота и продуктов, землю и жилища».

В своем обращении к народу 3 июля 1941 г. Сталин, говоря о целях немецко-фашистских захватчиков в отношении народов Советского Союза, назвал русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, молдаван, грузин, армян и азербайджанцев, то есть те нации, которые на тот период времени имели статус союзных республик.

Не назвал он только татар. То ли специально не назвал, то ли забыл, теперь уже никто не расскажет. Хотя, как известно, слабостью памяти вождь не страдал!

Я же хотел бы сказать несколько слов о татарах крымских. Про них, самых обиженных до сих пор, есть что сказать. По данным за 1939 г., в Крыму проживали: русские 558 481 (49,6 %); украинцы – 154 120 (13,7 %); татары – 218 179 (19,4 %); немцы – 51 299 (4,6 %); евреи – 65 452 (5,8 %); болгары – 15 353 (1,4 %); греки – 20 652 (1,8 %); армяне – 12 873 (1,1 %); прочие – 29 276 (2,6 %). А всего: 1 126 385 человек. А теперь факты...

Все призванные в Красную армию из крымского населения составили 90 тыс. человек, в том числе 20 тыс. крымских татар, которые в 1941 г., при отступлении 51-й армии из Крыма, дезертировали.

В одной только деревне Коуш из 132 призванных в Красную армию дезертировали 120 человек. Так что дезертирство татар Крыма было просто поголовным, а затем началось прислужничество немецким оккупантам, о чем мы обязательно поговорим позже.

7. Фольксдойче

Сразу же после окончания военных действий во Франции немецкая разведка активизировала свою работу против СССР.

Абвер стремился координировать деятельность немецких поселенцев и колонистов, осевших в Западной Украине и Румынии. Их связи тянулись к немецким колониям, расположенным на территории Украины – в Одессу и Крым. Центром их деятельности были Черновцы.

«Немецкий народный совет германцев в Бессарабии возглавлял офицер абвера. Немецкая резидентура пыталась распространить свою деятельность на всю территорию Молдавии и Украины. Сельские колонисты – крестьяне, стали основным направлением в разведывательной деятельности абвера.

Накануне войны советская разведка зафиксировала стремление немецких разведывательных органов внедрить свою агентуру из числа местных жителей в службы Киевского особого военного округа, особенно в сфере материально-технического снабжения наших войск, вступивших на территорию Западной Украины.

По воспоминаниям П.А. Судоплатова, после проведенного анализа попавших в руки советской разведки архивов польских, румынских, латышских, эстонских спецслужб, стало известно о проявлении большого интереса немцев к вербовке советских граждан и перемещенных лиц: „Главным критерием их вербовочных подходов был так называемый „принцип немецкой крови“. Немецкая национальность считалась главным пропуском для установления связей с интеллигенцией, проживающей на территории Советского Союза“».

В фашистской Германии в 30-е годы существовали две организации: заграничная организация НСДАП (АО) и «Фольксдойче миттельштелле», занимавшиеся вопросами возврата в лоно матери – родины всех людей немецкой крови. Фактически же эти организации были шпионскими гнездами, которые сначала содействовали созданию «пятой колонны» в Австрии и Чехословакии, а затем выявлению укрывавшихся за границей немецких политических противников режима и слежке за ними.

АО являлась секцией НСДАП, которая объединяла немцев, живущих за границей. Ее руководителем был партийный гауляйтер и статс-секретарь министерства иностранных дел Эрнст Боле. Эта специальная секция была создана в 1931 г. Грегором Штрассером в Гамбурге. Выбор этого города в качестве местопребывания организации объяснялся тем, что из десяти более или менее длительных заграничных поездок немцев восемь осуществлялись через Гамбург, порт, из которого шли морские линии в обе Америки, где размещались крупнейшие пароходства и находилось около сотни иностранных консульств. На секцию возлагалась задача обеспечения связей с 3300 членами НСДАП, проживающими за пределами Германии. В октябре 1933 г. АО была поставлена под контроль Гесса, выступавшего в качестве представителя фюрера. За несколько лет эта организация создала около 350 региональных групп НСДАП, рассеянных по всему миру, не считая отдельных членов, с которыми также поддерживалась постоянная связь.

«Фольксдойче миттельштелле» полностью контролировалась СС. Руководителем этой центральной службы немцев чистой расы был группенфюрер Лоренц. Сфера деятельности этой организации, занятой защитой интересов немцев, принадлежащих к чистой расе и живущих за границей, распространялась в основном на соседние страны. Она сыграла огромную роль в подготовке аншлюса и в организации волнений в Судетах.

Во время Второй мировой войны она выступила организатором перемещения населения в Польшу и на восточных территориях. Гиммлер, назначенный 7 октября 1939 г. имперским комиссаром по расселению германской расы, руководил проведением этих операций с помощью СС и гестапо.

На начало 1939 г. немцев в СССР насчитывалось 1 427 222 человека, в том числе в Российской Федерации 700 231 человек. Первое решение о депортации немцев Поволжья было принято 12 августа 1941 г. Их предполагалось выселить в районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахской и Киргизской ССР и в другие соседние области.

27 августа появился приказ НКВД СССР «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей». В республику были направлены 1200 сотрудников НКВД, 2000 работников милиции, 7350 красноармейцев. Руководство операцией было поручено замнаркома внутренних дел СССР Серову.

Считается, что переселение немцев проводилось в жесткой форме. Возможно и так, но о какой другой форме могла идти речь, если шла война, а как известно, в ее начале была катастрофа, связанная прежде всего с прорывом фронта и масштабным отступлением. Нельзя забывать и о том, что фашистская Германия возлагала определенные надежды на создание «пятой колонны» в тылу СССР. Одним из элементов этой «колонны» должны были стать немцы. Угроза участия русских немцев в войне на стороне Германии существовала вполне реально. И только благодаря переселению этого удалось избежать.

Давайте вспомним недавние события, когда в результате развала Советского Союза тысячи русских немцев стали возвращаться на свою историческую родину в объединенную Германию. Думаю, что это бегство не было случайным...

Автор книги «По мощам и елей», Александр Николаевич Яковлев, считает: «Народ был обвинен только в том, что он принадлежал к нации, государство которой – фашистская Германия – вела войну против СССР». Такая позиция в корне неверна. Думаю, что народ был

неблагонадежным в силу ряда причин, и чтобы избежать его использования противником в войне против Советского Союза, он был переселен.

Да, это было далеко не приятным мероприятием, но в тот момент, когда существовала реальная угроза поражения, других вариантов не было и быть не могло.

8. Разведывательно-диверсионные группы

Накануне войны абвер имел одно существенное преимущество перед советскими органами госбезопасности. В его структуре функционировал спецотдел по проведению разведывательно-диверсионных операций, а при нем был сформирован учебный диверсионный полк «Бранденбург-800».

Еще перед началом Второй мировой войны абвер получил от генштаба задание предотвратить разрушения промышленности польской части верхней Силезии. Этот район, важный для германской военной экономики, как можно быстрее должен был включиться в германскую программу вооружений. Для подобной операции следовало подготовить людей, прекрасно владевших польским языком и хорошо знавших соответствующие объекты, чтобы непосредственно перед началом боевых действий вермахта скрытно перебросить их на место, чтобы спасти эти объекты от разрушения. В связи с возможным увеличением количества и масштаба подобных задач осенью 1939 г. в Чехословакии началось формирование роты под условным названием учебно-строительная рота (командир – капитан доктор фон Гиппель), которая впоследствии была развернута в учебно-строительный батальон, дислоцировавшийся в г. Бранденбург (командир – майор Кевиш).

Батальон использовали во время кампании во Франции. Штаб оперативного руководства вооруженными силами и генеральный штаб проявили заинтересованность в дальнейшем развитии подразделений, которые под соответствующей маскировкой могли бы использоваться в прифронтовом тылу противника. В октябре 1940 г. батальон переформировали в учебный полк «Бранденбург», а в декабре 1942 г. – в дивизию.

В первый период своего существования батальон «Бранденбург» комплектовался главным образом из немцев, владевших иностранными языками, и фольксдойчей.

Позднее эти подразделения пополнялись за счет добровольцев – военнопленных англичан и французов, а также белоэмигрантов. Зимой 1940/41 г. 2-й отдел абвера сформировал в лагере Нейхаммер под Лигницем батальон из украинцев, служивших в польской армии и имевших хорошую боевую выучку. Этот батальон получил кодовое наименование «Нахтигаль» (Соловей). В 1938 г. были созданы тренировочные центры для украинских эмигрантов под Берлином и Бранденбургом для подготовки кадров «пятой колонны» на случай начала боевых действий против Польши и СССР.

В 1939 г. 250 украинских добровольцев проходили спецподготовку в учебно-тренировочном лагере под Дахштайном. В полку «Бранденбург 800» подготовку проходили члены украинской секции русской фашистской организации РОНД. Одним из первых украинских формирований абвера был так называемый «легион полковника Романа Сушки» – отряд членов ОУН численностью 200 человек. С созданием же дружин украинских националистов: 1-го батальона «Роланд» и 2-го батальона «Нахтигаль» общая численность легионеров достигла 700 человек.

В преддверии военных действий в России абвер приступил к вооружению групп ОУН и фольксдойчей на советской территории, контрабандным путем переправляя им оружие через границу.

В 1940 г. один из лидеров «правой белорусской эмиграции» предложил немецкому руководству проект организации деятельности белорусских национал-социалистов, кото-

рый включал в себя переподготовку военнопленных белорусов и переправку обученных кадров на территорию СССР для ведения диверсионной работы.

Формирование 1-го белорусского подразделения началось весной 1941 г. 1-й штурмовой взвод (50 человек) был подготовлен в составе полка в Бранденбурге-800. Точно так же немцами готовились десантники Варшавского-Белорусского комитета. В их число включали добровольцев-белорусов из лагерей военнопленных польской армии. Два подразделения вошли в оперативное подчинения штаба «Валли».

Диверсантам поручалось проведение диверсий в ближнем советском тылу, истребление командного состава РККА, передача военных сведений по радио. Уже перед началом военных действий против СССР абвер привлек к сотрудничеству грузинских эмигрантов (5-я рота полка «Бранденбург-800»). Согласно секретному распоряжению № 53/41 отдела иностранной контрразведки немцы готовили силами грузин восстание на территории Грузии. Эта организация разделилась на две агентурные группы: первая – «Тамара-1» (16 грузин для саботажа) и вторая – «Тамара-2» (80 грузин – оперативная группа).

Группы были сформированы во Франции при активном участии руководителя грузинского военного комитета Михаила Кедия.

Кроме украинцев, белорусов и грузин абвер использовал и эстонцев. После присоединения Прибалтики к Советскому Союзу многие эстонские военнослужащие оказались в Финляндии.

В 1940 г. 2-й отдел абвера направил туда нескольких офицеров эстонцев с целью отбора из их соотечественников наиболее подходящих для работы в разведке. За несколько месяцев до начала кампании в России немцам требовалась точная информация о русских войсках в Прибалтике.

Около 80 эстонцев готовили к заброске в СССР. Для этой цели был организован центр подготовки на полуострове Сека, 40 километров западнее Хельсинки. Предполагалось после первых успехов кампании на Востоке с моря высаживать эстонские диверсионные группы на советскую территорию.

В состав полка «Бранденбург-800» входили штабная рота, рота связи, учебный лагерь, пять батальонов четырехротного состава и учебный батальон. Подразделения полка предназначались для ведения диверсионной и разведывательной работы в тылу советских войск. Они осуществляли захват стратегически важных объектов до подхода основных сил вермахта, организацию «повстанческого движения», ведение войсковой разведки на передовой линии фронта с целью захвата «языков» и подрыва оборонительных сооружений, совершали террористические акты в отношении командного, административного и политического состава армии противника.

Например, спецрота 2-го батальона «Нахтигаль» была переброшена в Румынию для охраны нефтескважин и сопровождения транспорта, то есть немцы использовали специальные подразделения как для диверсий, так и для охраны стратегических объектов.

В 1940 г. спецназ использовался абвером преимущественно в прифронтовой полосе. Так полк «Бранденбург» во время операций против Греции и Югославии захватил мост через реку Вардер в Северной Греции и удерживал его до подхода авангарда прорвавшихся к Солоникам немецких танковых дивизий.

На советской территории диверсионные подразделения абвера первоначально действовали так же, как в Югославии. Например, в ночь на 22 июня 1941 г. абвергруппы полка «Бранденбург-800» появились на участках Августов – Гродно – Колынка – Рудинка – Сувалки и захватили десять стратегических мостов. Сводная рота батальонов «Бранденбург-800» и «Нахтигаль» при форсировании реки Сан заняла плацдарм и сумела воспрепятствовать эвакуации и уничтожению документов советских военных и гражданских учреждений в Брест-Литовске и в Литве.

Начиная с февраля 1941 г. и до 15 июня диверсионные подразделения абвера были развернуты против СССР. Штаб-квартирой полка «Бранденбург-800» стали Краков и местечко Аленштайн в Восточной Пруссии. 7 июня 1941 г. батальон «Роланд» прибыл из Вены в Румынию, где был включен в состав 11-й немецкой армии.

26 июля батальон «Роланд» перешел под командование 54-го армейского корпуса и принимал участие в прочесывании территории и охране дорог у р. Днестр. Батальон насчитывал 269 человек (4 роты). На занятых территориях его предполагалось пополнить 150 добровольцами-украинцами.

29 июля батальон «Роланд» оперировал в районе Кишинев – Вадулуй – Вода. Батальон «Нахтигаль» (350 человек) за четыре дня до вторжения в Советский Союз был передислоцирован к границе. В ночь с 22 на 23 июня батальон перешел границу у Перемышля и, не вступая в бой с частями РККА, двигался в направлении Львова.

15—17 июля переодетые в красноармейскую форму украинские националисты из батальона «Нахтигаль» и немцы 1-го батальона «Бранденбург-800» под Даугавпилсом совершили нападение на штаб одной из частей Красной армии в лесу под Винницей, но их атака была отбита.

28 июля диверсанты 8-й роты полка «Бранденбург-800» захватили и разминировали подготовленный к взрыву отступающими советскими войсками мост через Даугаву.

Во Львов батальон «Нахтигаль» вступил вместе с 1-м батальоном «Бранденбург-800» 30 июля в 4 часа 30 минут и взял под контроль стратегические объекты и транспортные узлы города. К тому времени в городе закончились основные бои между местными оуновцами и отступающими советскими частями. Затем весь личный состав батальона «Нахтигаль» под руководством офицеров абвера, по специальным спискам, составленным агентами краковского отделения абвера, осуществлял массовые казни еврейского населения, а потом и польской интеллигенции во Львове.

Первые парашютисты из состава 1-го штурмового белорусского взвода (41 человек в форме РККА) были сброшены на советскую территорию 18 июня 1941 г. в районе г. Сувалки для совершения диверсии на железнодорожной ветке Столбцы – Барановичи партиями по 5—11 человек. Большая часть группы была ликвидирована органами госбезопасности.

Вторая группа была десантирована в ночь с 21 на 22 июня западнее Минска, где провела диверсию на железной дороге и выступила навстречу немецким передовым частям. Десантники Варшавского комитета были заброшены на советскую территорию близ р. Буг.

После выброски вся группа была замечена и атакована пограничниками. В ходе боя их взяли в плен. 1-й штурмовой взвод после расформирования был включен в Минскую городскую полицию порядка.

С началом боевых действий против СССР абвер развернул активную работу по созданию диверсионных групп из эстонцев для захвата стратегически важных объектов и организации повстанческого движения на территории Эстонии.

Группа «Эрна» была подготовлена в составе 14 агентов и 70 бывших военнослужащих эстонской армии. Первые 40 человек на трех катерах успешно достигли эстонского побережья. Оставшаяся в Финляндии часть «Эрны» ввиду невозможности пробиться к побережью морским путем была пополнена и сброшена на парашютах в Эстонию.

Находящаяся на месте группа провела необходимую подготовку: подыскала подходящую площадку и подготовилась к приему своих коллег в ночное время, что подтверждал и радиообмен. Затем транспортные самолеты точно произвели выброску парашютистов. Операция прошла блестяще. Результаты своей работы (наблюдение за путями сообщения, наблюдение за передвижением частей армии, разведка оборонительных рубежей вокруг эстонской столицы) группы передавали по радио.

По оценке немецких экспертов, использование эстонских добровольцев в этой операции оказалось весьма эффективным.

А вот что написал в своих воспоминаниях личный помощник Канариса Оскар Райле: «Возможность боевого применения эстонских добровольцев в деле, получившем кодовое обозначение „Операция Эрн“, в Эстонии была крайне полезной для Германии. Среди населения распространилась весть, что соотечественники, участвовавшие в войне Германии против Советского Союза, первыми ступив на родную землю, боролись за освобождение своей страны».

К концу июля 1941 г. общая численность эстонских добровольцев достигла 900 человек.

В октябре 1941 г. эстонский батальон был расформирован, а его личный состав передан в полицию, службу самообороны или органы местного самоуправления. В это же время абвером-2 был создан батальон «Бергманн» (1500 человек):

1-я рота – грузины и немцы;

2-я рота – уроженцы Северного Кавказа;

3-я рота – немцы и азербайджанцы;

4-я рота – грузины и армяне;

5-я рота – штабная (около 30 человек) из белоэмигрантов всех национальностей.

Командный состав – немцы.

В конце августа 1942 г. батальон был переброшен в Россию на Кавказ. 1-я и 3-я роты действовали в районе Моздока, 2-я рота – в районе Майкопа, 4-я рота – в районе Эльбруса. Из состава 2 и 4 рот назначались бургомистры и старосты в оккупированных районах Северного Кавказа. Перед 5-й ротой была поставлена задача захвата Военно-грузинской дороги. Подразделения батальона «Бергманн» перебрасывали в тыл советских войск диверсионные группы для разрушения коммуникаций и создания паники.

Роты вели добычу языков и разбрасывали листовки за линией фронта и вели передачи, призывая переходить к немцам. Во время немецкого наступления на Северном Кавказе 30 диверсантов в советской военной форме проникли в тыл Красной армии (под видом раненых, идущих с переднего края обороны) и взорвали стратегически важный мост в районе Минеральных Вод, чтобы сорвать организованный отход советских войск. Другая группа проникла в Майкоп, устроила на мосту засаду и сорвала плановый отход советских частей.

В октябре 1941-го при «Бранденбурге-800» в 60 километрах от Берлина была сформирована зондеркоманда капитана Ланге. Команда находилась в непосредственном подчинении отдела абвер-2 и состояла из агентов, подготовленных для проведения подрывной работы в тылу советских войск на территории Кавказа.

В конце июля 1942 г. группа агентов из адыгейцев, карачаевцев, кабардинцев и черкесов под руководством фельдфебеля Морица была направлена в г. Сталино для переброски в район Майкоп – Краснодар. 25 августа 1942 г. из Армавира группа Ланге в количестве 30 человек (чеченцы, ингуши и осетины) были десантированы с самолетов в районы селений Ататинского района для организации повстанческого движения. В сентябре 1942 г. на территорию Чечено-Ингушетии была выброшена вторая группа диверсантов из 12 человек под руководством унтер-офицера Реккерта. Группа Ланге была целиком ликвидирована, а сам Ланге в ноябре возвратился с тремя немцами к своим.

Грузинские диверсанты принимали участие в составе подразделений лейтенанта Ланге в операции «Шамиль», организованной абвером для захвата Грозненского нефтеперерабатывающего завода. После провала операции диверсантам удалось установить связь с чеченскими бандами...

9. Выводы

С началом войны на стороне Германии действовала малочисленная «пятая колонна». *Во-первых*, это объясняется эффективной работой советской разведки.

Во-вторых, обострение взаимоотношений между эмигрантскими группировками, явившееся результатом деятельности советской разведки, породило у спецслужб противника недоверие к русской эмиграции.

Существовало противоборство между украинской, российской и кавказской эмиграцией. Русских эмигрантов раздражала деятельность украинцев по созданию «самостийного государства». Грузинские меньшевики, укрывавшиеся с их «Независимой Грузией» в Париже, вызывали беспокойство в монархическом крыле российской эмиграции, которая не питала симпатий к этой публике и считала их деятельность вообще антирусской.

В-третьих, при подготовке к вторжению на территорию СССР абвер ориентировался прежде всего на ведение диверсионных операций в ближайшем тылу и на выполнение заданий по тактической разведке. П.А. Судоплатов писал в своей книге: «Разные дни тайной войны и дипломатии 1941 года»: «Но в своей работе противник вынужден был опираться, как я уже писал, на эмигрантские формирования. А они-то как раз были нам известны по оперативным учетам. Таким образом, мы обладали большими возможностями им противодействовать».

К тому же непосредственным планированием разведывательных операций противника и их руководством занимались люди, не компетентные в русских делах. В результате интриг из немецкой разведки были изгнаны специалисты по России, а ее руководство было фактически «ослеплено» первыми успехами «молниеносной войны». Их уверенность, что с помощью разведывательно-диверсионных акций и опоры на раскулаченное крестьянство в тылу нашей страны им удастся создать «пятую колонну», как в странах Западной Европы, оказалась просто нереальной.

Массовая вербовка, при хроническом недоверии к эмиграции, исключалась, что существенно ограничивало сферы разведывательно-диверсионной деятельности абвера на Восточном фронте. Тем более что диверсий в глубоком тылу, за исключением бакинских нефтепромыслов, немецкое командование не планивало.

После выполнения конкретных задач личный состав национальных частей и подразделений разоружался самими немцами и перебрасывался либо далеко за пределы восточного фронта, или же включался в полицию и оккупационную администрацию. Это объяснялось недоверием по отношению к национальным формированиям украинцев, белорусов и др.

В-четвертых, террор двух десятилетий советской власти и сталинская политика безжалостной расправы с любыми врагами «отбили охоту» бороться с режимом даже у недовольных. Те, кто заменял репрессированных, становились более преданными режиму, так как своим возвышением были обязаны власти. Социальная инерция насилия порождала доносительство, ложь, клевету, беспринципность. Все это в совокупности лишь увеличивало преданность государству, Родине, вождю – Сталину. Когда в зоне оккупации оказалось более 20 миллионов советских людей, невероятные испытания нашего народа раскрыли глаза на истинное лицо фашизма. Даже обиженные на советскую власть становились на ее защиту. В результате «пятую колонну» внутри Советского Союза немцам создать не удалось.

Правда, в ходе войны и даже после нее на советской территории действовали отдельные бандформирования, малочисленность и разрозненность которых не позволяет причислить их к организованному движению, способному изнутри каким-либо образом свергнуть существующую власть.

По данным отдела борьбы с бандитизмом НКВД СССР, за первые три года войны в СССР ликвидированы 7163 повстанческие группировки, объединявшие 54 130 человек. Их распределение по Северному Кавказу было следующим: на территории Дагестана – 148 групп (3380 человек), в Кабардино-Балкарской АССР – 50 (3241 человек), в Северо-Осетинской АССР – 39 (323 человека), в Краснодарском крае – 303 (2985 человек), в Ставропольском крае – 88 (3316 человек), в Грозненской области – 185 (4368 человек).

А 23 февраля 1943 г. Берия доложил Сталину о начале операции по выселению чеченцев и ингушей. По 29 февраля были выселены и погружены в железнодорожные эшелоны 478 479 человек, в том числе 91 250 ингушей.

Интересная деталь. По данным НКВД СССР, численность спецпереселенцев, призванных в армию с Северного Кавказа, составляла: 8894 человека (офицеры – 710, сержанты – 1698, рядовые – 6488), из них чеченцев – 4248 человек (офицеры – 238, сержанты – 724, рядовые – 3286)!!!

На беспокойном Северном Кавказе для некоторых народностей служить в армии, видимо, не считалось престижным. Более 4000 чеченцев, служивших в Красной армии, – это более 1 % всего выселяемого чеченского населения.

А теперь несколько слов о троцкизме и о троцкистах-сионистах, составляющих, по мнению В.В. Карпова, ту самую «пятую колонну»...

Авторитетный специалист советской разведки генерал Судоплатов утверждал: «То же самое можно сказать и о разгроме еврейского националистического подполья на территории СССР накануне войны. Сейчас все это преподносится с позиций антисемитизма. Нередко можно услышать, что в борьбе Сталина с Троцким имели место и антисемитские мотивы. Однако это не совсем так. Шла борьба за власть, было личное соперничество, а уж потом ко всему этому добавлялись антисемитские нюансы, если они действительно имели место. По крайней мере, в 30-е годы не могло быть и речи о каких-либо антисемитских установках или настроениях в работе советского разведывательного аппарата».

Глава 2. В плену и в оккупации

...Русские всюду сражаются до последнего человека. Лишь местами сдаются в плен... Бросается в глаза, что при захвате артиллерийских батарей и т. п. в плен сдаются лишь немногие. Часть русских сражаются, пока их не убьют, другие бегут, сбрасывая форменное обмундирование, и пытаются выйти из окружения под видом крестьян.

Гальдер. 29 июня 1941 г.

1. С началом войны

За 5–6 дней июня 1941 г. немецкая армия продвинулась в глубь советской территории на 150–200 км. Советские войска первого эшелона не сумели остановить противника у границы, не получилось и развертывание подходящих войск.

Великая Отечественная начиналась с катастрофического поражения фронтов, с громадных потерь в людях и технике.

Цифры потерь впечатляют своими масштабами. За три недели войны перестали существовать около 30 дивизий, около 70 дивизий потеряли более половины личного состава. За три недели было уничтожено около трех с половиной тысяч самолетов на земле и в воздухе, более половины складов горючего и боеприпасов.

Тем не менее мощь удара вермахта была значительно ослаблена именно в первые дни, в первые недели. Немцам не удалось главное: уничтожить основные силы Красной армии. Армия сражалась до последней капли крови, до последнего патрона...

22 июня 1941 г. начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер записал в своем дневнике:

«Наступление германских войск застало противника врасплох. Боевые порядки противника в тактическом отношении не были приспособлены к обороне. Его войска в пограничной полосе были разбросаны на обширной территории и привязаны к районам своего расквартирования. Охрана самой границы была в общем слабой.

Тактическая внезапность привела к тому, что сопротивление противника в пограничной зоне оказалось слабым и неорганизованным, в результате чего нам всюду легко удалось захватить мосты через водные преграды и прорвать пограничную полосу укреплений на всю глубину (укрепления полевого типа). После первоначального „столбняка“, вызванного внезапностью нападения, противник перешел к активным действиям. Без сомнения, на стороне противника имели место случаи тактического отхода, хотя и беспорядочного. Признаком же оперативного отхода нет и следа».

Генерал-полковник танковых войск Гейнц Гудериан вспоминал: «В 6 час. 50 мин. у Колодно я переправился на штурмовой лодке через Буг. Моя оперативная группа с двумя радиостанциями на бронемашинах, несколькими машинами повышенной проходимости и мотоциклами переправлялась до 8 час. 30 мин. Двигаясь по следам танков 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через р. Лесна, овладение которым имело важное значение для дальнейшего продвижения 47-го танкового корпуса, но там, кроме русского поста, я никого не встретил. При моем приближении русские стали разбегаться в разные стороны. Два моих офицера для поручений, вопреки моему указанию, бросились преследовать их, но, к сожалению, были при этом убиты».

Эрих фон Манштейн, фельдмаршал: «Уже в этот первый день нам пришлось познакомиться с теми методами, которыми велась война с советской стороны.

Один из наших разведывательных дозоров, отрезанный врагом, был потом найден нашими войсками, он был вырезан и зверски искалечен... Позже часто случалось, что советские солдаты поднимали руки, чтобы показать, что они сдаются в плен, а после того, как наши пехотинцы подходили к ним, они вновь прибегали к оружию; или раненый симулировал смерть, а потом с тыла стрелял в наших солдат».

Нет, отнюдь не как легкая прогулка начиналась война и для немцев! Она действительно застала нас врасплох.

Армия отступала сражаясь и сражаясь отступала. Тысячи, десятки тысяч солдат погибли, но еще больше бойцов и командиров попадало в плен и пропадало без вести.

В 1941 г. только Западный фронт потерял убитыми и умершими на этапах санитарной эвакуации 106 997 человек (8,24 %), а пропавшими без вести и попавшими в плен – 798 465 человек (61,52 %). Северо-Западный фронт – 31 511 (11,67 %) – убитыми и умершими и 142 190 (52,64 %) – пропавшими без вести и попавшими в плен. Юго-Западный фронт – 60 016 (7,05 %) – убитыми и умершими и 607 860 (71,36 %) – попавшими в плен и пропавшими без вести.

Таким образом, три фронта в 1941 г. в общей сложности потеряли убитыми и умершими 198 524 человека и 1 548 515 пропавшими без вести и попавшими в плен!

На фронт Иван Рудаков попал в 1941-м.

– Через полтора месяца «учебки» нашу минометную роту отправили на передовую, – вспоминал Иван Алексеевич. – На весь эшелон – несколько пистолетов, у старших офицеров, нам же только противогазы выдали. Так и пробирались потом по ночам безоружными. На Старосалковском направлении, неподалеку от украинской речки Малый Донец, уже шли тяжелейшие бои. Нас послали в лес искать оружие. Мне винтовка пятизарядная досталась, кому-то штык, большинству вообще ничего. На всю роту – ни одного автомата!

Полгода они то наступали на Харьков, то вновь возвращались на прежние позиции. Наконец в августе 42-го пришел окончательный приказ об отступлении. Минометная рота осталась в засаде – дожидаться врага. Пока бойцы готовили свои «ячейки», фашисты уже прорвали оборону. Приказ отходить опоздал на сутки, и рота попала в окружение...

Снаряд разорвался в 10 метрах от рудаковского миномета. У него – осколок в ноге, сломана ключица. Рядом стонет друг-киргиз: голову задело по касательной. Перемотались какими-то тряпками – и давай прорываться.

– Только бежать уже было некуда: кругом фрицы. Прыгал, пока мог, на одной ноге. Под деревней Знаменкой нога так опухла, что даже наступать на нее не мог. Там-то нас немцы и взяли, – вздыхает Иван Алексеевич.

– Вы-то хотите про плен услышать, а я не могу об этом говорить – комок к горлу подступает, – смахивая слезу, отворачивается старик. – Загнали всех в конюшню, человек 120 нас было. Насыпь мы делали на дороге, а охраняли нас латыши. Попытались бежать, да, видно, кто-то сдал – всех поймали. Каждого пятого расстреляли: не фрицы убивали – свои, украинцы. Так и стоят перед глазами их лица...

Потом была пересылка в Кировограде и новый эшелон – в Германию. Лагерь в городке Кюстрин на Одере. Следующий пункт – Цейдуник, и с утра до ночи – тяжелейшая работа на кирпичном заводе. Оттуда Рудаков снова бежал. Через три недели скитаний его поймали и «вернули» в Цейдуник. К счастью, начальство в лагере уже сменилось, беглеца никто не узнал, и его не расстреляли.

Дмитрий Андреевич Тараненко попал в плен 26 мая 1942 г., под Днепропетровском.

– Когда немец прорвал линию фронта, мы держали оборону в Гусаровке. Одна винтовка на троих, гранат не было вообще. Ждали, когда убьют товарища, чтобы взять в руки хоть какое-то оружие... Нас тогда в окружение попало 75 тысяч человек, – вспоминает Дмитрий Андреевич. – Погнали пешком по всей Украине, на Умань. Первый лагерь – во Владимире-Волынском. За колючкой – 15 тысяч человек, 60–80 военнопленных каждый день подыхали от голода, каждого пятого ежедневно расстреливали... Я бы и сам умер от истощения, да молодость спасла, хотя в изолятор попал уже без памяти.

За 15–60 дней пребывания в плену в первый год войны от голода и болезней в лагерях умирало до 80–90 % захваченных на поле боя. Еще 10 % от оставшихся в живых гибли при этапировании. «Путь на небеса» – так называли фашисты эту смерть.

Пленных держали скученно, по 10–15 тысяч человек, на открытых площадках с двумя-тремя рядами колючей проволоки, без медпомощи, еды и даже воды. За несколько дней на такой территории съедалось все – от коры деревьев до червей, и она превращалась в пустыню, загаженную экскрементами. Во многих лагерях процветало людоедство.

– В нашем лагере, под Смоленском, ели друг друга, – опутив глаза, говорит другой бывший военнопленный Петр Иванович Баринов. В окружение он попал под Ржевом: там из-за неправильной команды об отступлении фактически были пленены три наши армии. – Мы два месяца хлеба не видели, жуткая бурда казалась манной небесной. Не люди мы уже были, а так – голодное зверье. Уж потом, когда меня отправили в Германию, я узнал, как немцы относились к другим невольникам. В соседних бараках, за колючкой, сидели итальянцы и французы. Они находились под охраной Красного Креста. Им постоянно приходили посылки. Ребята они были нежадные и старались нас подкармливать...

2. Карательная машина (советские документы)

В чрезвычайно сложной обстановке войны карательная машина военных властей очень быстро находила и расправлялась с теми, кто смалодушничал, проявил растерянность, кто дрогнул. Случаи трусости и паникерства подавлялись беспощадно. И нельзя забывать о том, что невиданный героизм и самоотверженность советских людей только лишь в совокупности с массовым террором на фронте и в тылу, сталинскими приказами № 270 (о трусах и дезертирах, сдающихся в плен) и № 227 (Ни шагу назад!), в конце концов, способствовали стабилизации обстановки уже в 1942 г.

Всего в 1941–1942 гг. военными трибуналами фронтов и армий было приговорено к расстрелу «за паникерство, трусость и самовольное оставление поля боя» 157 593 человека.

В книге «Семь вождей» Д.А. Волкогонов писал: «Хотим мы этого или не хотим, но в трагические месяцы начала войны беспощадная страшная воля Сталина смогла заставить многих людей „упереться“, призвать все свое личное мужество на помощь, одолеть свое малодушие под страхом смертельной кары».

Если бы этого не было, то военнопленных было бы еще больше.

Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с некоторыми документами той эпохи:

Спецсообщение особого отдела НКВД 33-й армии

о политико-моральном состоянии

военнослужащих – уроженцев областей,

временно занятых противником

24 ноября 1941 г. Совершенно секретно

НАЧАЛЬНИКУ ОО НКВД
ЗАПАДНОГО ФРОНТА
КОМИССАРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
3 РАНГА
тов. БЕЛЯНОВУ

Из материалов, поступавших в особый отдел НКВД 33 армии, установлено, что в частях и подразделениях 33 армии среди военнослужащих, являющихся уроженцами областей, временно занятых противником, проявляются нездоровые и антисоветские настроения. Отмечены случаи, когда отдельные военнослужащие этой категории высказывают упаднические и пораженческие взгляды. Так например:

Красноармеец разведзвезда 774 сп 222 сд Суворов, уроженец Могилевской области БССР, 12.11.41 г. бросил пост и ушел в блиндаж, где заявил: «Почему меня не убивают, хотя бы немецкая пуля убила, чтобы на белом свете не мучиться». На вопрос, откуда у него появились такие настроения, Суворов ответил: «Что мне жить, у меня семья оккупирована».

Суворов взят в... разработку.

Боец 2 батареи озад 110 сд Шувалов В.М., уроженец Гжатского района, Смоленской области, в разговоре 22.11. заявил: «Немец очень здорово прет, а у нас нет настоящего оружия. Лучше бы сразу сдать в плен, все равно он победит»,

Шувалов взят в... разработку.

Красноармеец 774 сп 222 сд Юрченко Г.М., 1915 г. рождения, беспартийный, уроженец г. Криштовка, Могилевского района, Винницкой области, 17.11. выстрелом из винтовки совершил саморанение в левую руку. Юрченко настроен антисоветски, систематически выражает недовольство службой в Красной Армии. 14.11. в присутствии красноармейца Смирнова Юрченко заявил: «Из нас здесь в живых никто не останется. Всех нас все равно перебьют и домой нам никому не вернуться».

Юрченко арестован. Ведется следствие.

Начальник боепитания отд. сап. батальона 110 сд техник-интендант Прохоров Т.Р., 1900 г. рождения, уроженец Смоленской области, беспартийный, 7.11. в присутствии мастера Митрофанова сказал: «Наша армия воевать не может, а только отходит».

За Прохоровым установлено... наблюдение.

Зарегистрированы факты, когда среди красноармейцев своих подразделений военнослужащие – уроженцы занятых областей, распространяют провокационные слухи, восхваляя отношение немцев к пленным и населению временно оккупированной территории.

Красноармеец 300 озад 1 гмсд Нечта П.А., 1918 г. рождения, уроженец Днепропетровской области, член ВЛКСМ, 23.11. с.г. в разговоре заявил: «Я был в плену у немцев. Они очень хорошо обращаются с пленными. Хорошо кормят, там бутылка вина стоит 50 коп. Наше правительство обманывает нас, что якобы немцы издеваются над пленными. Наоборот, они всех пленных с занятой ими территории отпускают по домам».

Особдиву дано указание арестовать Нечта и привлечь к уголовной ответственности.

Красноармеец 3 сп 113 сд Павлов В.П., 1921 г. рождения, уроженец г. Сычевка Смоленской области, беспартийный, 21.11 в беседе сказал: «Я бежал с родной земли, когда был в окружении и думал, что здесь лучше. В действительности наши обращаются хуже, чем немцы. Жить у немцев гораздо лучше, легче, чем у нас при Советской власти. Как получу валенки, уйду домой на родину, там я проживу, так как есть мясо, картошка и др. продукты».

Особдиву дано указание произвести... расследование и при подтверждении привлечь Павлова к уголовной ответственности.

Красноармеец 479 сп 222 сд Васильев Т.Ф., 1914 г. рождения, уроженец Бавского района Смоленской области, беспартийный, 1.3.11 говорил: «У немцев находится много наших пленных, которые работают на транспорте и по исправлению дорог. Их кормят так же хорошо, как и немецких солдат. У населения отбирают скот только в тех случаях, если он лишний».

Особдивом производится расследование.

Среди рядового состава частей уроженцами временно занятой территории распространяются клеветнические и провокационные разговоры, также отмечены факты, когда красноармейцев они призывают к сдаче в плен противнику и дезертирству. Так например:

Адъютант начальника артиллерии 1 гмсд красноармеец Коваль Ф.И., 1914 г. рождения, по национальности украинец, член ВЛКСМ, 23.11 с.г. явившись в зенитный дивизион, где он раньше служил, в разговоре с парторгом этого дивизиона Куцак М.К., красноармейцем Невмывако В.И. клеветал на вождя партии и верховное командование, причем заявил: «Немцы на нашем участке вывесили объявление, в котором обещают всех, кто перейдет в плен, демобилизовать из армии и распустить по домам. Наши генералы и командиры не годятся, они не умеют воевать. Наша пехота, как пойдет в наступление, так и сдается в плен. Если наши сдадут Москву, я первый также сдамся в плен».

Особдиву дано указание арестовать Ковалья.

Красноармеец 479 сп 222 сд Ткачев И.В., 1912 г. рождения, беспартийный, уроженец с. Ивановское, Рыльского района Курской области, в конце октября месяца с.г. в разговоре заявил: «Все, что говорят об издевательствах немцев – это ложь. Это командиры и партийцы защищают свою шкуру и распространяют всякую нелепость про немцев. Они продали всю страну, а сейчас хотят одержать победу. Я еще раньше хотел уйти в плен, но решил немного подождать и сдаться в следующем месяце».

Особдивом производится расследование.

В подразделениях [и] частях 33 армии установлены неоднократные случаи дезертирства красноармейцев [из числа] уроженцев временно оккупированной территории.

Например, за ноябрь, по неполным данным, дезертировали:

- 1) красноармеец 1 сп 113 сд Датских С.М., уроженец Львовской области;
- 2) красноармеец дивизиона РС 1 гмсд Махнориллов И.М., уроженец Сумской области;
- 3) красноармеец 1287 сп 110 сд Мищенко К.Н., уроженец Западной области;
- 4) красноармеец 457 сп 222 сд Новожилов С.П., уроженец Можайского р-на Московской области;
- 5) красноармеец 774 сп 222 сд Гусаров А.В., уроженец Смоленской области;
- 6) красноармеец 774 сп 222 сд Подобед И.Н., уроженец Могилевской области;
- 7) красноармеец 774 сп 222 сд Шалабин А.М., уроженец Могилевской области.

По всем случаям дезертирства объявлен розыск.
По существу изложенных в спец. сообщении фактов мною проинформирован Военный совет 33-й армии.

НАЧ. ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД 33 АРМИИ
КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
КАМБУРГ

Сообщение УНКВД Московской области

о настроениях призывников

2 декабря 1941 г Сов. секретно

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО
КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА
тов. АБАКУМОВУ

В обработанной корреспонденции призывников, направляющихся по шоссе Энтузиастов для формирования, отмечены следующие факты отрицательных настроений:

Гор. Москва.... Червяковой Л.В.

«... Иду по той самой дороге, по которой шли разные люди: идеалисты всех мастей, декабристы, революционеры всех направлений, политические шарлатаны, разные уголовники – каторжане и много всяких русских людей – с Запада на Восток, в далекую, глухую, как русская душа, бескрайнюю Сибирь. Я не помню из биографии С... и М... шли ли они по этой дороге и каковы были условия их пешего хождения, но мне думается, что их ссылка была немного легче, чем наше геройское путешествие в борьбе за их славу. С... в последней речи сказал, что тыл в последнее время стал крепче, чем был раньше. Пусть утешается! Если бы он прошел бы по этому тылу, также как я, он сказал бы другое». («К» 10.XI.41 г. 65-й км, шоссе Энтузиастов – Величко П.Д.).

Гор. Ош, Киргизской ССР.... Величко А.М.

«...Мне приходится наблюдать жуткие картины, и когда? На 24 г. хвастливой революции. Но я с ужасом думаю о том, что меня ждет впереди. А ходят слухи, что в Горьком, куда было согнано большое количество мобилизованных (пушечного мяса), распространились эпидемии, включая и тиф...

...Предстоит гибель неисчислимых резервов пушечного мяса, задолго еще до гибели на фронте, или в плену. Началась величайшая трагедия, уже 3-я по счету в этом веке – гибели и физического истребления русского народа в угоду торжества сомнительных идей, в защиту интересов кого угодно, но только не в интересах русского народа...

...Россия тронулась и поползла, испуская матюки по всем адресам! Будет буря!». («К». 105-й километр, шоссе Москва – Горький – Величко П.Д.)

Москва.... Орлову А.Г.

«...Насчет харчей очень плохо, хлеб на руках стоит 30 руб. за кг., но нам дают только по четыре сухаря в день. Гонят народу очень много и пошла болезнь тиф. Народу много, но ничего не дают и так все бегут обратно...». («К». Дер. Липна Петушинского р-на (проходом)).

Москва, Западная ж.д., ст. Голицино.... Пискареву Т.А.

«...Над народом мытарятся как над собакой. До Владимира 75 км и идти пешком, и дают на этот переход три сухаря, одну воблу и два концентрата: суп и кашу и все...». («К». Гор. Покров Московской области.)

Москва, 105, Верхние Котлы, поселок ЗИС.... Филатову А.М.

«...Гонят по несколько сот километров пешком. Говорят, из Мурома бегут обратно, что там сидят все голодные и вшивые, вот от Москвы до гор. Владимира примерно 200 км и нам дали только на эти километры 700 гр. черного хлеба и 3 сухаря, 20 гр. сахара и 2 шт. воблы». («К». 18.XI.41 г. Петушки, Московской области.)

Москва, 33.... Симаковой Е.С.

«...Идем селами и лесом. Гонят нас как скотину... Застала нас зима, холод и голод и болезнь тиф брюшной и сыпной». («К». 19.XI.41 г. Петушки Московской области.)

Гор. Ногинск, МО, п/о ст. Купавна.... Лепашкиной З.П.

«...Я нахожусь 2 дня в Петушках потому, что хлеба не дают, а дают деньгами. Но на деньги купить нечего потому, что коробочка спичек стоит очень дорого. В деревнях, через которые идем, хлеба тоже нет. Нас встречают очень плохо. Случалось, что даже милиционера приводили для того, чтобы пустили нас переночевать». («К». МО, Петушки.)

Москва... Маркину Ф.М.

«...До Ногинска шли пешком, идти очень трудно с вещами. Не знаю, что будет дальше. Питаемся своими продуктами. Командиры сухих пайков не дают, настроение плохое из-за того, что идти очень много по направлению к гор. Горькому...». («К». Г. Ногинск, МО (фамилия неизвестна.)

Москва...

«...Взяли направление на шоссе Энтузиастов. Шли без остановок, километров за 16 от Москвы выяснилось, что мы идем по Рязанскому шоссе. Началась неразбериха: часть повернула обратно на Москву, другие направились в Кусково, третьи стояли среди дороги и, пользуясь темнотой, ругали командиров во всю глотку...». («К», 21.X.41 г. Ногинск МО, от Кирилла.)

Москва.... Рябушкину Павлу.

«...Дорогие родные, мы сейчас пока в гор. Ногинске. Идти дорогой очень плохо, кормить не кормят. Все измучены. Все время идем пешком до самого Горького, это как мы переносим просто невыносимо сказать. Это просто измываются над добрыми людьми, как над собаками. Но мы не знаем, как мы перенесем, без фронта умрешь, не только на фронте...». («К», 22.X.41 г. По штампу г. Ногинск, МО – Рябушкин.)

Москва.... Кулаковой К.В.

«...Мне очень трудно, идем пешком, продуктов у меня ничего не осталось, совсем голодный... В Москве говорил начальник, что „продуктов не нужно, будете обеспечены, все будет“. Вот идем уже 8 дней, ничего нет... Ночуем в деревнях, если дадут что-нибудь: картошки и то спасибо, не дадут – идем голодные. Хлеба дают одну буханку на 5 человек, что это за хлеб?.. В городе Е. мы пообедали хорошо за свои деньги... Еще дают кашу сухую 70 гр. на два дня, прямо заключенные, гонят как баранов...». («К». Коробово Московской области – Кулаков.)

ЗАМ. НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ НКВД МО

МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ЛЫНЬКО

С 15 по 30 декабря 1941 г. в Москве в ходе мероприятий по проверке документов в жилом секторе, в которых принимало участие 2.279 комендантского надзора и милиции, было задержано:

- а) дезертиров, бежавших с поля боя или умышленно отставших от своих частей – 580 человек;
- б) отставших от своих частей – 1716 человек;
- в) уклонившихся от воинской службы – 946 человек;
- г) лиц без определенных занятий и уголовного элемента – 531 человек.

Отчет коменданта гарнизона г. Москвы

о работе военной комендатуры

*30 апреля 1942 г. Сов. секретно
№ 841 СС*

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОМИССАРУ
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
Товарищу Б Е Р И Я

Выполняя Постановление Государственного Комитета Оборона от 19 октября 1941 г. по охране строжайшего порядка в городе Москве в прилегающих районах, работниками комендатур, комендантскими патрулями и сотрудниками милиции за период с 20 октября 1941 г. по 1 мая 1942 г. задержано 531 401 человек, из них:

1. За воинские преступления и нарушения – 183 519 человек.

При проверке и фильтрации из данной категории задержанных выявлено:

- а) дезертиров – 9406 человек;
- б) уклонившихся от воинской службы – 21 346 человек.

Остальные оказались отставшими от проходивших через город частей без увольнительных записок, нарушителями приказов НКО и уставов Красной Армии.

2. За контрреволюционную деятельность задержано 4881 человек, из них:

- а) шпионов – 69 человек;
- б) диверсантов – 8 человек;
- в) распространителей провокационных к/р слухов – 885 человек;
- г) расхитителей социалистической собственности – 3919 человек.

Задержанные шпионы и диверсанты в подавляющем большинстве являются военно-служащими, бывшими в плену у противника, завербованные немецкой разведкой и переброшенные для работы в нашем тылу и войсковых частях.

3. За нарушение установленного, в связи с осадным положением, порядка и уголовные преступления – 252 982 человека, из них:

- а) за нарушение правил светомаскировки – 28 591 человек;
- б) без документов – 33 112 человека;
- в) за нарушение паспортного закона – 62 907 человек;
- г) за убийства – 78 человека;
- д) за кражи – 5763 человека;
- е) за спекуляцию – 2204 человека;
- ж) за нарушение общественного порядка – 73 915 человек.

Из общего количества задержанных расстреляно на месте 13 человек,

осуждено военными трибуналами к ВМН – 936 человек,

на разные сроки – 48 472 человека (подробные данные см. в приложении), подвергнуто административным взысканиям (штрафам) в отделениях милиции – 118 563 человека,

взята подписка о выезде из Москвы у 120 598 человек.

98 018 человек военнослужащих направлено через Московский военно-пересыльный пункт в маршевые роты.

За истекшие семь месяцев комендатурой и райотделениями милиции изъято оружия:

а) огнестрельного: у военнослужащих – 11 677 единиц, у гражданских лиц – 2048 единиц. Всего – 13 725 единиц;

б) холодного: у военнослужащих – 129 единиц, у гражданских лиц – 496 единиц. Всего – 625 единиц.

В связи с изменившейся обстановкой на фронтах и все более крепнущим порядком в городе за последние месяцы уменьшается количество задержаний по основным видам преступлений и правонарушений (см. сравнительные данные). Это дало возможность, на основании Вашего распоряжения, с 25-го марта сего г. снять воинские патрули на дневное время, усилив действенность милицейских постов и нарядов.

В настоящее время принимаются меры по усилению охраны общественного порядка в пригородных районах, особенно в ночное время, по проведению систематических проверок всего жилого сектора и по борьбе с фактами несоблюдения военнослужащими на улицах города приказов народного комиссара обороны и уставов Красной Армии...

3. Советские военнопленные (немецкие документы)

Судьба советских военнопленных в годы войны была трагической. Подвергаясь бесчеловечному обращению, они тысячами умирали от голода и физического истощения.

Подготовка же к этим массовым убийствам советских солдат и офицеров началась практически параллельно с подготовкой к военной кампании на Востоке. А с началом боевых действий и оккупацией советских территорий система истребления советских людей лишь совершенствовалась.

1 июня 1941 г. в Берлине был подписан документ (секретное дело командования), озаглавленный как «12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращение с русскими».

Давайте ознакомимся с несколькими из них.

1. Для вас, работников, посланных на Восток, главное заключается в том, что работа является решающим фактором. Поэтому я требую от вас упорной и неустанной работы...

8. Не разговаривайте, а действуйте. Русского вам никогда не переговорить и не убедить словами. Говорить он умеет лучше, чем вы, ибо он прирожденный диалектик и унаследовал «склонность к философствованию». Меньше слов и дебатов. Главное – действовать. Русскому импонирует только действие, ибо он по своей натуре женственен и сентиментален. «Наша страна велика и прекрасна, а порядка в ней нет, приходите и владейте нами». Это изречение появилось уже в самом начале образования русского государства, когда русские звали норманнов приходить и управлять ими. Эта установка красной нитью проходит через все периоды истории русского государства: господство монголов, господство поляков и литовцев, самодержавие царей и господство немцев, вплоть до Ленина и Сталина. Русские всегда хотят быть массой, которой управляют. Так они воспримут и приход немцев, ибо этот приход отвечает их желанию: «...приходите и владейте нами».

Поэтому у русских не должно создаваться такое впечатление, будто вы колеблетесь. Вы должны быть людьми дела, которые без всяких дебатов, без долгих бесплодных разговоров и

без философствования устанавливают и проводят необходимые мероприятия. Тогда русский охотно подчинится вам. Не применяйте здесь никаких немецких масштабов и не вводите немецких обычаев, забудьте все немецкое, кроме самой Германии.

Не будьте мягки и сентиментальны. Если вы вместе с русским поплачете, он будет счастлив, ибо после этого он сможет презирать вас. Будучи по натуре женственными, русские хотят также и в мужественном отыскать порок, чтобы иметь возможность презирать мужественное, поэтому будьте всегда мужественны, сохраняйте вашу нордическую стойкость.

Только ваша воля должна быть решающей, однако эта воля должна быть направлена на выполнение больших задач. Только в таком случае она будет нравственна и в своей жестокости. Держитесь подальше от русских, они не немцы, а славяне. Не устраивайте никаких попок с русскими. Не вступайте ни в какие связи с женщинами и девушками подчиненных вам предприятий. Если вы опуститесь до их уровня, то потеряете свой авторитет в глазах русских. Исходя из своего многовекового опыта, русский видит в немце высшее существо, заботьтесь о том, чтобы сохранить этот авторитет немца. Поднимайте его своими спокойными, деловыми приказами, твердыми решениями, высмеиванием дебатующих и невежд.

Остерегайтесь русской интеллигенции, как эмигрантской, так и новой, советской. Эта интеллигенция обманывает, она ни на что не способна, однако обладает особым обаянием и искусством влиять на характер немца. Этим свойством обладает и русский мужчина, и еще в большей степени женщина.

9. Не заражайтесь коммунистическим духом. Русская молодежь на протяжении двух десятилетий воспитывалась в коммунистическом духе. Ей незнакомо иное воспитание. Поэтому было бы бессмысленно наказывать за прошлое. Мы не хотим обращать русских на путь национал-социализма, мы хотим только сделать их орудием в наших руках. Вы должны покорить молодежь, указывая ей ее задачи, энергично взяться за нее и беспощадно наказывать, если она саботирует или не выполняет этих задач.

Проверка и расследование прошлого и разбор ходатайств отнимает у вас время, необходимое для выполнения ваших немецких задач. Вы не судебные следователи и не стена плача.

Россия всегда была страной подкупов, доносов и византизма. Эта опасность может проникнуть к вам, особенно через эмигрантов, переводчиков и т. д. Русские, занимающие руководящие посты, а также руководители предприятий, старшие рабочие и надсмотрщики проявляют всегда склонность к подкупам и вымогательству взяток у своих подчиненных. Пресекайте взяточничество, будьте сами всегда неподкупны и корректны.

10. Мы не несем русским никакой новой религии. По своей натуре русский религиозен и суеверен, с этим вы должны считаться. Однако разрешение религиозных вопросов не входит в круг ваших задач.

11. В течение столетий испытывает русский человек нищету, голод и лишения. Его желудок растяжим, поэтому никакого ложного сочувствия к нему. Не пытайтесь вносить изменения в образ жизни русских, приспособливая его к немецкому жизненному стандарту...

Несмотря на то что лагеря военнопленных были поставлены под контроль военных, гестапо все же удалось проникнуть и в эту сферу деятельности. При этом Верховное командование не только не сопротивлялось такому вмешательству, но и активно сотрудничало с ведомством Гимmlера. В начале июля 1941 г. было проведено совещание с участием начальника административной службы при Верховном командовании вермахта генерала Рейнеке, представителя службы, занятой военнопленными, Бройера, представителя Канариса Лаху-

зена, представителя РСХА, шефа гестапо Мюллера. Решения этой встречи были изложены в документе, опубликованном 8 сентября 1941 г. В нем говорилось:

«Большевизм является смертельным врагом национал-социалистской Германии. Впервые перед германским солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле, в духе разрушающего большевизма. Борьба с национал-социализмом привита ему в кровь и плоть. Он ведет ее всеми имеющимися в его распоряжении средствами: диверсиями, разлагающей пропагандой, поджогами, убийствами. Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение, как с честным солдатом, в соответствии с Женевским соглашением.

Поэтому вполне соответствует точке зрения и достоинству германских вооруженных сил, чтобы каждый немецкий солдат проводил бы резкую грань между собою и советскими военнопленными. Обращение должно быть холодным, хотя и корректным. Самым строгим образом следует избегать всякого сочувствия, а тем более поддержки. Чувство гордости и превосходства немецкого солдата, назначенного для окарауливания советских военнопленных, должно во всякое время быть заметным для окружающих...

По совершающим побег военнопленным следует стрелять немедленно, без предупредительного оклика. Не следует производить предупредительных выстрелов. Существовавшие до сих пор правила, и в особенности Х/ДФ 38/11, стр. 13, и т. д., в связи с этим отменяются. С другой стороны, запрещается всякий произвол. С военнопленным, желающим работать и проявляющим послушание, следует обращаться корректно. Вместе с тем никогда не следует упускать из виду необходимости осторожности и недоверия к военнопленному. Применение оружия по отношению к советским военнопленным, как правило, считается правомерным...

Следует сделать невозможным всякое общение между командным и рядовым составом, даже при помощи знаков.

Командирам следует организовать из подходящих для этой цели советских военнопленных лагерную полицию как в лагерях военнопленных, так и в больших рабочих командах, с задачей поддержания порядка и дисциплины. Для успешного выполнения своих задач лагерная полиция внутри проволочной ограды должна быть вооружена палками, кнутами и т. п., применять эти орудия избиения немецким солдатам безоговорочно запрещается. Следует создать в лагере исполнительный орган из самих военнопленных, члены которого снабжаются лучшим питанием, с которыми лучше обращаются и предоставляют лучшее размещение, чем будет значительно облегчена деятельность немецких караульных команд.

II. ОБРАЩЕНИЕ С ЛИЦАМИ ОТДЕЛЬНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

В соответствии с ранее изданными приказами в тылу (в генерал-губернаторстве и в 1-м военном округе) точно так же, как в лагерях империи, уже произошло разделение военнопленных по признаку их национальной принадлежности. При этом имеются в виду следующие национальности: немцы (фольксдойче), украинцы, белорусы, поляки, литовцы, латыши, эстонцы, румыны, финны, грузины.

В тех случаях, когда это разделение из особых соображений еще не было произведено, нужно его при первой возможности производить. Это особенно относится к новым военнопленным, попадающим в военные округа.

Лица следующих национальностей должны быть отпущены на Родину: немцы (фольксдойче), украинцы, белорусы, латыши, эстонцы, литовцы, румыны, финны.

О порядке отпуска этих военнопленных последуют особые приказы.

В тех случаях, когда есть основания предполагать, что отдельные лица этих национальностей в соответствии с их убеждениями могут оказаться опасными для Германии и для

национал-социализма, их следует исключить из ряда отпускаемых военнопленных и с ними следует поступать в соответствии с изложенным в разделе III.

III. ВЫДЕЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ, ВЗЯТЫХ В ПЛЕН ВО ВРЕМЯ ПОХОДА НА ВОСТОК

(...)

2. Пути к достижению цели

А. Помимо разделения в лагерях военнопленных по национальному признаку (см. раздел II) военнопленные (в том числе и националы), а также находящиеся в лагерях гражданские лица должны быть разделены следующим образом: а) политически нежелательные, б) политически безопасные, в) заслуживающие особого политического доверия (которых можно использовать для восстановления оккупированных областей). (...)

IV. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА РАБОТЕ

1. Общие вопросы

Советские военнопленные могут быть поставлены на работу только в составе закрытых колонн, строжайшим образом изолированно от гражданских лиц и от военнопленных других национальностей (использование колоннами). Речь может идти только о таких предприятиях, где военнопленные могли бы работать под постоянной охраной караульных команд. Изоляция от гражданских лиц и военнопленных других национальностей должна иметь место не только в общежитиях, но и на местах работы. Следует при этом считаться с тем, что присутствие третьих лиц не должно мешать караульным командам в немедленном применении оружия...»

17 июля 1941 г. гестапо издало приказ, предусматривавший убийство всех советских военнопленных, которые были или могли быть опасны для национал-социализма: «Задачей командиров ЗИПО и СД, находящихся в шталагах, является политическая проверка всех заключенных лагеря, устранение и дальнейшая „обработка“:

а) всех политически преступных элементов, находящихся среди них;

б) всех лиц, которые могут быть использованы для восстановления оккупированных территорий...

Далее эти командиры должны с самого начала приложить усилия для выявления среди заключенных тех элементов, которые кажутся надежными независимо от того, являются ли они коммунистами или нет, для того чтобы использовать их в целях разведки внутри самого лагеря или, если это окажется целесообразным, позднее также на оккупированных территориях. Путем использования таких информаторов и путем использования всех других существующих возможностей должны продолжаться шаг за шагом обнаружение всех элементов среди заключенных, которые должны быть уничтожены».

15 сентября 1941 г. адмирал Канарис протестовал против правил об обращении с советскими военнопленными, подписанных генералом Рейнике 8 сентября 1941 г. Он заявил:

«Женевская конвенция об обращении с военнопленными не распространяется на отношения между Германией и СССР. Поэтому применимы лишь принципы общего междуна-

родного права об обращении с военнопленными. Начиная с XVIII века они устанавливались постепенно на той основе, что пребывание в военном плену является не мстью, не наказанием, а исключительно превентивным заключением, единственной целью которого является воспрепятствовать данному военнопленному принимать дальнейшее участие в военных действиях. Этот принцип развивался в соответствии с точкой зрения, разделявшейся всеми армиями, о том, что убивать беззащитных людей или наносить им вред противоречит военной традиции...»

Начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель на этом меморандуме начертил: «Возражения возникают из идеи о рыцарском ведении войны. Это означает разрушение идеологии. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры».

Берлин, 10 июля 1941 г[ода]
Канцелярия Розенберга.
Пост[ановление от]
14 июля 1941 г[ода] № 170

О т ч е т

О лагере для военнопленных в Минске

В лагере [для] военнопленных в Минске располагаются приблизительно 100 тыс. военнопленных и 40 тыс. гражданских заключенных.

Заключенные ютятся на такой ограниченной территории, что едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные потребности там, где стоят.

Этот лагерь охраняется командой кадровых солдат, по количеству составляющих роту. Такая недостаточная охрана лагеря возможна только при условии применения самой жесткой силы.

Военнопленным, проблема питания которых с трудом разрешена, живущим по 6–7 дней без пищи, известно только одно стремление, вызванное зверским голодом, – достать что-либо съедобное.

Гражданские заключенные в возрасте от 15 [до] 50 лет происходят из Минска и его окрестностей. Эти заключенные питаются, поскольку они из Минска, благодаря своим родственникам. Питанием обеспечены, конечно, только те, у которых есть родственники, тянувшиеся длинными рядами с утра до вечера к лагерю [для] пленных. Ночью голодные пленные нападают на тех, кому приносят передачу, чтобы силой добыть себе кусок хлеба.

Единственным доступным средством недостаточной охраны, день и ночь стоящей на посту, является огнестрельное оружие, которое применяется беспощадно.

В 1945 г. контрразведкой «Смерш» был арестован генерал-лейтенант Курт фон Остеррайх, бывший начальник отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа.

Командир 207-й пехотной дивизии во Франции Курт Остеррайх 1 февраля 1941 г. был назначен на новую должность, а в марте 1941-го его вызвали в Берлин, в ставку верховного главнокомандования на секретное совещание.

Начальник управления по делам военнопленных при ставке генерал-лейтенант Райнеке под большим секретом сообщил присутствующим начальникам отделов по делам военнопленных всех округов и офицерам ставки о том, что ориентировочно в начале лета 1941 г. Германия вторгнется на территорию Советского Союза и что в соответствии с этим верхов-

ным командованием разработаны необходимые мероприятия, в том числе подготовка лагерей для русских военнопленных, которые будут поступать после открытия военных действий на Восточном фронте.

В частности, бывший немецкий генерал дал достаточно подробные показания об обращении с советскими военнопленными:

«Я лично получил от генерала Райнеке задание подготовить на территории Данцингского военного округа лагерь на 50 тыс. русских военнопленных.

В связи с ограниченным сроком генерал Райнеке приказал быстро провести все мероприятия по организации лагерей. При этом он указал, что если на местах не удастся в срок создать лагерь с крытыми бараками, то устраивать лагерь для содержания русских военнопленных под открытым небом, огороженные только колючей проволокой.

Далее Райнеке дал нам инструкцию об обращении с русскими военнопленными, предусматривающую расстрел без всякого предупреждения тех военнопленных, которые попытаются совершить побег.

Спустя примерно 8—10 дней после возвращения с указанного совещания в Данциг я получил совершенно секретный приказ ставки, подписанный генерал-лейтенантом Райнеке, в котором говорилось, что мне в соответствии с указаниями, данными на совещании в Берлине, надлежит организовать на территории Данцингского военного округа лагерь для военнопленных, присвоив ему номер 312-А.

В соответствии с этим приказом мною в гор. Торн на военном учебном плацу был организован стационарный лагерь под открытым небом, огороженный колючей проволокой. Для сооружения этого лагеря я использовал английских военнопленных, содержащихся в подчиненных мне шталагах XX-Б. Одновременно мною был подобран штат лагерной администрации.

Через некоторое время после получения упомянутого выше приказа я получил из ставки верховного командования предписание, в котором подтверждалось указание Райнеке о расстреле русских военнопленных без всякого предупреждения при попытке к побегу. Кто подписал это распоряжение, я не помню.

В июне 1941 г. через два дня после вторжения Германии на территорию Советского Союза я получил еще один приказ ставки верховного германского командования, подписанный начальником управления по делам военнопленных генералом Райнеке.

В этом документе, так называемом „комиссарен-эрлас“, именем фюрера немецким воинским частям, находившимся в походе, и администрации лагерей для военнопленных приказывалось поголовно расстреливать русских военнопленных, принадлежащих к политическому составу Красной армии, коммунистов и евреев.

В последующих приказах ставки говорилось о том, что трупы расстрелянных указанных категорий военнопленных следует закапывать массами в ямах, а при возможности сжигать, снимая при этом с них опознавательные медальоны.

Полученные мною приказы ставки я передал для исполнения подчиненным мне комендантам шталагов XX-Б майору Зеегеру, полковнику Больману и подполковнику Дульнигу.

Подполковник Дульниг, выполняя этот приказ, сразу же расстрелял свыше 300 человек военнопленных – политических работников Красной армии, коммунистов и евреев. Трупы расстрелянных были зарыты в массовых могилах на кладбище в районе расположения лагеря XX-С.

Выявленных среди военнопленных политработников Красной армии, коммунистов и евреев в соответствии с указанием ставки верховного германского командования коменданты лагерей передавали в зондер-команды СД, где их расстреливали.

Так... комендантом шталагов Данцингского военного округа было передано зондер-команде СД для расстрела около 1200 человек советских военнопленных.

В конце 1941 г. или начале 1942 г. я опять был вызван в Берлин на совещание начальников отделов по делам военнопленных при военных округах.

Совещанием руководил новый начальник управления по делам военнопленных при ставке верховного главнокомандования генерал-майор фон Гревенитц.

На совещании обсуждался вопрос о том, как поступать с русскими военнопленными, которые в результате ранений, истощения и болезней были непригодны для использования на работах.

По предложению Гревенитца, по этому вопросу высказалось несколько присутствовавших офицеров, в том числе врачи, которые заявили, что таких военнопленных надо концентрировать в одном месте – лагере или лазарете и умерщвлять при помощи яда.

В результате обсуждения Гревенитц отдал нам приказание нетрудоспособных военнопленных умерщвлять, используя для этого медицинский персонал лагерей.

Возвратившись в Данциг, я через Зеегера, Больмана и Дульника проводил эти указания в жизнь, причем я предупредил их о том, чтобы умерщвление советских военнопленных производилось весьма осторожно, дабы это не стало известным за пределами лагерей.

Летом 1942 г. я был командирован на Украину на должность начальника отдела по делам военнопленных при штабе армейской группы „Б“. Прибыв к месту службы, я узнал, что способ умерщвления русских военнопленных ядами там уже применяется.

В октябре 1942 г. во время посещения ДУЛАГа в районе Чира комендант лагеря доложил мне, что в течение только одной недели им было умерщвлено при помощи яда 30–40 истощенных и больных советских военнопленных.

В других лагерях неспособных к труду русских военнопленных просто расстреливали. Так, например, во время посещения летом 1942 г. ДУЛАГа № 125 в гор. Миллерово комендант лагеря на мой вопрос о том, как он поступает с нетрудоспособными русскими военнопленными, доложил, что в течение последних 8 дней им было расстреляно по указанным выше мотивам около 400 русских военнопленных.

Находясь на Украине, я получил из ставки совершенно секретный приказ, подписанный Гиммлером, о том, что с августа 1942 г. должно производиться клеймение русских военнопленных определенными знаками.

Русские военнопленные содержались в лагерях в тяжелых условиях, питались плохо, терпели моральные унижения и умирали от холода и заболеваний.

Так, в шталагах Данцигского военного округа только вследствие истощения и болезней умерло свыше 40 тыс. человек, а в подчиненных мне шталагах на Украине 6–9 тыс. русских военнопленных, трупы которых зарывались массами или одиночками в ямах в районах расположения лагерей.

Особенно велика была смертность военнопленных, взятых на работу из лагеря в районе гор. Острогжска. Из этих военнопленных вследствие содержания их в окопах и ямах (октябрь, 1942), истощения и развития тяжелых желудочных и инфекционных заболеваний ежедневно умирали десятки и сотни людей.

Аналогичное положение русских военнопленных имело место и при этапировании их. Многие поступавшие ко мне военнопленные были в тяжелом физическом состоянии, обессилены и неработоспособны, в рваном обмундировании и без обуви вследствие того, что военнослужащие германской армии отбирали у военнопленных сапоги, обмундирование, белье и другие вещи.

Пленных привозили в крытых или открытых товарных вагонах, где им приходилось и оправляться. Десятки дней они не могли умываться из-за отсутствия воды, получали голодную норму пищи.

В начале 1942 г. при следовании эшелона с русскими военнопленными с Украины в гор. Торн умерло приблизительно 75 человек, трупы которых не убирались и лежали в вагоне

вместе с живыми людьми. В этих вагонах стоял зловонный трупный запах. Около 100 человек военнопленных, не выдержавших такого положения и пытавшихся бежать, были расстреляны.

За время моей деятельности в Данцингском военном округе ко мне поступило 12–13 эшелонов по 1000–1500 русских военнопленных в каждом. В этих эшелонах по пути следования умирало приблизительно 50–100 человек русских военнопленных.

В октябре 1942 г. в Харьков прибыл эшелон с русскими военнопленными. В Харькове выяснилось, что в этом эшелоне из 1500 человек недостает около 150. При выяснении оказалось, что 75 человек умерло в пути следования от голода, а их трупы находились небранными в вагонах. Остальные 75 человек пытались бежать, но были схвачены охраной и расстреляны на месте.

Не лучше обстояло дело и в лазаретах для русских военнопленных. При посещении Харьковского лазарета для русских военнопленных я видел, что тяжелобольные были размещены в помещениях, где не было отопления и все окна выбиты, а больные не имели одежды и обуви. В результате в этом госпитале ежедневно умирало от истощения и эпидемических заболеваний 200–300 человек...»

Следующий документ касается непосредственно обращения с военнопленными. Такое обращение периодически менялось, и далеко не в лучшую сторону. Затянувшаяся война на Востоке требовала огромных жертвоприношений. Судя по фактам, с каждым месяцем вопрос усиленного использования советских военнопленных имел особо важное значение для гитлеровской Германии.

ОКВ номенк[атура] № 24
73[-го] Управл[ения] общих дел
Гл[авного] штаба воор[уженных] сил
(общий отдел по делам военнопленных) – 1-а

Берлин, Шенберг
24.3.[19] 42[года]
Баденштрассе, 51.
Секретно

№ 389/42

Необходимость усиленного использования советских военнопленных в работах требует нового урегулирования вопроса об обращении с ними. В связи с отменой распоряжения об обращении с советскими военнопленными в дальнейшем действует следующее:

а) обращение с военнопленными вообще

Большевизм – смертельный враг нац[ионал] – соц[иалистической] Германии. Советского солдата следует рассматривать как носителя большевизма. Поэтому в соответствии с политической необходимостью, значимостью и достоинством германской армии каждый немецкий солдат должен держаться на большом расстоянии от советских военнопленных.

Чувство гордости и превосходства германского солдата, который призван патрулировать советских военнопленных, должно быть очевидным в любое время также и для общества. Рекомендуются беспощадное и энергичное вмешательство при непослушании, уклонении от работ и небрежности в работе, а особенно по отношению к подстрекате-

лям-большевикам. Отказ или активное сопротивление следует устранять немедленно с применением оружия (штыком, прикладом, огнестрельным оружием, но не палкой).

Кто при выполнении этого приказа не пользуется оружием или пользуется им недостаточно, тот должен быть наказан.

Использование на работах и производительность труда советских военнопленных должны находиться под строжайшим контролем. Всякое уклонение от работы следует строго наказывать.

Низкая или средняя производительность труда, не вызванная слабостью конституции, переутомлением и т. п., должны немедленно повлечь за собой соответствующие карательные меры.

Запрещается привлечение священников, не военнопленных.

Запрещается распространение религиозной литературы.

В лагерях военнопленных в отношении изоляции советских военнопленных и гражданских лиц, за исключением разделения по национальным признакам, действуют по п[ункту] IV нижеприведенные правила.

Изолировать надлежит: а) политически неблагонадежных, б) офицеров, в) политически неопасных, г) политически особо благонадежных, которые могут быть использованы на восстановлении оккупированных областей.

Насколько возможно, согласно п[ункту] 9, первое разделение проводится самими органами лагеря, рейхс-фюрер СС предоставляет в распоряжение оперативные команды полиции и службы безопасности для изоляции советских военнопленных в зависимости от их политических установок.

Они непосредственно подчиняются начальнику полиции безопасности СД и специально обучаются согласно своим особым задачам. Они проводят свои мероприятия до использования советских военнопленных на работах в рамках лагерного порядка по установкам, полученным от начальника полиции безопасности и СД.

Ходатайство о выдаче советских военнопленных возбуждает оперативная команда в стационарном лагере.

Офицеры подлежат изоляции не всегда, но часто, как политически нежелательные.

Если советский военнопленный совершает в лагере убийство другого военнопленного, наносит смертельный удар или совершает какое-либо другое преступление, не предусмотренное германским уголовным кодексом, которое, однако, требует более строго наказания (например, людоедство, отсутствие работоспособности, как следствие членовредительства), то преступника передают в распоряжение тайной государственной полиции (гестапо).

При других наказуемых действиях советских военнопленных, например, при бегстве, комендант лагеря должен передать преступника тайной государственной полиции, если он не уверен в воспитательных мерах или законном наказании после переговоров с судом соответствующего военного округа с целью сохранения дисциплины в лагере.

При выдаче военнопленных тайной государственной полиции, их следует отчислить из числа военнопленных и доложить о выдаче в справочный стол вооруженных сил, поскольку последует соответствующая регистрация.

Мероприятия в случаях бегства и при наказуемых действиях

По убегавшим советским военнопленным следует стрелять немедленно без предварительного предупреждения. Об этом следует вывесить объявление и поставить их в известность при перекличке. Предупредительных выстрелов не давать. Если патруль убивает советского военнопленного, то для соблюдения дисциплины и предотвращения неоправдан-

ной стрельбы в каждом отдельном случае следует коротко доложить командиру военнопленных об обстоятельствах дела и указать:

а) что явилось поводом, б) оказалось ли необходимым вмешательство, в) будет ли представлен письменный отчет о происшедшем.

Гражданские лица, а также военнопленные других национальностей награждаются за привод бежавших советских военнопленных.

Нач[альник] верх[овного] ком[андования]
вооруж[енных] сил.
По поручению подп[исал] Рейнеке
(Подпись).

8 октября 1941 г. верховное командование сухопутных сил подготовило документ о норме питания советских военнопленных, если это вообще можно назвать нормой:

Снабжение по приказу от 8.X.1941 г.

При использовании на работах (в лагере для военнопленных и вне его) в рабочей команде, включая сельское хозяйство.

На 28 дней Проц. по сравн[ению]
с нормой для несовет-
[ских] пленных
Хлеба 9 кг 100
Мяса 800 г 50
Жиры 250 г 50
(в среднем)
Сахар 900 г 100

В лагерях военнопленных, но на менее значительных работах:

Хлеба 6 кг 66
Мяса – 0
Жиры 440 г 42
Сахар 600 г 66

П р и м е ч а н и е. Если снижается норма для несоветских военнопленных, то соответственно снижается норма и для советских военнопленных.

Для восстановления работоспособности.

Если состояние питания в лагерях военнопленных, поступивших в лагерь в районе оперативных действий, требует, по мнению лазаретного врача, для восстановления работоспособности и предотвращения эпидемий, добавочного питания, то каждому выдается на 6 недель:

до 50 г. – трески в неделю
[до] 100 г. – искус[ственного] меда в неделю
[до] 3500 г. – картофеля.

В середине января 1943 г. наши войска захватили у села Алексеевка под Сталинградом пересыльный лагерь военнопленных «ДУЛАГ – 205».

По факту обнаружения тысяч трупов военнопленных красноармейцев и командиров, умерших от истощения и холода, Главное управление «Смерш» произвело расследование.

Так, бывший офицер контрразведки (абвер-офицер) при лагере «ДУЛАГ – 205», капитан, 1891 г. рождения, уроженец гор. Франкфурт-на-Майне, из семьи чиновника, член национал-социалистической партии с 1933 г., Лянгхельд Вильгельм на допросе 1 сентября 1943 г. показал: «Немецкое командование рассматривало русских военнопленных, как рабочий скот, необходимый для выполнения различных работ.

Русских военнопленных, содержащихся в Алексеевском лагере „ДУЛАГ – 205“, как и в других немецких лагерях военнопленных, кормили впроголодь лишь для того, чтобы они могли на нас работать.

...В Германской армии по отношению к русским существовало убеждение, являющееся для нас законом: „Русские – неполноценный народ, варвары, у которых нет никакой культуры. Немцы призваны установить новый порядок в России...“

Мы знали также, что русских людей много и их необходимо уничтожить как можно больше, с тем чтобы предотвратить возможность проявления какого-либо сопротивления после установления нового порядка в России.

...Этим объясняется, что в Алексеевском лагере, рассчитанном на 1200 человек, было заключено до 4000 советских военнопленных, размещенных в невероятной тесноте и в жутких антисанитарных условиях».

С 5 декабря 1942 г. смертность среди военнопленных от голода достигла 50–60 человек в день, и к моменту освобождения лагеря советскими войсками погибло около 3000 человек.

Далее Лянгхельд показал: «Обыкновенно я избивал военнопленных палками диаметром 4–5 см, но это было не только в Алексеевке. Я работал в других лагерях военнопленных: в Дарнице близ Киева, Дергачах близ Харькова, в Полтаве и в Россоси.

Во всех этих лагерях практиковалось избивание военнопленных...

...В Полтавском лагере германские солдаты из числа охраны стреляли из мелкокалиберных винтовок в военнопленных за то, что они мочились не в том месте, где это было предусмотрено».

А вот показания военнопленного из лагеря у села Алексеевка А.А. Алексева: «...В лагере была большая смертность, причиной этому было следующее: военнопленным за все время моего пребывания в лагере вовсе не выдавалось хлеба, воды... Вместо воды выгребали грязный окровавленный снег в зоне лагеря, после чего были массовые заболевания военнопленных.

Медицинская помощь отсутствовала. Я лично имел 4 раны и несмотря на мои неоднократные просьбы – помощь оказана не была, раны гноились...

Спали на земле в грязи, от холода согреться абсолютно не было места. Валенки и теплую одежду у военнопленных отбирали, взамен давали рваную обувь и одежду, снятую с убитых и умерших.

Многие из военнопленных, не перенеся ужасов обстановки лагеря, сошли с ума. Умирало в день по 150 человек, а в первых числах января 1942 г. в один день умерло 216 человек, о чем я узнал от работников санчасти лагеря.

Немецкое командование лагеря травило военнопленных собаками-овчарками. Собаки сбивали с ног ослабевших военнопленных и таскали их по снегу, а немцы стояли и над ними смеялись. В лагере практиковались публичные расстрелы военнопленных...»

4. Статистика

К сожалению, точных данных о советских военнопленных нет. И на сегодняшний день имеется несколько вариантов приблизительных цифр.

Например, по данным Управления уполномоченного при СНК СССР по делам репатриации – в 1941 г. их было 2 млн (49 %); в 1942 г. – 1 млн 339 тыс. (33 %); в 1943 г. – 487 тыс. (12 %); в 1944 г. – 203 тыс. (5 %); в 1945 г. – 40,6 тыс. (1 %), а кроме того, свыше 900 тыс. бойцов и командиров Красной армии в 1941–1942 гг. оказались в окружении. Следовательно общая цифра военнопленных составляет 4 408 600, а с окруженцами – 5 308 600.

По данным Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, 4 559 000 человек пропало без вести и попало в плен. В эту цифру вошли:

3 396 400 – пропавших без вести и попавших в плен по донесениям войск и данным органов репатриации.

1 162 600 составляют неучтенные потери первых месяцев войны: погибло, пропало без вести в боевых операциях, когда донесений от фронтов и армий не поступало.

(Из числа потерь было исключено 2 775 700:

939 700 – призвано на освобожденной территории и направлено в войска из числа военнослужащих, ранее признанных пропавшими без вести.

1 836 000 – вернулось из плена по окончании войны (по данным органов репатриации.)

Только офицеров пропавших без вести и попавших в плен в годы Великой отечественной войны, насчитывается 392 085 (38,32 %).

Из них в сухопутных войсках – 366 043 офицеров (в том числе в пехоте 180 327), в Военно-воздушных силах – 20 684 офицера и в Военно-морском флоте – 5358.

Немецкие документы, содержащие сведения о числе советских военнопленных до начала 1942 г., практически отсутствуют. Дело в том, что в 1941 г. вся отчетная документация с Восточного фронта поступала неполной и неточной. Только 1 января 1942 г. было отдано распоряжение о представлении достоверных сведений, касающихся советских военнопленных. За состояние лагерей, содержание и использование военнопленных отвечали Верховное главнокомандование (ОКВ) и главное командование сухопутных сил (ОКХ).

На территории рейха за эти вопросы отвечал отдел по делам военнопленных главного штаба вермахта, а на территории оккупированных областей Советского Союза – отдел военной администрации начальника тыла сухопутных сил. С начала кампании на Востоке Главный штаб вермахта (ОКВ) не проявлял никакого интереса к статистическим данным о числе советских военнопленных. Организационное указание отдела по делам военнопленных от 16 июня 1941 г. не относилось к категории обязательных.

Только 2 июля 1941 г. этот порядок изменили, но касался он учета пленных, находившихся на территории рейха.

Когда в конце июля 1941 г. на сборных пунктах и в пересыльных лагерях, расположенных в зоне ответственности сухопутных сил, скопилось большое число военнопленных, был издан приказ генерал-квартирмейстера от 25.07.41 г. № 11/4590 об освобождении советских военнопленных ряда национальностей (немцев Поволжья, прибалтов, украинцев, а затем и белорусов). Но уже распоряжением ОКВ от 13.11.41 г. № 3900 действие этого приказа было приостановлено.

Всего в этот период было освобождено 318 770 чел., из них в зоне ОКХ – 292 702 чел., в зоне ОКВ – 26 068 чел. В общем числе освобожденных находилось 277 761 чел. украинцев.

В 1942–1944 гг. из плена освобождались в основном лица, которые вступали в добровольческие охранные и другие формирования, в полицию. До 1 мая 1944 г. всего было освобождено 823 230 военнопленных, из них в зоне ОКХ – 535 523 чел., а в зоне ОКВ – 287 707 чел.

По зарубежным источникам число советских военнопленных определяется в 5 200 000 — 5 750 000 человек, причем основная их масса относится на первый период войны (июнь, 1941 – ноябрь, 1942). Однако здесь нужно учитывать, что в число военнопленных немцы

включали всех сотрудников партийных и советских органов, а также мужчин независимо от возраста, отходивших вместе с отступавшими, а затем окруженными войсками.

Следовательно, зарубежные данные, в том числе Германии, не являются самыми достоверными. В статистическом исследовании «Гриф „секретно“ снят» под редакцией генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева сообщается:

«...На основе имеющихся документов общее число советских военнослужащих, пропавших без вести и попавших в плен (4559 тыс. чел.), можно распределить следующим образом.

Достоверно известно, что 1 836 тыс. человек вернулись из плена после окончания войны, 939,7 тыс. военнослужащих из числа ранее пропавших без вести и бывших в плену были призваны вторично на освобожденной от оккупации территории, а 673 тыс., по немецким данным, умерли в фашистском плену. Из оставшихся 1 110,3 тыс. человек, по нашим данным, больше половины составляют тоже умершие (погибшие) в плену. Таким образом, всего в плену находилось 4 059 тыс. советских военнослужащих, а около 500 тыс. погибло в боях, хотя по донесениям фронтов они были учтены как пропавшие без вести».

Известно, что подавляющее большинство советских солдат и офицеров попало в плен из-за невозможности дальнейшего сопротивления – ранеными, больными, не имеющими продовольствия и боеприпасов, в отсутствие управления со стороны командиров и штабов. Тем не менее сам факт пленения в нашем государстве рассматривался как преднамеренно совершенное преступление. Под подозрение попадали военнослужащие и гражданские лица, даже непродолжительное время побывавшие за линией фронта. А тех, кто хотя бы на короткое время оказался в плену и был допрошен, судили за измену Родине и шпионаж.

Репрессиям подвергались и семьи предполагаемых «изменников Родины». Их ссылали, приговаривали к длительным срокам лишения свободы.

С 27 декабря 1941 г. было издано постановление ГКО СССР № 1069 сс, регламентирующее проверку и фильтрацию освобожденных из плена и вышедших из окружения «бывших военнослужащих Красной Армии». Теперь они направлялись в специальные лагеря НКВД. А в конце 1943 г. спецлагеря были переданы в ведение Гулага, то есть всех бывших военнопленных уравнивали в правах с заключенными.

Начиная с 1944 г. из освобожденных из плена или вышедших из окружения офицеров Красной армии начали формировать «штурмовые батальоны», где в качестве рядовых они должны были искупить «свою вину» кровью. Через «штурмовые батальоны» прошло более 25 тысяч офицеров. По результатам проверки более 72 тысяч офицеров, вернувшихся из плена, были разжалованы и уволены из армии...

5. Яков Джугашвили

Выпускник Артиллерийской академии РККА старший лейтенант Яков Иосифович Джугашвили с 9 мая 1941 г. проходил службу в 14-м гаубичном артиллерийском полку 14-й танковой дивизии в должности командира батареи.

Историческая справка.

Яков Иосифович Джугашвили

Родился в 1908 г. в г. Баку. В 1936 г. закончил транспортный институт имени Дзержинского. С 1936 по 1937 год работал на электростанции завода им. Сталина дежурным инженером – трубочистом. В 1937 г. поступил на вечернее отделение Артакадемии РККА. В 1938 г.

поступил на 4-й курс 1-го факультета Артакадемии РККА. В 1941 г. попал в плен. В 1943 г. в концлагере Заксенхаузен был убит часовым.

К концу 9 июля 14-я танковая дивизия, 14-й мотострелковый полк, 14-й гаубичный артиллерийский полк и 220-я стрелковая дивизия вышли на рубеж Вороны – Фальковичи и были отрезаны противником от основных сил. К вечеру 11 июля части и соединения перешли к обороне Лиозно. 12 июля войсковая группа, несколько дней как переподчиненная командиру 34-го стрелкового корпуса 19 армии, заняла и удерживала противотанковый район у станции Лиозно, а с рассветом 13-го на рубеже Вороны – Поддубье вела бой с танками и пехотой противника, после натиска которого подразделения 14-й танковой дивизии отошли. В это время 14-й мотострелковый полк и 14-й гаубичный артполк во взаимодействии с частями 220-й стрелковой дивизии наступали на Витебск. Они овладели селом Еремеево, но, не выдержав танковых и авиационных атак, начали отход к Лиозно.

Последующие два дня 14 и 15 июля 14 мсп и 14 гап вели бой в районе восточнее Лиозно, но вследствие больших потерь отошли одной группой на север, второй – на юг.

Батарея, которой командовал Джугашвили, вместе с соседней батареей своим огнем прикрывали отходившие на юг войска.

К утру 16 июля 14 тд, находящаяся в окружении, вышла из подчинения 34 стрелкового корпуса и вошла в состав 7 мехкорпуса 20 армии. Первые группы военнослужащих 14 тд появились в местах сбора 17–19 июля. Вечером 19 июля 1941 г. из окружения вышли бойцы и командиры 14 гап (из 1240 человек вышло 413, а 675 пропали без вести). Среди них не оказалось Якова Джугашвили.

Только на следующий день, 20 июля 41-го, командующий 20-й армией генерал Курочкин получил приказ шифртелеграммой от начальника штаба Западного направления: «выяснить и донести в штаб фронта, где находится командир батареи 14-го гаубичного полка, 14-й танковой дивизии старший лейтенант Джугашвили Яков Иосифович».

В этот же день на поиски старшего сына вождя «была послана группа мотоциклистов во главе со старшим политруком Гороховым, которая у озера Каспля встретила красноармейца Лопуридзе, вместе с которым Яков выходил из окружения. По словам Лопуридзе, 15 июля они вместе с сыном Сталина переоделись в гражданскую одежду, закопали свои документы, после чего, убедившись, что немцев поблизости нет, Яков решил передохнуть, а Лопуридзе пошел дальше, пока не встретил группу мотоциклистов. После этого старший политрук Горохов, решив, что Яков, наверное, уже вышел к своим, прекратил дальнейшие поиски и вернулся в дивизию».

Приказом Главного управления кадров НКО СССР № 060 от 25 января 1942 г. старший лейтенант Джугашвили Я.И. признан без вести пропавшим с 15 июля 1941 г. Таким образом, 15 июля некий Лопуридзе последним якобы видел сына Сталина. Но именно слова этого человека вызывают сомнение. С 15 до 20 июля прошло несколько дней, и если он действительно выходил вместе с Яковым, то как же получилось, что Джугашвили остался отдыхать, а Лопуридзе бросил командира в звании старшего лейтенанта, грузина, сына вождя и пошел один дальше?

Думаю, что Лопуридзе, если он действительно красноармеец, а не дезертир, просто соврал для своего собственного прикрытия, ведь он выходил один в гражданской одежде и без оружия, а личность его так и осталась не установленной... Кем он был, этот Лопуридзе? Теперь уже никто не сможет ответить на этот вопрос. Старший политрук Горохов просто упустил его, потому что халатно отнесся к выполнению приказа командования.

Так как же все-таки Яков Джугашвили попал в плен? До нас сохранилось вот такое свидетельство:

«В июле 1941 г. я был в прямом подчинении у старшего лейтенанта Я. Джугашвили.

По приказу командования наш взвод броневиков БА-6 26-го танкового полка был назначен в полевое охранение гаубичной батареи 14-го артиллерийского полка. Нам было приказано: в случае прорыва немцев и при явной угрозе увезти командира батареи Я. Джугашвили с поля боя.

Однако так случилось, что в ходе подготовки его эвакуации ему был передан приказ срочно явиться на командный пункт дивизиона. Следовавший с ним адъютант погиб, а он оттуда уже не вернулся. Мы тогда так и решили, что это специально было подстроено. Ведь был приказ уже об отступлении, и, видимо, на КП дивизиона уже никого не было.

По прибытии на разъезд Катынь нас встретили сотрудники особого отдела. Нас троих – командира 1-го огневого взвода, ординарца Я. Джугашвили и меня, командира взвода броневиков полевого охранения, неоднократно допрашивали: как могло случиться, что и батареи, и взвод охранения вышли, а Я. Джугашвили оказался в плену? Майор, допрашивавший нас, все говорил: „Придется кому-то оторвать голову“. Но, к счастью, до этого дело не дошло».

А вот что показал сам Яков Иосифович на допросе у немцев 18 июля 1941 года:

Вопрос: Вы добровольно пришли к нам или были захвачены в бою?

Ответ: Не добровольно, я был вынужден.

Вопрос: Вы были взяты в плен один или же с товарищами и сколько их было?

Ответ: К сожалению, совершенное вами окружение вызвало такую панику, что все разбежались в разные стороны. Видите ли, нас окружили, все разбежались, я находился в это время у командира дивизии.

Вопрос: Вы были командиром дивизии?

Ответ: Нет, я командир батареи, но в тот момент, когда нам стало ясно, что мы окружены, я находился у командира дивизии, в штабе. Я побежал к своим, но в этот момент меня подозвала группа красноармейцев, которая хотела пробиться. Они попросили меня принять командование и атаковать ваши части. Я это сделал, но красноармейцы, должно быть, испугались, я остался один, я не знал, где находятся мои артиллеристы, ни одного из них я не встретил. Если вас это интересует, я могу рассказать более подробно. Какое сегодня число? (сегодня 18-е). Значит, сегодня 18-е. Значит, позавчера ночью под Лясново, в 11/2 км от Лясново, в этот день утром мы были окружены, мы вели бой с вами.

Вопрос: Я хотел бы знать еще вот что! На нем ведь сравнительно неплохая одежда. Возил он эту гражданскую одежду с собой, или получил ее где-нибудь. Ведь пиджак, который сейчас на нем, сравнительно хороший по качеству.

Ответ: Военный? Этот? Нет, это не мой, это ваш. Я уже вам сказал, когда мы были разбиты, это было 16-го, 16-го мы все разбрелись, я говорил вам даже, что красноармейцы покинули меня. Не знаю, может быть, вам это и не интересно, я расскажу вам об этом более подробно! 16-го приблизительно в 19 часов, не позже, позже, по моему в 12, ваши войска окружили Лясново. Ваши войска стояли несколько вдалеке от Лясново, мы были окружены, создалась паника, пока можно было, артиллеристы отстреливались, отстреливались, а потом они исчезли, не знаю куда. Я ушел от них. Я находился в машине командира дивизии, я ждал его. Его не было. В это время ваши войска стали обстреливать остатки нашей 14-й танковой дивизии. Я решил поспешить к командиру дивизии, чтобы принять участие в обороне. У моей машины собрались красноармейцы, обозники, народ из обозных войск. Они стали просить меня: «Товарищ командир, командуй нами, веди нас в бой!» Я повел их в наступление. Но они испугались, и когда я обернулся, со мной уже никого не было. Вернуться к своим уже не мог, так как ваши минометы открыли сильный огонь. Я стал ждать. Подождал немного и остался совсем один, так как те силы, которые должны были идти со мной в наступление, чтобы подавить несколько ваших пулеметных гнезд из 4–5 имевшихся у вас, что было необходимо для того, чтобы прорваться, этих сил со мной не оказалось. один в

поле не воин. Начало светать, я стал ждать своих артиллеристов, но это было бесцельно, и я пошел дальше. По дороге мне стали встречаться мелкие группы, из мотодивизии, из обоза, всякий сброд. Но мне ничего не оставалось, как идти с ними вместе. Я пошел. Все начали переодеваться, я решил этого не делать. Я шел в военной форме, и вот они попросили меня отойти в сторону, так как меня будут обстреливать с самолета, а следовательно, и их будут обстреливать. Я ушел от них. Около железной дороги была деревня, там тоже переодевались. Я решил присоединиться к одной из групп. По просьбе этих людей я обменял у одного крестьянина брюки и рубашку, я решил идти вечером к своим. Да, все это немецкие вещи, их дали мне ваши, сапоги, брюки. Я все отдал, чтобы выменять. Я был в крестьянской одежде, я хотел бежать к своим. Каким образом? Я отдал военную одежду и получил крестьянскую. Ах нет, боже мой! Я решил пробиваться вместе с другими. Тогда я увидел, что окружен, идти никуда нельзя. Я пришел, сказал: «Сдаюсь». Все!.. Я не хочу скрывать, что это позор, я не хотел идти, но в этом были виноваты мои друзья, виноваты были крестьяне, которые хотели меня выдать. Они не знали точно, кто я. Я им этого не сказал, они думали, что из-за меня их будут обстреливать.

Вопрос: Его товарищи помешали ему что-либо подобное сделать или и они причастны к тому, что он живым попал в плен?

Ответ: Они виноваты в этом, они поддерживали крестьян. Крестьяне говорили: – «Уходите». Я просто зашел в избу. Они говорили: «Уходи сейчас же, а то мы донесем на тебя!» и уже начали мне угрожать. Они были в панике. Я им сказал, что и они должны уходить, но было поздно, меня все равно поймали бы. Выхода не было. Итак, человек должен бороться до тех пор, пока имеется хотя бы малейшая возможность, а когда нет никакой возможности, то... Крестьянка прямо плакала, она говорила, что убьют ее детей, сожгут ее дом...

Следовательно, 15–16 июля 1941 г. старшего лейтенанта Джугашвили вызвали на командный пункт дивизии, куда он и прибыл в тот момент, когда началась паника, неразбериха, а дальше все было так, как рассказал сам Яков Иосифович.

При этом надо учитывать, что первый раз немцы переводили с русского на немецкий, а второй раз наши – с немецкого на русский, в результате чего текст изобилует многочисленными искажениями. Например, Лиозно называется Лясново и т. д.

Нельзя забывать и о психологическом состоянии военнопленного в момент допроса, когда мысли не собраны, когда трудно определить дату и время, когда забываются подробности. Сегодня по прошествии десятилетий каждый раз мы узнаем все новые сенсации. Дожили мы и до той, в которой ставится под сомнение вообще пребывание Якова Джугашвили в плену. Сначала была передача в программе «Человек и закон», потом появилась и печатная версия в книге Галины Джугашвили-Сталиной «Внучка вождя» – Валентина Жилиева.

Данный господин утверждает: «Дело № Т-176» и другие немецкие материалы 1941–1943 гг. – профессионально выполненная подделка. Фальсификацию можно определить не только по содержанию, но и по техническому исполнению.

Что ж, попробуем разобраться.

Первое. Были исследованы четыре рукописных текста сына Сталина, исполненные им с 19 июля 1941 г. по 30 сентября 1942 г., а также 11 фотоснимков, изображающих пленного Якова Джугашвили. При этом специалисты центра судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны Российской Федерации установили, что только две записки из четырех исполнены самим Я. Джугашвили, а две других писал не он. Далее, из одиннадцати немецких фотоматериалов семь являются фото- и типографской репродукцией,

на восьми снимках установлено наличие ретуши изображения, три изготовлены путем фотомонтажа. На одном из снимков выявлено применение в фотомонтаже зеркального изображения. Вот что показал на допросе сам Я.И. Джугашвили:

Вопрос: Известно ли ему, что красное правительство сбрасывает листовки, и думает ли он, что эти листовки побудят немецкого солдата перебежать на сторону красного правительства, на сторону Красной Армии?

Ответ: А если я вам задам такой же вопрос, будут ли иметь ваши листовки успех в Красной армии или нет? (я очень прошу меня не фотографировать).

Вопрос: Почему он не хочет, чтобы его фотографировали? Может быть, он думает, что снимок будет опубликован?

Ответ: Фотографируют всегда в самых безобразных позах. Я не потому это говорю, что всегда нужно сниматься только в красивых позах. Не потому я это говорю, но мне это не нравится, я вообще этого не люблю.

Яков Джугашвили не хотел фотографироваться в отличие от генерала Власова, поэтому немцам пришлось прибегать к фотомонтажу в целях агитации и пропаганды, что вполне естественно.

То же самое и с одной из двух записок. Самую первую, адресованную к отцу, он как раз и не писал, потому что не мог и не хотел писать. И тогда немцы ее просто состреляли сами. Это тоже объяснимо.

«19.7.41. Дорогой отец! Я в плену, здоров, скоро буду отправлен в один из офицерских лагерей в Германии. Обращение хорошее. Желая здоровья. Привет всем. Яша».

Во второй записке:

«Джугашвили Яков старший л-нт Москва улица Грановского 3—84.20.9.41».¹

«Господину поручику Венцлевич.

Я достал у 2-на подпоручика Коррадини суконный материал, и если Вас не затруднит, то прошу отдать распоряжение в мастерскую, чтобы мне сделали полушинель. Я тороплюсь, так как слышал, что мастерская скоро переедет в запбостель, говорят, что мастерская перегружена заказами, так что если найдется какая-либо возможность, то прошу Вас не отказать мне в просьбе.

ст л-нт Джугашвили».

«Поручику Венцлевич – на память в знак уважения ст. л-нт Джугашвили 30.9.42 г».

Второе. Господин Жилиев утверждает, что протокол первого допроса был подшит в дела 4-й танковой дивизии корпуса Гудериана, а другой протокол допроса оказался в архиве Люфтваффе, что также внушает сомнение в их подлинности.

Дело в том, что хоть и допрашивали Якова Иосифовича у командующего авиацией 4-й армии, тем не менее допрос вели офицеры 3-й мотострелковой роты военных переводчиков от различных «ведомств». Заметим, не один офицер, а несколько. Поэтому один документ составлен как вопрос – ответ для командующего авиацией 4-й армии, а другой обзорный документ – описание, более конкретный, в сокращенном виде, как докладная записка для командира 4-й танковой дивизии.

¹ Эта записка будто-бы написана в блокноте югославского заключенного самим Яковом. Вообще нет какой-либо речины подделывать ее.

Третье. У В. Жилиева написано: «Что же касается содержания протоколов, то в них масса несуразностей и ошибок, по которым можно предположить, что все приписанное Якову Джугашвили писал немец. Так, Яков якобы рассказывал офицеру абвера, как он, пока полк уже стоял под Лиозно, западнее Смоленска, поехал в Смоленск и присутствовал при поимке в трамвае немецкого шпиона...»

А на самом деле Яков Иосифович показал:

Вопрос: А сам он видел когда-либо парашютиста, сброшенного в гражданском платье или в форме иностранной армии?

Ответ: Мне рассказывали об этом жители, видите, я не спорю, борьба есть борьба, и в борьбе все средства хороши. Поймали одну женщину, женщину поймали, а не знаю, кто она была – от вас или это наша, но враг. У нее нашли флакон с бактериями чумы.

Вопрос: Это была немка?

Ответ: Нет, она была русская.

Вопрос: И он верит этому?

Ответ: Я верю тому, что ее поймали, эту женщину, но кто она – я не знаю, я не спрашивал, она не немка, а русская, но она имела задание отравлять колодцы.

Вопрос: Это ему рассказали, сам он не видел.

Ответ: Сам я не видел, но об этом рассказывали люди, которым можно верить.

Вопрос: Что это за люди?

Ответ: Об этом рассказывали жители и товарищи, которые были со мной, потом поймали женщину от вас в трамвае, она была в милицмейской форме и покупала билет, этим она себя выдала. Наши милиционеры никогда не покупают трамвайных билетов. Или так, например: задерживают человека, у него четыре кубика, а у нас четыре кубика не носят, только три.

Вопрос: Где это было?

Ответ: Это было в Смоленске. Мне рассказывали об этом мои товарищи.

Четвертое. У В. Жилиева:

«Кроме других, явной ошибкой в протоколах была информация о том, что Яков Джугашвили знал три иностранных языка, в то время как он не мог сдать экзамена по английскому в академии. И уж, конечно, он не знал французского языка на таком уровне, чтобы якобы уже в лагере целых шесть месяцев „свободно беседовать“ с интернированным сыном премьер-министра Франции, капитаном Рене Блюмом».

Из аттестации накануне Великой Отечественной войны:

«...Сданы государственные экзамены по следующим предметам:

1. Тактика – хорошо.
2. Стрельба – хорошо.
3. Основы марк. – лен. – посредств.
4. Основы устр. артвоор. – хорошо.
5. Английский – хорошо».

Пятое. В. Жилиев:

«Среди пленных, общавшихся с „сыном Сталина“ в концлагерях, не было никого, кто знал бы реально Якова Джугашвили».

Но позвольте, уважаемый господин, есть для Вас еще один аргумент:
*В представительство уполномоченного СНК СССР
по репатриации советских граждан в Западной Европе.
г. Париж, 16-е, ул. генерала АППЕР, 4.*

СПРАВКА

Капитан артиллерии Яков Иосифович Джугашвили (сын маршала СССР товарища Сталина) находился со мной в плену в Южной Баварии, около маленького города Гоммельбурга. Лагерь военнопленных был международного характера, где были заключены в застенки советские, французские, английские и бельгийские офицеры. В этом лагере были заключены 27 советских генералов и много старшего начальствующего состава РККА.

Яков Джугашвили в этом лагере был заключен с апреля месяца 1942 г. и был в нем по июнь 1942 г., после чего был переведен в другой мне неизвестный лагерь. Яшу Джугашвили лично знали многие советские офицеры. За короткий промежуток времени нахождения в Гоммельбургском лагере показал себя стойким, а своим поведением – мужественным и непоколебимым советским офицером, достойным сыном Великого отца, Маршала товарища Сталина. Питание он получал такое же, как и остальные советские офицеры, т. е. 150 гр. отварного – «хлеба», в день один раз брюквенный суп без всякой приправы.

Немцы его использовали на хозяйственных работах внутри лагеря, воспользовавшись его способностями; – он работал резчиком по кости. Из лошадиных костей он резал фигуры, шахматы, табачные трубки и т. д.

Ежедневно приезжали к нему фотокорреспонденты фашистских газет с сотрудниками гестапо, чтобы принудить Яшу и получить от него им выгодные сведения, на что всегда встречали твердый отказ: «Я люблю свою Родину, я никогда ничего не скажу плохого о моей Родине!» – таков был ответ Яши. Яшу Джугашвили одели немцы в «камуфлет». На его красноармейском мундире в 12-ти местах большими буквами разноцветными красками было написано «S.U» «Советский Союз».

Начальник штаба 1-го сов. партизанского полка
майор (Минасян)
12 марта 1945 г.
г. Ним.

Верно: Начальник отдела по работе за границей
полковник Филатов.

АП РФ. Ф. 45. Оп. 1 Д. 1554. Л. 108–109. Заверенная копия.

Таким образом, старший сын Сталина Яков Джугашвили в плену был, вел себя там мужественно и не пошел на сотрудничество с немцами. Только зачем доказывать обратное, зачем поднимать шум, зачем делать сенсацию и переписывать историю.

22 апреля 1943 г. Гиммлер направил письмо в нацистское министерство иностранных дел:

«Дорогой Риббентроп!

Посылаю Вам рапорт об обстоятельствах, при которых военнопленный Яков Джугашвили, сын Сталина, был расстрелян при попытке к бегству из особого блока „А“ в Заксенхаузене близ Ораниенбурга.

Хайль Гитлер!

Ваш Генрих Гиммлер».

6. Леонид Хрущев

В своей новой книге «Генералиссимус» В.В. Карпов уделил внимание сыну Хрущева: «Удивительные совпадения случаются в жизни: сын будущего Генерального секретаря ЦК КПС Хрущева – Леонид Хрущев оказался в плену у немцев, так же, как и Яков Сталин, только несколько позже – в марте 1943 г. Сходство ситуации на этом начинается и на этом же заканчивается; все, что было до пленения и после, диаметрально противоположно: Леонид и Яков абсолютные антиподы по характеру, по поступкам и по убеждениям». Так ли это? Давайте попробуем разобраться.

Сын Никиты Сергеевича Хрущева от первого брака – Леонид Хрущев родился 10 ноября 1917 г. Ему было два года, когда умерла его мать. В 1932 г. он закончил семь классов и поступил в ФЗУ. Затем работал слесарем на рентгеновском заводе, откуда по комсомольской путевке в декабре 1933 г. был направлен на учебу в Балашовскую школу Гражданского воздушного флота.

В 1937 г. Леонид Никитович, после окончания школы учился в Ульяновске на курсах усовершенствования командного состава, месяц работал инструктором Центральных авиационных курсов в Москве, а потом в Киеве. В Москве Леонид женился на девушке из Московского аэроклуба. Она работала штурманом-летчиком. В феврале 1939 г. его зачислили слушателем подготовительного курса командного факультета Военно-воздушной академии, а в 1940-м перевели в Энгельсскую военную авиационную школу.

Из выпускной аттестации 21 мая 1940 г.:

«По теоретическим дисциплинам учится отлично, материальную часть самолета СБ знает отлично и эксплуатирует грамотно. Летную программу усваивает легко и отлично закрепляет. Техника пилотирования на самолете СБ отличная, ориентировка хорошая».

Думаю, что это не пустые слова, так как Леонид Хрущев летал с 1933 г. Только до войны его налет равнялся 1268 часам, из которых на У-2—600 часов, на Р-5—300 часов, на УТ-1—8 часов, на СБ – 250 часов, на АР-2—110 часов.

Даже если судить по проведенному в воздухе времени, Л.Н. Хрущев был летчиком, достаточно опытным для лейтенанта.

Великая Отечественная война для Леонида Хрущева началась в 134-м скоростном бомбардировочном авиационном полку. Уже на 16 июля 1941 г. он имел 12 боевых вылетов, а в воздушном бою 6 июля храбро дрался с истребителями противника. Из боя вышел с изрешеченной машиной. Командир 46-й авиадивизии ходатайствовал о награждении Леонида Хрущева орденом Красного Знамени.

За месяц войны, когда полк летал без прикрытия, Л.Н. Хрущев совершил 27 боевых вылетов, иногда в день вылетая по три-четыре раза. 26 июля два звена и два экипажа из состава 1, 2 и 3-й эскадрилий полка вылетели на бомбардировку вражеского аэродрома в районе ст. Изога (3 км северо-западнее ст. Чернуха) и уничтожение пехоты и артиллерии в районе Хикало. Не обнаружив самолетов противника на аэродроме, звено 3-й авиаэскадрильи бомбило аэродром и расстреляло из пулеметов аэродромные объекты и пехоту противника. Задание было выполнено, но при возвращении их атаковали восемь Ме-109. В результате боя были потеряны 4 экипажа. Но командир одного из них лейтенант Хрущев сумел посадить поврежденную машину, правда, при посадке сломал ногу. Вскоре его отправили в тыл на излечение в госпиталь.

Через несколько месяцев командир и военный комиссар дивизии снова ходатайствовали о награждении Леонида (исх. № 0207 от 5.11.41 г.):

«Командующему ВВС Западного фронта. Прошу представить к награде перечисленных ниже товарищей, представленных 14–17/VII – 41 г., но до сих пор не отмеченных вследствие того, что наградной материал застрял в 22-й армии.

1. Лейтенанта Хрущева Леонида Никитовича, имеет 27 боевых вылетов, к ордену Красного Знамени...

В своей книге В.В. Карпов пишет:

„С 1 июля 1941 г. по март 1942 г. Леонид находился на лечении в Куйбышеве – повредил ногу при посадке самолета и на фронт совсем не спешил – на собственных ногах гулял отменно!“

Как мы уже говорили, Л. Хрущев 26 июля 1941 г. выполнял 27-й боевой вылет, а писатель Карпов взял, да и лишил летчика почти целого месяца боевой работы.

А теперь ознакомимся с воспоминаниями генерала Степана Микояна, которые тоже цитирует В.В. Карпов:

„В Куйбышеве я ходил на процедуры в поликлинику, где познакомился с двумя старшими лейтенантами, тоже проходившими амбулаторное лечение после ранения: Рубеном Ибаррури, сыном вождя испанской компартии знаменитой Долорес, и Леонидом Хрущевым. Леонид Хрущев был хороший, добрый товарищ. Мы с ним провели, встречаясь почти ежедневно, около трех месяцев. К сожалению, он любил выпивать. В Куйбышеве в гостинице жил в это время командированный на какое-то предприятие его товарищ, имевший „блат“ на ликероводочном заводе. Они покупали там напитки в расчете на неделю и частенько распивали их в гостиничном номере. Я, хотя почти не пил, часто бывал там. Бывали там и другие гости, в том числе и девушки. Леонид, даже изрядно выпив, никогда не буянил, он становился еще более добродушным и скоро засыпал. Мы познакомились и подружились тогда с двумя молодыми танцовщицами из Большого театра, который был там в эвакуации, Валею Петровой и Лизой Остроградской. Когда меня уже в Куйбышеве не было, там произошла трагедия, о которой я узнал от одного приятеля Леонида, приехавшего в Москву, а потом рассказ подтвердила и Валя Петрова, которой этот приятель рассказал сразу после случившегося. По его рассказу, однажды в компании оказался какой-то моряк с фронта. Когда все были сильно „под градусом“, в разговоре кто-то сказал, что Леонид очень меткий стрелок. На спор моряк предложил Леониду сбить выстрелом бутылку с его головы. Леонид долго отказывался, но потом все-таки выстрелил и отбил у бутылки горлышко. Моряк считал это недостаточным, сказал, что надо попасть в саму бутылку. Леонид снова выстрелил и попал моряку в голову. Леонида Хрущева осудили на восемь лет с отбыванием на фронте (это тогда практиковалось в отношении осужденных летчиков). Недолечив ногу, он уехал на фронт, добившись переучивания на истребитель Як-7Б...“

Далее В.В. Карпов продолжает вводить читателя в заблуждение: „...опираясь на документ (журнал учета боевых вылетов), скажем: 11 марта 1943 г. был первый и последний день боевой работы летчика Леонида Хрущева. С утра он вылетел в составе группы истребителей, „Заморин“ сам боя не вел, а охранял своего ученика и наблюдал за его поведением“. Собственно, и боев-то не было, а вся группа совершала тренировочный полет».

А теперь ознакомимся с тем, как было на самом деле.

В феврале 1942 г. лейтенанту Хрущеву вручили орден Красного Знамени, а в марте после нелепого случая, который уже давно вошел в нашу историю, его выписали из госпиталя и направили в 3-й отдельный учебно-тренировочный смешанный авиаполк. 4 апреля 1942 г. приказом НКО СССР № 02520 ему присвоили очередное воинское звание старшего лейтенанта. До декабря Леонид проходил программу переучивания на истребитель Як-7, после чего был назначен в распоряжение командующего 1-й воздушной армией (3.11.42 г. – окончил программу переучивания с оценкой «отлично», а 4.12.42 г. был проверен по технике пилотирования. Общая оценка «хорошо»). Следует отметить, что Л.Н. Хрущев пере-

учивался со скоростного бомбардировщика на истребитель, что независимо от уровня подготовки летчика является делом непростым.

Непросто было и Леониду, с его опытом и отличной техникой пилотирования бомбардировщика. Так сказать, со штурвала перейти на ручку... Потому-то и оценка с отличной стала хорошей.

Тем не менее он был назначен в 18-й гвардейский истребительный авиаполк, который базировался на аэродроме Хатенки, что в 10 км севернее города Козельска. До 11 марта 1943 г., о котором упоминает В.В. Карпов, старший лейтенант Хрущев с момента прибытия для дальнейшего прохождения службы в часть произвел 28 учебных полетов с налетом 13 ч 01 мин, 6 боевых вылетов на прикрытие войск 16-й армии с налетом 4 ч 26 мин и провел 3 воздушных боя. Один раз ему даже удалось зайти сзади в хвост «фрицу» и расстрелять его в упор...

Командующий 1-й воздушной армией генерал Худяков предложил Леониду должность в Управлении армии, но тот категорически отказался.

Итак, 11 марта 1943 г. в 12.13 девятка Як-7Б под командованием гвардии капитана Мазурова вылетела на перехват бомбардировщиков противника. Вылетела, чтобы не допустить бомбометания по наступающим войскам в район Кожановка, Ашково, Нижнее, Ясенок, Дынное, Жеребовка, в 7–9 км севернее Жиздра. Пять самолетов под командой Мазурова летели на высоте 2000 м, четыре самолета под командой гвардии младшего лейтенанта Ляпунова – на высоте 2500 м. При подходе к линии фронта радиостанции наведения сообщили: «Самолетов противника нет, будьте осторожны». Через 3–5 минут в воздухе появились до 10 «фоккеров» (ФВ-190), которые под прикрытием дымки начали выполнять групповые атаки. Вступив в бой, наши истребители разделились на три группы. Гв. ст. л-нт Заморин (ведущий) и гв. ст. л-т Хрущев (ведомый) вступили в бой против двух Фокке-Вульф-190, парой на пару на высоте 2500 м, постепенно оттесняя их на территорию противника. Заморин атаковал и огнем с 50–70 м сбил одного ФВ-190. Ведомый Хрущев в это время находился справа, прикрывая ведущего. Его атаковал второй «фоккер». Остальные в это время вели воздушный бой: пара Ходаковского в районе Жиздра с 2 ФВ-190 (оба были сбиты) и пятерка Яков и 4 ФВ-190 (один сбит) в районе Акимовка. Когда Заморин увидел, что самолет Хрущева атаковал ФВ-190, он открыл огонь под углом и преследовал противника, уходящего с пикирования на юг, продолжая атаковать.

После неудавшейся атаки немецкого пилота Хрущев с переворота под углом 65–70° вдруг пошел к земле. По мнению Заморина, Леонид мог перетянуть ручку и сорваться в штопор. Вероятнее всего, ошибка в технике пилотирования истребителем подвела Леонида. Ведь на нем он имел очень незначительный налет: общий – 17 ч 27 мин. Однако этим моментом, этой ошибкой Леонида воспользовались многие.

Теперь они (в том числе и В.В. Карпов) утверждают, что Леонид Хрущев ушел в сторону противника и бесследно пропал. Оказавшись в плену (?), активно сотрудничал с врагом, затем по приказу Сталина его выкрали, судили и расстреляли.

Но поверьте, все это не более чем вымысел, бред, сплетня и т. д. При этом не приводится ни одного документа, потому что их нет!

Во-первых, если бы Л.Н. Хрущев попал к немцам в плен, то они раструбили бы об этом буквально сразу же. Были бы листовки и фотографии. Германская пропагандистская машина не упустила бы такого шанса.

Во-вторых, обменять или выкрасть именитого военнопленного было практически невозможно. Он буквально через несколько дней оказался бы в Германии, где такая возможность практически исключалась.

В-третьих, 3 апреля 1943 г. командир 18 ГВ ИАП гв. майор Голубев подписал наградной лист на Хрущева. 4 апреля на этом документе поставил свою подпись генерал-майор

Захаров, командир 303-й ИАД. В конечном счете орден Отечественной войны 1-й степени № 56428 был вручен на хранение отцу Леонида Н.С. Хрущеву. Ничего бы этого не было, если бы Леонид был предателем.

В-четвертых, спустя 17 лет на территории Жиздринского района Калужской области велись поиски мест падений самолетов Советской Армии в годы Великой Отечественной войны. А конкретно, с 6 по 15 декабря 1960 г. проводился поиск останков летчиков в этом районе. По докладу Главкому ВВС Главному маршалу ВВС К.А. Вершинину, было «найдено 35 мест падения советских самолетов, осмотрено на месте – 30 (остальные не осматривались, как явно не подходящие по типам машин, срокам и удалению)».

Следовательно, искал Н.С. Хрущев самолет сына, но не нашел. Этот список можно было бы продолжить еще, но как можно заклеить мертвого человека и возвести в ранг предателя боевого летчика, не имея на то абсолютно никаких документальных доказательств!

По всей видимости, Леонид Хрущев в плену не был.

7. Кто ждал немцев

В 1941 г. немцев ждали. Сегодня это уже не является государственной тайной. Другое дело, сколько их было: бывших кулаков и членов их семей, уцелевших торговцев «нэпманов», уголовников, репрессированных и других «обиженных» советской властью.

Немцев ждали, но не многие, как об этом пишут теперь историки и журналисты.

В Новгороде первым начальником города был археолог Василий Понамарев, до немцев работавший научным сотрудником в местном музее. В Пскове начальствовал бывший учитель математики Черепенкин. В Харькове последовательно начальниками были: профессор технологического института Алексей Крамаренко, затем адвокат Александр Семененко, а третьим по счету стал профессор физической химии Павел Козакевич. «Начальником» Смоленска недолго был профессор физики и астрономии Борис Базилевский. В кресле городского головы его сменил известный смоленский адвокат Борис Меньшагин. После эвакуации из Смоленска в 1943 г. он некоторое время занимал такую же должность в Бобруйске. В Гражданскую войну 17-летним юношей Меньшагин вступил в Красную армию и прослужил в ней 8 лет. В связи с религиозными убеждениями был уволен. Получив юридическое образование, работал юрисконсультom в Москве, затем – адвокатом в Смоленске. Защищал крестьян в период коллективизации, «врагов народа» в годы массовых репрессий. В ходе «дела» о вредительстве в животноводстве дошел до генпрокурора Вышинского и добился пересмотра ряда смертных приговоров.

«Начальником» Ялты служил при немцах некий Виктор Мальцев. Он родился в 1895 г. в Гусь-Хрустальном, в 1919 г. окончил Егорьевскую школу военных летчиков. В 1925 г. он – начальник Центрального аэродрома под Москвой. С 1927 г. пом. начальника Управления ВВС Сиб. ВО, затем – в резерве РККА. Приказом НКО СССР № 1916 от 26 ноября 1936 г. ему присвоено звание «полковник». В 1937 г. он был назначен начальником Туркменского управления Гражданского воздушного флота. За умелое руководство Управлением в 1938 г. был представлен к ордену Ленина, но награжден не был, так как 11 марта его арестовали органы НКВД. 5 сентября 1939 г. освобожден, а 1 декабря назначен начальником санатория Аэрофлота в Ялте. Осенью 1941 г. эвакуироваться не стал. 8 ноября явился в немецкую комендатуру и предложил свои услуги. В начале декабря начал писать книгу «Конвейер ГПУ», в июне 1942 г. передал законченную рукопись в отдел пропаганды 11-й армии вермахта в Симферополе.

С марта 1942 г. – бургомистр Ялты. 9 марта принял дела городской управы, организовал городское самоуправление, налаживал быт в оккупированном городе и распределение

продуктов. А опубликованная книга, ставшая «бестселлером» на оккупированных территориях, принесла автору гонорар в 500 марок...

В период оккупации на территории нескольких районов Орловской (Брянской) областей с центром в поселке Локоть с разрешения немецких властей был создан так называемый Локотский автономный округ. Первым его главой был инженер Константин Войскобойников, преподававший физику в местном техникуме. В 30-е годы был репрессирован.

Его заместителем работал Бронислав Станиславович Каминский. Этот поляк родился в 1899 г. В 1917 г. он был студентом Петроградского политеха. С 1918 по 1921 г. служил в Красной армии. В 1930 г. направлен на учебу в химико-технологический институт, по окончании которого работал инженером-технологом на химзаводе «Республика». В 1935 г. исключен из партии за критику коллективизации. В 1937 г. был арестован и отбывал срок в г. Шадринске, где работал на спиртзаводе. В начале 41-го освободился и переехал в г. Локоть. Работал инженером на спиртзаводе. Летом – осенью 41-го организовал эвакуацию предприятия, а сам остался в Локте.

После гибели Войскобойникова в январе 1942 г. Каминский возглавил местные силы самообороны и Локотский автономный округ, к которому впоследствии были присоединены новые районы. В конце 1942 г. переформировал местные отряды милиции и самообороны в 29-ю штурмовую пехотную бригаду войск СС РОНА («Русская освободительная народная армия»), с которой в январе – феврале 1943 г. принимал участие в боях против Красной армии.

В «Локотском автономном округе» было налажено производство товаров первой необходимости, возрождена структура местной власти. С помощью немецкого командования Каминскому удалось создать и собственное воинское формирование. Осенью 43-го ему удалось организовать эвакуацию Локотского округа и бригады в Лепель, затем из Лепеля – в Дятлово. В июне 1944 г. (более 50 тысяч человек) в Польшу. Погиб в 1944 г. при невыясненных обстоятельствах. По некоторым данным, РОНА насчитывала 11–12 тысяч человек.

В оккупированном Киеве некоторое время жил и работал В. Блюменталь-Тамарин. Он руководил театром русской драмы. Он был одним из самых популярных драматических артистов довоенной поры, играл Рогожина и Дон-Карлоса, Чацкого и Гамлета. Сын знаменитой актрисы Марии Блюменталь-Тамариной, которая в числе первых десяти советских актеров была удостоена звания «Народный артист СССР», сам он не признавал казенной «службы» в каком-то одном театре и разъезжал с гастрольями по стране.

В октябре 1941-го В. Блюменталь-Тамарин оказался в занятом городе Истра, рядом с которым находилась его дача. Когда немцы отступили, он вместе с еще несколькими дачниками – соседями, в том числе знаменитым вахтанговским актером Освальдом Глазуновым, ушел на Запад. Самой знаменитой его ролью «Киевского периода» стал советский генерал Горлов в злой сатире «Так они воюют». В основу спектакля легла пьеса «Фронт» советского драматурга Корнейчука. Блюменталь-Тамарин выступал на радио и в печати и очень хлестко критиковал режим Сталина. Правда, до Германии артист не дошел. По пути он погиб при невыясненных обстоятельствах.

Достоверно известно, что с нетерпением ждали германскую армию крымские татары. Из газеты «АЗАТ Крым» («Освобожденный Крым»), издававшейся в оккупированном Крыму с 1942 по 1944 г.:

3 марта 1942 г.

«После того как наши братья – немцы перешли исторический ров у ворот Перекопа, для народов Крыма взошло великое солнце свободы и счастья».

10 марта 1943 г.

«Алушта. На собрании, устроенном мусульманским комитетом, мусульмане выразили свою благодарность Великому фюреру Адольфу Гитлеру-Эфенди за дарованную им мусульманскому народу свободную жизнь. Затем устроили богослужение за сохранение жизни и здоровья на многие лета Адольфу Гитлеру-Эфенди».

«Великому Гитлеру – освободителю всех народов и религий! 2 тыс. татар дер. Коккозы и окрестностей собрались для молебна... в честь германских воинов. Немецким мученикам войны мы сотворили молитву... Весь татарский народ ежеминутно молится и просит Аллаха о даровании немцам победы над всем миром. О, великий вождь, мы говорим Вам от всей души, от всего нашего существа, верьте нам! Мы, татары, даем слово бороться со стадом евреев и большевиков вместе с германскими воинами в одном ряду!.. Да благодарит тебя Господь, наш великий господин Гитлер!»

10 апреля 1942 г.

Из послания А. Гитлеру, принятого на молебне более 500 мусульман г. Карасубазара: «Наш освободитель! Мы только благодаря Вам, Вашей помощи и благодаря смелости и самоотверженности Ваших войск сумели открыть свои молитвенные дома и совершать в них молебны. Теперь нет и не может быть такой силы, которая отделила бы нас от немецкого народа и от Вас. Татарский народ поклялся и дал слово, записавшись добровольцем в ряды немецких войск, рука об руку с Вашими войсками бороться против врага до последней капли крови...»

«С первых же дней своего прихода немцы, опираясь на татар националистов, не грабя их имущество открыто, так, как они поступали с русским населением, старались обеспечить хорошее отношение к себе местного населения», – писал начальник 5-го партизанского района Красников.

Уже в декабре 1941 г. немецкое командование приступило к организации так называемых «мусульманских комитетов». В Крыму стали формироваться вооруженные отряды «самообороны». Многие татары использовались в качестве проводников карательных отрядов против партизан.

После освобождения Крыма Л. Берия 10 мая 1944 г. докладывал И. Сталину:

«Органами НКВД и НКГБ проводится в Крыму работа по выявлению и изъятию агентуры противника, изменников Родины, пособников немецко-фашистских оккупантов и другого антисоветского элемента. По состоянию на 7 мая с.г. арестовано таких лиц 5381 человек.

Изъято незаконно хранящегося населением оружия 5995 винтовок, 337 пулеметов, 250 автоматов, 31 миномет...»

Из Красной Армии к 1944 г. дезертировали свыше 20 тысяч татар, которые изменили Родине, перешли на службу к немцам и с оружием в руках боролись против Красной Армии...

Учитывая предательские действия крымских татар против Советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза, НКВД СССР вносит на Ваше рассмотрение проект решения государственного Комитета Оборона о выселении всех татар с территории Крыма...»

По данным на 1 июня 1943 г., в крымских партизанских отрядах численностью 262 человека было всего 6 татар.

Поэтому 140–160 тыс. татар выселили из Крыма и расселили в качестве спецпереселенцев в районах Узбекской ССР.

Во время боев на Харьковском направлении в числе других документов особым отделом НКВД 38-й армии был захвачен дневник капитана немецкой армии – командира батальона 294-й пехотной дивизии. До перевода на Восток этот офицер служил в составе гарнизона какого-то острова на Западе. Вот что он записывал о своих первых впечатлениях о России:

«Из Перемышля ехали по Украине. Вот она, Россия. Далекое, неизмеримо огромные поля не обработаны. Леса нет, только иногда несколько деревьев. Печальные колхозы с разрушенными домами. Немногие люди, грязные и завернутые в тряпье, стояли с безучастными лицами у железной дороги. Дороги грязные настолько, что оси экипажей застревают в грязи. Следов войны мало, только у вокзала видны последствия налетов пикирующих бомбардировщиков: сожженные здания и депо, перевернутые товарные вагоны, от которых остались только остовы».

В документе, подготовленном командованием 6-й армии вермахта «О поведении войск на Востоке», разъяснилось: «Основной целью похода против еврейско-большевистской системы является полный разгром государственной мощи и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру...

Снабжение питанием местных жителей и военнопленных, не находящихся на службе в германской армии из воинских кухонь, и раздача папирос и хлеба является ненужной гуманностью.

Все, в чем отечество отказывает себе и руководство с большими трудностями посылает на фронт, солдат не должен раздавать врагу, даже в том случае, если это является трофеями...

Пассивность многочисленных антисоветских элементов, занимающих выжидательную позицию, должна быть ликвидирована путем разъяснения, и они должны быть привлечены к активному сотрудничеству в борьбе против большевизма.

Если они не идут на это, то пусть не жалуются на то, что с ними обращаются как с приверженцами советского строя. Страх перед германскими мероприятиями должен быть сильнее угрозы со стороны бродячих большевистских остатков.

Не вдаваясь в политические соображения на будущее, солдат должен выполнять двойную задачу:

1. Полное уничтожение большевистской ереси, советского государства и его вооруженной силы.

2. Беспощадное искоренение вражеского коварства и жестокости и тем самым обеспечение безопасности жизни вооруженных сил Германии в России».

И вот как она обеспечивалась (из спецсообщения особого отдела НКВД Западного фронта от 1 ноября 1941 г.):

«Ряд населенных пунктов противником не занимается, но в подавляющее большинство населенных пунктов враг посылает по 2–4 автомашины с солдатами, которые забирают у населения продукты, белье, швейные машины и т. д., вылавливают выходящих из окружения красноармейцев и уводят их с собой. Необходимо отметить, что штабы противника размещаются в небольших деревнях или дачах. При занятии деревень противником колхозники в большинстве случаев из домов выгоняются. Командиров и красноармейцев, выходящих из окружения, противник старается захватить без боя. Отмечены неоднократные случаи, когда при оказании сопротивления бойцами немцы в бой не вступают. Характерно, что одиночки

или группы немецких солдат, заметив красноармейцев и крикнув „Рус сдавайся“, сами бегут или же стоят, не принимая никаких мер к преследованию».

Из разведсводки № 7 4-го управления НКВД СССР можно узнать о положении в городе Сталинграде и Сталинградской области при немцах (18 ноября 1942 г.):

«В оккупированных районах гор. Сталинграда немцами установлен строгий режим. Хождение по улицам воспрещено. Центр города усиленно охраняется, туда никого из жителей не пускают...

Все трудоспособное население города принудительно мобилизовано на разные работы: восстановление мостов, сооружение оборонительных укреплений, обслуживание солдат (стирка белья, работа на солдатской кухне)...

В здании Третьего Дома Советов, на углу улиц Чапаевской и Ладужской, размещается германская комендатура. Последняя начала свою деятельность с того, что объявила мобилизацию женщин для работы в немецких госпиталях и „сдачу“ населением теплых вещей и обуви для германской армии.

В оккупированных районах города немцы приступили к созданию местных органов власти.

Бывший зав. хирургическим отделением железнодорожной больницы доктор Макушин, 50–55 лет, назначен немцами старостой одного района или всей оккупированной части города.

Оккупационный режим в сельских местностях Сталинградской области так же жесток, как и в городе.

В изданных германским командованием приказах было объявлено, что колхозы, совхозы и МТС являются теперь собственностью германской армии. Колхозное и государственное имущество и ценности не подлежат никакому разделу. Колхозники и рабочие совхозов и МТС превращаются, по существу, в рабочую силу, работающую под надзором и руководством германских военных властей.

Так, в хуторе Раскопкино, Клетского р-на, немецкое командование собрало все население во дворе МТС и приказало идти на уборку хлебов. Встретив решительное сопротивление колхозников, немецкие офицеры начали избивать их плетками, понуждая, таким образом, к тому, чтобы они взялись за работу...

Отношение к немцам со стороны местного населения враждебное. Даже отдельные, ранее доброжелательно настроенные к немцам жители хуторов и станиц теперь не верят им и нередко открыто высказывают свое враждебное отношение к оккупантам...

В конце июля и начале августа с.г. немцы проводили активную кампанию по выборам сельских старост. Там, где немцам не удалось „избрать“ старост, они их назначили через представителей военных частей, посланных на собрания, где „избирались“ старосты.

В таких случаях одного слова немецкого офицера достаточно, чтобы старостой был тот, кого он назовет. Обычно – это старики из кулацкой среды, антисоветски настроенные».

Оккупация даже для тех, кто ее ждал, показалась адом. Одна из жительниц Ростовской области, в прошлом считавшаяся антисоветски настроенной, как-то сказала по секрету: «Советская власть в тысячу раз была лучше, чем эти ироды, немцы».

На захваченной территории Сталинграда немцы застали более 200 тыс. жителей. С первых же дней они установили жестокий режим, объявив восточную сторону центральной части города запретной зоной для местных граждан.

Правом беспрепятственного передвижения по всей оккупированной части города в любое время суток пользовались только старосты и полицейские, имевшие специальные

нарукавные повязки и удостоверения от комендатуры. С середины октября 1942 г. немецкие военные комендатуры приступили к принудительной эвакуации населения. В городе были оставлены жители, необходимые для обслуживания воинских частей и проведения оборонительных работ, а значительное число было отправлено на работу в Германию, на Украину и в Донбасс, на восстановительные работы в промышленности.

Туда направлялись только здоровые мужчины и бездетные женщины, проходившие медосмотр в лагерях в гор. Калаче, на ст. Чир и Гумрак, где были собраны все изгнанные из города.

На 1 января 1943 г. в оккупированной части Сталинграда оставалось не более 12–15 тыс. человек.

До этого в трех районах города немцы провели «главную регистрацию» и учет всего оставшегося населения. На всех зарегистрированных были заполнены учетные карточки и сделана отметка в паспорте. Таким образом, комендант города пытался затруднить пребывание в городе военнопленных, партизан и других категорий жителей, стремившихся проникнуть в черту города.

В трех других районах города в связи с поголовным выселением жителей регистрация сначала не проводилась, но потом ее прошли только 2000 человек. А 10-го числа немцы сделали перерегистрацию. Лица, не имевшие документов, представили письменные поручительства от прошедших ранее «главную регистрацию».

В виде платы за перерегистрацию взималось 2 кг пшеницы, 3 кг ржи или пшено, овес, соль, мыло.

Голодные немецкие солдаты и офицеры перехватывали по дороге в комендатуры жителей и отбирали у них эту дань. Однажды комендант города генерал Леннинг заявил своим сотрудникам: «город Сталинград официально предназначен открытому грабежу из-за его удивительного сопротивления». Сам генерал прибрал себе 14 ковров, много фарфора, столового серебра и других предметов, которые затем увез с собою в Харьков.

В Сталинграде размеры проводимых немцами грабежей превзошли все, что имело место в других оккупированных городах и населенных пунктах Советского Союза. Но особо широкие масштабы они приняли с момента окружения.

Тогда даже создавались специальные команды, имевшие официальные разрешения. При активном содействии старост, полицейских и пособников из числа уголовных элементов и «обиженных» они отбирали у населения зерно и продукты питания. С той же целью в грабежах участвовали и «украинские добровольческие полицейские отряды».

Ограблениям не подвергались лишь прямые пособники, добровольно поступившие к ним на службу. Они имели документы, запрещающие немецким солдатам производить у них какие-либо изъятия. У их домов или квартир вывешивались дощечки с надписью: «Не трогать!»

В тыл немецкой армии и Германию из города вывозились цветные металлы, часть черного металла, смазочные масла и жиры, кожа и химические вещества. Из Сталинградского элеватора было вывезено около 20 тыс. тонн хлеба. При этом культурно-просветительные и коммунально-бытовые учреждения города для гражданского населения не восстанавливались, не работали театры, кино и радио, не издавались газеты.

После освобождения города советскими войсками в городе находилось всего 7 655 человек (в шести районах). 502 человека были выявлены как агенты, предатели и пособники. В том числе 68 – работников полиции, 28 – служащих, старост и помощников, 10 – прочих служащих, 172 – добровольца немецкой армии, 52 предателя, 19 дезертиров, 46 агентов разведки и т. д.

Характерно, что по социальному прошлому 166 человек были служащими, 186 – рабочими, 129 – колхозниками, 16 – репрессированными и их родственниками, 2 – торговцами и только 3 – кулаками.

Судя по документам, свидетельствам и фактам, жизнь в оккупации была жуткой. Даже те, кто не понял это сразу, осознали буквально в считанные дни.

По далеко не полным данным с временно оккупированной территории Советского Союза было насильно угнано на работы в Германию 4 794 087 советских граждан: из РСФСР – 1 906 661, Украины – 2 102 234, Белоруссии – 399 374, Литвы – 160 019, Молдавии – 84 475, Эстонии – 74 226, Латвии – 67 098.

Здоровые мужчины, женщины и дети в основном вывозились в принудительном порядке – на работы в промышленности или сельском хозяйстве, в порядке очистки оккупированной территории от еврейского населения, в качестве наказания за участие в сопротивлении.

Правда, были и желающие. Известно, что первый поезд в Германию из Киева, набранный досрочно, состоящий из добровольцев, отправился 22 января 1942 г. под гром оркестра. Но как только стало известно об истинном положении этих добровольцев, отправки стали саботировать. Первые письма из рейха стали свидетелями невероятной трагедии.

8. Полиция и ее формирования

В оккупированных районах, находившихся под контролем немецкой администрации, территориальные органы полиции безопасности и СД были единым аппаратом, исполнявшим обязанности гестапо, полиции и СД. Управление этими органами осуществляли командующие или начальники полиции безопасности и СД.

Управления полиции безопасности и СД генеральных округов располагались в крупных городах. Например, управление округа «Белоруссия» было в Минске, два подчинявшихся ему отдела – в Барановичах и Вилейке. В каждом по три отделения.

Полиция безопасности и СД генерального округа «Сталино» в своем составе имела всего три отделения: в Ворошиловграде, Артемовске и Мариуполе. Ворошиловградское состояло из 12 сотрудников.

Структура управления соответствовала структуре РСХА:

1-й отдел – подготовка и комплектование;

2-й отдел – материальное обеспечение;

3-й отдел – служба безопасности (СД);

5-й отдел – КРИПО – криминальная полиция.

Сразу после оккупации значительной европейской части СССР в январе 1942 г. ОКХ издало приказ по формированию вспомогательных охранных частей. Директива ОКВ № 46 от 18 августа 1942 г. «Руководящие указания по усилению борьбы с бандитизмом на Востоке» рекомендовала командованию сухопутных сил принять срочные меры к разработке положений, определяющих статус полицейских формирований. Эти подразделения создавались исходя из обстановки в конкретном тыловом округе. Привлекаясь к охране путей сообщения, промышленных предприятий, к обеспечению общественного порядка, они позволили освободить для фронта значительное количество солдат и офицеров.

Еще 6 ноября 1941 г. указом Гимmlера все носившие униформу полицейские части, сформированные в оккупированных областях из местного населения, были объединены в так называемую вспомогательную охранную службу полиции порядка. Всех, кто входил в нее, и называли полицаями.

А 1 сентября 1942 г. вся немецкая полиция порядка и ее вспомогательная полицейская служба перешли в ведение судебной системы СС и полиции.

Личный состав вспомогательной полицейской службы делился на четыре категории:

- 1) полицейские на службе «вне сплоченных подразделений» – в городских и сельских полицейских участках;
- 2) полицейские на службе «в сплоченных подразделениях» – в батальонах и полках для борьбы с партизанами;
- 3) охранная пожарная служба;
- 4) вспомогательная охранная служба.

В штат каждого батальона вспомогательной полицейской службы входил штаб (5 чел.) и 4 роты (в каждой по 3 стрелковых и 1 пулеметный взвод). Всего батальон насчитывал 501 человек. Численность роты составляла 124 человека. До 1942 г. в батальонах было только по 3 стрелковые роты (460 чел). Фактическая же численность могла быть больше или меньше штатной. Иногда она достигала 700 человек.

В группе армий «Север» полицейские подразделения именовались «местными боевыми соединениями», в группе армий «Центр» – «службой порядка», в группе армий «Юг» – «охранными вспомогательными частями».

На Украине полиция именовалась «Украинско щуцманство», в Белоруссии – «Самооборона» и «Белорусская краевая оборона».

В феврале 1943 г. численность таких подразделений достигала 70 тыс. человек.

Отличительными признаками служащих полицейских формирований могли быть белые нарукавные повязки с черными надписями.

Каждая такая повязка нумеровалась порядковым номером и заверялась оттиском печати местной комендатуры. Такие же пронумерованные повязки выделялись для волостной и сельской охраны.

В некоторых округах самоуправление полицейских дополнительно вооружали резиновыми дубинками и выдавали удостоверение, где указывалось, что данный полицейский является членом волостной вспомогательной полиции и ему разрешается носить оружие во время службы с хождением по улицам в запрещенное время.

Обычно полицейские подразделения выполняли обязанности местной полиции. Это и охрана порядка, и «освещение местного населения» для органов немецкой власти, регистрационные налоговые функции, проведение карательных операций и т. д.

Численность полиции и ее формирований была самой различной. Так, в Бобруйской городской полиции зимой 1943 г. состояло 228 человек боевого состава и 20 человек обслуживающего персонала (начсостав – 11 чел., следственный отдел – 35 человек, полицейский состав – 160 чел.). Численность службы порядка Смоленского района была увеличена до 3 тыс. человек.

Личный состав всех полицейских формирований набирался из числа военнопленных, людей, имевших «претензии» к советской власти и уголовного элемента. Набор в полицию производился самыми различными способами. Зачастую молодые люди выбирали службу в полиции вместо представившейся возможности быть угнанными в Германию.

Полиция в основной своей массе была настроена антисоветски.

В полиции Россоши служили 480 человек. Начальником районной полиции был бывший адвокат Филиппов, начальником городской полиции – бывший бухгалтер аптечной базы Стотик.

По свидетельствам очевидцев, состав работников полиции включал убежденных антибольшевиков, боровшихся против большевизма, а не служивших немцам; антибольшевиков, считавших, что они должны мстить; людей, работавших в полиции, чтобы не умереть с голоду и не ехать в Германию; людей под масками непримиримых антибольшевиков, но из партизанской и подпольной агентуры.

В конце 1943 г. все батальоны вспомогательной полиции были переименованы в полицейские батальоны.

Минская городская полиция порядка была сформирована немецкими оккупационными властями из людей, прямо говоря, не друживших с моралью: «пьяницы, злодеи и разбойники». Поэтому через некоторое время ее ряды были вычищены от уголовного элемента, а некоторые оказались в тюрьме. На их место стали принимать жителей деревень.

Уже осенью 1941 г. для борьбы с партизанами начал формироваться «Корпус Белорусской Самааховы» (БСА) (1-я дивизия в Минске, 2-я – в Барановичах и 3-я – в Вилейке).

На местах успели сформировать 20 батальонов и несколько подразделений, но уже весной 1943 г. БСА была ликвидирована, а все подразделения перевели в состав полиции.

Летом 1942 г. началось формирование 49-го Белорусского полицейского батальона (2 тыс. чел.), но после нападения партизан многие безоружные новобранцы бежали и обратно вернулось около 800 человек. После прихода в него командиров эстонцев численность сократилась аж до 200 человек...

В 1944 г. полиция в количестве 20 тыс. человек и несколько батальонов «самообороны» не могли при необходимости противопоставить должного отпора партизанам.

Поэтому в шести округах было принято решение о формировании частей Белорусской краевой обороны (БКА). Предполагалось, что каждый район Белоруссии выставит один батальон БКА численностью до 600 человек. Однако после окончания мобилизации множество добровольцев немцы забрали в «организацию Тодта» для восстановления разрушенных путей сообщения. Это послужило толчком к началу формирования 6 белорусских саперных батальонов. Всего планировалось организовать 12 таких частей.

Помимо саперных частей было организовано 39 пехотных батальонов БКА численностью 600–800 человек каждый. К концу апреля 1944 г. формирование БКА было закончено. А уже в июне немецкие командиры БКА объявили солдатам об их демобилизации.

Летом 1941 г. командование немецкой 17-й армии издало распоряжение о создании группы самообороны и полиции в украинских селах. Число полицейских не должно было превышать 1 полицая на 100 жителей.

В первые дни войны на Волыни, в местечке Степань, был организован отряд (100 человек) украинской милиции. Летом 1941 г. начал формирование батальон украинского войска, уже с августа получивший статус «Восточного учебного батальона» и впоследствии послуживший центром создания охранно-полицейских формирований, действовавших на Украине и в Белоруссии.

Киевский курень. Его ядром стал Буковинский курень ОУН и батальон, сформированный в Житомире из числа военнопленных (700 человек). В ноябре к куреню присоединилось еще 250 добровольцев из Галичины. К концу 1941 г. курень насчитывал 1500–1700 человек.

В начале февраля 1942 г. киевское гестапо произвело многочисленные аресты членов ОУН. После репрессий члены киевского куреня влились в состав 109, 115 и 116 украинских охранных батальонов.

Общая численность украинских полицейских батальонов составило 35 тысяч человек. В 1943 г. часть полицейских батальонов была включена в состав полицейских стрелковых полков (№ 31–38 трехбатальонных составов).

С первых же минут немецкого вторжения в СССР вступило в действие литовское подполье. Его вооруженные группы нападали на подразделения Красной армии и милиции, подавали сигналы немецким самолетам. При том что в каждом населенном пункте существовала группа диверсантов. После полной оккупации Литвы разрозненные повстанческие группы были реорганизованы в 24 стрелковых батальона самообороны численностью 500–600 человек. Общая численность этих формирований достигала 13 тысяч человек.

По данным отчета СС от 1 декабря 1941 г.: «...литовскими партизанами и оперкомандами айнзатцгруппы А было уничтожено с 2 июля 1941 г. 99 804 еврея и коммуниста...» Органами Смерша 3-го Белорусского фронта после освобождения в 1944 г. Литвы было установлено, что практически все еврейское население Литвы было уничтожено гитлеровцами и их литовскими пособниками.

Всего в Литве было сформировано 22 литовских батальона «шумы».

В августе – октябре 1942 г. шесть батальонов действовали на Украине и один в Белоруссии. В июле 1944 г. четыре батальона были объединены в Каунасе в 1-й литовский полицейский полк.

В последние дни большая часть литовских батальонов уходила вместе с немцами, которые разоружили и расформировали шесть батальонов, распределив их личный состав по различным наземным частям люфтваффе. На 1 марта 1944 г. в рядах литовской полиции порядка и полицейских батальонов служило 8 тыс. литовцев.

Первая латышская полицейская часть была создана в июле 1941 г. Формировавшиеся в Латвии полицейские батальоны насчитывали в своем составе от 500 до 550 человек. До конца 1943 г. были сформированы 45 латышских батальонов. Общая их численность оценивалась в 15 тысяч человек.

18-й охранный батальон в количестве 395 человек принимал участие в уничтожении гетто в г. Слоним Барановической области в Белоруссии.

25-й латышский батальон численностью около 450 человек принимал участие в карательных операциях против партизан на юге Белоруссии. Летом 43-го началось формирование 1-го латвийского полицейского полка «Рига»; в его состав были включены четыре полицейских батальона. Затем был сформирован 2-й полицейский полк «Лиепая» (из четырех батальонов) и 3-й полицейский полк (из трех батальонов).

К лету 1944 г. общая численность латвийских полицейских пограничных, вспомогательных, строительных частей и СД составляла 54 504 человека. Еще 32 418 человек служили в рядах СС, 628 – в авиационном легионе, 10 584 – в организации Тодта, 12 159 – в немецких частях.

В отличие от Литвы и Латвии местные эстонские полицейские силы не проводили массовых репрессий против еврейского населения. Организация погромов для СД здесь оказалась невозможной.

Осенью 1941 г. началось создание полицейских формирований, и уже в сентябре было сформировано шесть эстонских охранных подразделений. Всего за время оккупации в Эстонии было создано 26 батальонов «шумы» общей численностью 10 тыс. человек.

Органы полиции безопасности и СД насаждали агентурную сеть среди местного населения. В качестве агентов использовались старосты деревень, волостные старшины, полицейские, лесники, владельцы буфетов, закусочных и ресторанов.

На оккупированной территории действовали еще и так называемые эйнзатцгруппы и их подразделения, которые укомплектовывались служащими полиции, гестапо и СД. Каждая такая группа насчитывала примерно 600 человек. Оперативные и особые команды СД насчитывали 120–170 человек.

Оперативные группы СД создавались в мае 1941 г. Всего было создано четыре группы – А, Б, Ц, Д. Каждая состояла из штаба специальных команд, действовавших в районах расположения армейских частей и оперативных команд, действовавших в оперативном тылу армии.

Из оперативной сводки № 6 специальных отрядов полиции безопасности и СД, действовавших на захваченных территориях СССР (с 1 по 31 октября 1941 г. Р-102, США – 470), можно узнать, что под «антипартизанской деятельностью» фашисты фактически понимали уничтожение людей, ненадежных с их точки зрения в политическом отношении, и евреев.

В каждом районе (Прибалтика, Белоруссия, Украина) специальные отряды обычно решали три задачи: 1) партизанские действия и контрмеры; 2) аресты и казни коммунистов и чиновников; 3) уничтожение евреев.

«В операциях участвовали следующие подразделения: специальные отряды „А“ начиная с 7 октября 1941 г. в Красногвардейске. Продолжают действовать в Смоленске специальные отряды „Б“ с 27 сентября 1941 г., действуют в Киеве специальные отряды „Ц“ начиная с 27 сентября 1941 г., в Николаеве – специальные отряды „Д“. Специальные эйнзатцкоманды и зондеркоманды, прикомандированные к специальным отрядам, продолжают двигаться вместе с наступающими войсками в районы, которые им предписано занять».

Из раздела «Прибалтийские территории», подраздел «Евреи»: «Все мужчины еврейского происхождения старше 16 лет, кроме старост и врачей, были уничтожены. Сейчас эта чистка все еще продолжается. После того как она будет закончена, на восточной территории останется только 500 евреев и детей».

Подраздел раздела «Белоруссия» заканчивается следующим абзацем: «За период, охватываемый этим отчетом, ликвидировано 37 180 человек».

А вот это докладывал уполномоченный по Слуцкому району 30 октября 1941 г. генеральному уполномоченному в Минске, без излишней предвзятости критикуя деятельность эйнзатцкоманд полиции безопасности и СД, действовавших на его территории, в связи с умерщвлением еврейского населения:

«27 октября 1941 г. утром примерно в 8 часов обер-лейтенант полицейского батальона № 11 посетил меня и представился адъютантом командира батальона полиции безопасности. Обер-лейтенант пояснил, что полицейский батальон получил задание провести ликвидацию всех евреев в городе Слуцке в течение двух дней. Сюда направлен батальон численностью в четыре роты, две из которых были сформированы из литовцев, и операция должна начаться немедленно. Я ответил обер-лейтенанту, что должен, во всяком случае, обсудить этот вопрос сначала с командиром батальона. Примерно через полчаса полицейский батальон прибыл в Слуцк. Немедленно по прибытии батальона я разговаривал с командиром(...)

«Что касается самого проведения этого мероприятия, я должен с глубоким сожалением заметить, что оно граничило с садизмом. В течение этих действий город являл собой ужасную картину.

С неопишуемой жестокостью со стороны офицеров немецкой полиции и особенно литовцев евреев, а также белорусов выгоняли из их жилищ и сгоняли вместе. В городе повсюду слышались выстрелы, и на улицах валялись горами трупы расстрелянных евреев. Белорусы безуспешно пытались вырваться из окружения. Помимо того, что с евреями, среди которых были также и торговцы, обращались с ужасающей жестокостью в присутствии белорусов, последних избивали резиновыми дубинками и прикладами ружей. Это были уже действия не только против евреев. Это выглядело, скорее, как стихийное бедствие...»

9. «Зондерштаб-Р», «Боевой союз русских националистов»

В 1942 г. для борьбы с советским партизанским движением и для создания антисоветского «партизанского» движения в советском тылу был создан «специальный штаб „Россия“» («Зондерштаб-Р»): эту структуру возглавил Борис Алексеевич Смысловский – белоэмигрант и бывший офицер царской армии.

Б.А. Смысловский: родился в семье офицера. После окончания кадетского корпуса и Михайловского артиллерийского училища поступил на службу в гвардейскую артиллерию. С 1915 г. поручик Смысловский принимает участие в мировой войне, после окончания которой в чине штабс-капитана уходит со службы, женится на польской подданной, принимает польское гражданство и живет в Варшаве.

В 1928 г. он переезжает в Германию, где поступает на высшие курсы Академии генштаба Рейхсвера и принимает деятельное участие в работе польского отдела РОВС, где занимает должность начальника штаба варшавского отдела под руководством генерала Трусова.

В начале войны на Востоке Смысловский был принят немцами на службу в качестве зондерфюрера, переводчиком отдела 1Ц (разведка) штаба группы армий «Север» под псевдонимом «фон Регенау».

В июле 1941 г. он создал при штабе этой группы армий «1-й русский зарубежный учебный батальон», который находился под опекой штаба «Валли». Батальон создавался как база для развертывания других русских разведывательных подразделений и частей. В течение 1941–1942 гг. на его базе были развернуты 12 русских батальонов, объединенных в так называемую «северную группу».

Кадры в батальон подбирались из военнопленных. Помимо набора из лагерей, кадры для Смысловского поставляла Варшавская разведшкола абвера.

В марте 1942 г. при штабе «Валли» был сформирован «Зондерштаб-Р» – специальное отделение для ведения борьбы с партизанским движением, а также для ведения разведывательной и контрразведывательной деятельности.

Спецштаб находился в непосредственном подчинении начальника «Валли-1» майора Бауна. Его адрес: Варшава, ул. Хмельная, дом 7 (позднее улица Н. Свет, дом 5) был легендирован вывеской «Восточная строительная фирма „Гильген“». Начальником «Зондерштаба» был назначен зондерфюрер (майор) Смысловский. В 1943 г. он подполковник и полковник. Заместителем начальника «Зондерштаба-Р» был М.М. Шаповалов. Его биография заслуживает внимания.

Михаил Михайлович Шаповалов: родился в 1898 г. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В РККА – с 1918 г. Командир эскадрона, временный командир полка. Учился на Харьковских кавалерийских курсах, в Киевской высшей педагогической военной школе, в Московской высшей военно-химической школе РККА, на химических курсах командного состава РККА.

С 1932 г. – начальник химической службы Владивостокского Ура (Укрепрайона), майор в 1936 г., а с 27 августа 1937 г. – полковник. В этом же году он – начальник штаба Владивостокского УРа. Осенью 1937 г. арестован НКВД и провел в заключении восемь месяцев. После освобождения – начальник артиллерийской школы в Севастополе. В 1939–1941 гг. – слушатель ВАФ. С августа 1941 г. командир стрелковой дивизии под Феодосией, затем моторизованной группы под Керчью. 2 июня 1942 г. назначен заместителем командира 1-го отдельного стрелкового корпуса особой армии, 2 июля – командиром корпуса. 30 июля корпус переброшен на Кубань и в начале августа разбит под Армавиром. 14 августа сдался в плен (1 октября постановлением СНК СССР присвоено воинское звание генерал-майор).

Всю практическую работу «Зондерштаб-Р» проводил через межобластные резидентуры, имевшие наименование «разведывательно-резидентские области».

Вся оккупированная советская территория делилась до июля 1943 г. на пять, а позднее – на четыре области. На Украине, в Белоруссии, в Крыму, в Прибалтике, в Ленинградской области областные и районные резидентуры создавались в местах активной деятельности партизанских отрядов и действовали под прикрытием различных хозяйственных организаций – дорожных и строительных отделов, заготконтор и т. д.

Через сеть информаторов и разведчиков из местных жителей резидентуры вели работу по выявлению дислокации партизанских отрядов, их руководящего состава, численности партийной прослойки, наличия работников НКВД, средств связи, районов действий, баз снабжения и вооружения. С целью разложения и склонения партизан к переходу на сторону немцев резидентуры внедряли агентов в состав партизанских отрядов.

3-й отдел (пропаганда) «Зондерштаб-Р» в 1942–1943 гг. возглавлял председатель польского отдела Народно-трудового союза (НТС) А.Э. Вюртлер. За попытку создать «третью силу» его убили двумя выстрелами в затылок по приказу (возможно) Смысловского.

* * *

В марте 1942 г. в лагере военнопленных в Сувалках возникла «антибольшевистская организация» военнопленных «национальная партия русского народа».

25 человек «организации» возглавил бывший подполковник Красной армии Владимир Владимирович Гиль – начальник штаба стрелковой дивизии, попавший в плен при обороне Минска.

В апреле 1942 г. организация (название партии поменялось на «Боевой союз русских националистов» (БСРН) попала в поле зрения разведывательно-диверсионного органа VI управления РСХА. После установления «опеки» все члены БСРН были переведены в предварительный лагерь «Цеппелина», размещавшийся на территории концлагеря «Заксенхаузен». В то же время был создан центр БСРН. Он разделялся на четыре отдела: разведки и контрразведки, по военным делам, по партийным делам и работе с молодежью, агитации и пропаганды. Центру БСРН были подчинены территориальные центры, располагавшиеся во всех оккупированных областях Советского Союза и в лагерях военнопленных.

К июню 1942 г. в Берлине было сформировано боевое подразделение «1-й русский национальный отряд СС», или «Дружина № 1», численностью около 500 человек под командованием Гиля, взявшего псевдоним Родионов. Отряд состоял из трех рот (по 100 человек) и подразделений обслуживания. Первая рота была укомплектована бывшими офицерами РККА и использовалась как резерв для развертывания других подразделений. Личный состав был одет в чешскую униформу, знаки различия были аналогичны войскам СС, однако погоны были собственного образца, на обшлагах мундиров офицерского состава имелась черная лента с надписью: «За Русь!» На вооружении насчитывалось 150 автоматов, 50 ручных и станковых пулеметов, 20 минометов. «Дружина» базировалась в г. Парчев, где в его лесном массиве провела антипартизанские операции, в том числе против скрывавшегося еврейского населения. В ходе операции было уничтожено до полутора тысяч человек.

«Дружина № 1» находилась в оперативном подчинении эйнзатцгруппы «Б» полиции безопасности и СД, по заданию которой несла охрану коммуникаций, а уже в середине августа была переброшена под Смоленск, разместившись близ старого Быхова. В марте 1943 г. прибыла в белорусское местечко Лужки.

В то же время в особом лагере СС около Люблина была сформирована «Дружина № 2» численностью 300 человек во главе с бывшим капитаном РККА А. Блажевичем (Базевичем).

В марте 1943 г. две «Дружины» были объединены в Лужках в «1-й русский национальный полк СС», командиром которого стал Гиль-Родионов, а начальником штаба – Блажевич. После пополнения полк насчитывал 1200 человек (в том числе 150 офицеров). Полк имел на вооружении 60 орудий, 95 пулеметов, 18 минометов и свыше 200 автоматов. Начальником контрразведки полка стал П.В. Богданов.

В мае 1943 г. за счет местной молодежи, дезертиров из партизанских отрядов и пленных, влившихся в строй, полк был развернут в «1-ю русскую национальную бригаду СС». В бригаде находились 10–12 немецких офицеров СС.

В августе 1943 г. партизаны установили контакт с командиром бригады, который обещал перейти на сторону партизан. После переговоров 16 августа части бригады уничтожили немецкий штаб, атаковали части в Докшицах и узловую железнодорожную станцию Крулевщина. 2200 «дружинников» присоединились к партизанам. Из них была образована «1-я антифашистская партизанская бригада». Эта бригада в течение 11 месяцев вела ожесточенные бои с немцами. Сам Гиль-Родионов 14 мая 1944 г. получил тяжелое ранение и скончался. «Боевой союз русских националистов» продолжал существовать, однако был скомпрометирован и вскоре исчерпал себя.

10. Украинские националисты: Бандеровцы, Мельниковцы, Бульбовцы

Украинская повстанческая армия (УПА) была создана бандеровцами в марте месяце 1943 г. В ее состав также вошла ранее созданная оуновцами украинская полиция – «Шуцманшафт».

Немцы всегда знали стоянки УПА, но мер к ее уничтожению не принимали. Они создавали видимость борьбы с УПА, но фактически боролись против мирного населения. В то же время УПА вела активную борьбу против партизанских отрядов.

УПА состояла из куреней (батальонов) численностью до 500 человек. Курень состоял из следующих подразделений:

- 3 стрелковых сотни (70–80 человек каждая);
- взвод тяжелых пулеметов;
- взвод противотанковых пушек;
- взвод снабжения;
- санитарное отделение;
- отделение полевой жандармерии;
- взвод штабной разведки.

По некоторым источникам, в северной и южной группах УПА насчитывалось до 15 000 человек. Состав УПА подразделялся на командный состав (члены ОУН), добровольцев и мобилизованных (60 %).

Весной 43-го центральный провод бандеровцев получил задачу от немцев очистить западные области Украины от поляков.

Оправданием террору стало утверждение: «поляки – исконные враги украинцев, и они препятствуют созданию „самостоятельной“ Украины».

Только в течение мая – июня 1943 г. от рук бандеровцев в Ровенской области погибло несколько тысяч поляков. Спасая жизнь, поляки из сельской местности бежали в города под защиту немцев, а последние в свою очередь предложили выбор: возвращаться обратно в села или ехать в Германию на трудовые работы.

Неудивительно, что поляки выбрали последнее.

Кроме того, бандеровцы занимались уничтожением советских военнопленных и советского актива. Таким образом, они стремились ликвидировать резерв советских партизанских отрядов. А еще бандеровцы буквально охотились за евреями, которым удалось укрыться от немцев.

Бандеровцы развернули (инсценированную) «диверсионную» деятельность против немцев. Они уничтожали деревянные мосты в селах и на проселочных дорогах, грабили «госхозы», угоняли скот и т. д. В ответ немцы применяли к населению репрессии, вызывающие лишь недовольство политикой националистов. Соответственно подавлялись и антибандеровские настроения.

С освобождением Красной армией западных областей Украины часть бандеровцев ушла с немцами, а часть была оставлена на советской территории для подрывной работы.

В каждом районе для организации террористических актов были созданы группы «боевиков» в количестве 8—12 человек, вооруженных автоматами, гранатами и обязательно 1—2 ручными пулеметами. Участники УПА получили указания остаться в тылу Красной армии, а затем выйти из леса и поднять восстание.

Мельниковцы на оккупированную немцами территорию прибыли с опозданием, и с первых же дней на местах между ними и бандеровцами началась борьба за руководящие посты в немецких учреждениях. В результате первым удалось захватить в некоторых областях и районных центрах под свое влияние ряд учреждений и организаций.

Вся работа мельниковского провода ОУН проводилась через (группы) «Просвиты». Через «Просвиту» мельниковцы проводили среди населения националистическую агитацию и под прикрытием ее вербовали новых членов ОУН из лиц украинской национальности, подвергавшихся в прошлом репрессиям со стороны советской власти. Занимая руководящие посты в редакциях унифицированных газет в оккупированных областях Западной Украины, мельниковцы помещали на их страницах программные антисоветские статьи, популяризировали фашистскую «расовую теорию» и украинский шовинизм, призывали украинскую молодежь вступать в ряды украинских дивизий СС и т. д.

Если мельниковцы, как старая формация украинских националистов, стремилась завоевать «самостоятельную» Украину с помощью немцев на договорных началах с последующим установлением на территории Украины демократического строя, то бандеровцы, как представители новой формации, исходили из принципа: «Украина только для украинцев». Они считали, что население неукраинской национальности, находящееся на территории Украины, должно быть уничтожено.

Немцы умело использовали в своей игре и тех и других, сначала пообещав «самостийну» Украину, а потом просто высмеяли эту идею, заявив, что Украина является колонией Германии.

Не имея сил для борьбы с бандеровцами и потеряв веру в Германию, мельниковцы стали искать новых союзников и выступать против немцев. Весной 43-го среди них начались аресты, после чего мельниковцы ушли в подполье и соединились с бульбовцами.

Сразу после оккупации Ровенской области в городе Ровно к немецким властям явился Тарас Боровец с предложением ликвидировать отдельные группы Красной армии и оставшихся в лесистых и болотистых местах Полесья советских партизан.

Получив соответствующее разрешение и материальное обеспечение, он начал формировать из населения Полесья так называемых полищук, отряды под названием «Полеська сич», а себе присвоил псевдоним «Тарас Бульба».

До весны 1942 г. бульбовцы совместно с частями немецкой армии ликвидировали несколько мелких советских подразделений. Создав отряд численностью до 3000 человек, Бульба решил увеличить его, вооружить и одеть за счет немцев, а потом уйти от них.

Дело в том, что осенью 1942 г. националисты убедились в том, что планы о создании самостийной Украины – это самый настоящий блеф.

Немцы, почуяв неладное, предложили Бульбе сдать оружие и распустить «Сичу», но тот уклонился от выполнения приказа и со своими отрядами ушел в леса. Теперь его стали преследовать, и Бульба вступил в борьбу на два фронта: с партизанами и с немцами.

Положение его ухудшалось.

Тогда он обратился к командованию одного из партизанских соединений, действовавших в районе расположения бульбовцев, с предложением организовать совместную оборону против немецких карательных отрядов и не нападать друг на друга. Предложение было принято, и до начала 1943 г. партизаны и бульбовцы не трогали друг друга.

Узнав об этом, немцы пытались привлечь Бульбу на свою сторону и в конце 1942 г. два раза вели с ним переговоры, но успеха не имели. Бульба называл себя демократом и ставил задачу создания «единого народного фронта» против немцев и большевиков. Конечной целью борьбы бульбовцы называли создание «Украинской народной демократической республики».

Для этого Бульба стремился объединить все основные националистические течения, существовавшие на Украине. После воссоединения мельниковцев с бульбовцами УПА (бульбовская) была переименована в УНРА (Украинская народная революционная армия).

Немцы решили ликвидировать бульбовские отряды. Для этого они спровоцировали столкновение между ними и партизанами. Организовав казацкие отряды из военнопленных, они послали их под видом партизан нападать на бульбовские отряды. После одного из таких кровопролитных столкновений «бульбовцы» нарушили договоренность и выступили против партизан. Одновременно с провокацией немцы дали указание ОУН (бандеровцам) начать борьбу против бульбовцев. Так весной 1943 г. бандеровский провод ОУН дал приказ УПА разоружить и ликвидировать бульбовцев. Бульба не согласился сложить оружие, после чего началась борьба между бульбовцами и бандеровцами.

Бульба выступил против этой борьбы, называя ее братоубийственной, и предложил бандеровцам прекратить между собой борьбу и объединиться для совместной борьбы с немцами и советскими войсками за «самостийну» Украину.

Для руководства вооруженными силами Бульба предлагал создать военный политический совет, в состав которого должны были войти представители от Бульбы и бандеровского провода. Бандеровцы согласились вести переговоры. Летом 1943 г. в с. Даничевка Межиричского района переговоры состоялись.

В первый день соглашения были достигнуты, но на второй день, когда должно было быть принято и подписано окончательное решение, бандеровцы на конференцию не явились. Борьба продолжалась.

В связи с разгромом немецких армий летом 1943 г. и успешным продвижением Красной армии на запад Бульба 5 октября 1943 г. издал приказ № 105, в котором говорилось: «1. Везде, где возможны стычки с преобладающими силами красных или фашистско-бандеровских партизанских отрядов, отделы УНРА расформировать и перейти в подполье...» В связи с приближением фронта к западным областям Украины Бульба в конце декабря 1943 г. выехал через Варшаву в Женеву, а на освобожденной территории практически сразу же появилась тенденция к объединению бульбовцев с бандеровцами. Немцы ушли, а «российский враг» так и остался!

11. Выводы

В одном из вариантов доклада Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецких захватчиков указывалось, что за время войны было разрушено 1710 городов и поселков городского типа, сожжено более 70 тыс. сел и деревень, взорваны и приведены в негодность 32 тыс. промышленных предприятий, 65 тыс. километров железнодорожных путей, опустошено около 100 тыс. колхозов и совхозов, тысячи МТС. 25 млн человек не имели крова, ютились в землянках, сараях, подвалах. Десятки миллионов голов скота было угнано или уничтожено. Прямой ущерб, нанесенный фашистской Германией, составляет 700 млрд рублей в довоенных ценах. Страна потеряла 30 % национального богатства. И это было еще не все. Пройдут десятилетия, и наш народ узнает истинные или почти истинные цифры потерь.

Общие прямые людские потери страны за все годы войны оцениваются почти в 27 млн человек.

Более 70 млн человек проживало на оккупированной территории. А ведь по данным переписи 1940 г. численность населения СССР достигала 194,1 млн человек, в народном хозяйстве было занято 33,9 млн человек рабочих и служащих и 29 млн колхозников.

С временно оккупированной территории было насильно угнано на работы в Германию около 5 млн человек, более 4 млн солдат и офицеров Красной армии находились в немецком плену.

Тем не менее тяжелейшая изнурительная война, невероятные испытания, миллионы жертв и еще миллионы изломанных человеческих судеб не сломали наш народ, не отняли у него надежду и веру в победу. Он нашел в себе силы подняться и уничтожить заклятого врага.

Еще весной 1941 г. Гитлер провозглашал: «Немецкая империя и ее союзники представляют такую силу, которую не могут превзойти любые коалиции мира. Немецкие вооруженные силы постоянно будут вмешиваться в ход событий тогда и там, когда и где это будет необходимо».

Он же уверял: «Для немецкого солдата нет ничего невозможного!», и его самоуверенность дорого обошлась советскому народу. Горькие поражения лета 1941 г., отчаяние и безнадежность первых месяцев войны лишь закалили волю к победе. Для этого в ход шло все: и массовый террор, и опора на мощь народного патриотизма, на церковь, на национальное самосознание и на великих людей нашей истории: Невского, Донского, Минина, Пожарского, Суворова, Кутузова.

Все это было. Но было и сотрудничество граждан Советского Союза с оккупантами: экономическое, социальное и военно-политическое, масштабы которого и по сей день мало изучены и неизвестны. При этом снова можно говорить о некой «пятой колонне» на оккупированной территории.

О «пятой колонне» из трусов, предателей, уголовников и людей случайных, которые, находясь между жизнью и смертью, между голодом и элементарной сытостью, выбирали самое спасительное для себя в той ситуации, в которой они оказались волею судьбы.

Единственным исключением здесь можно считать украинских и прибалтийских националистов, которых было немного и с которыми пришлось воевать и после окончания войны.

Таким образом, если до начала войны на Востоке основной средой вербовки для военных организаций абвера были русские белоэмигранты и участники антисоветских и националистических формирований, то с ее началом для разведывательных команд и групп на Восточном фронте вербовка производилась, как правило, из военнопленных. При этом предпочтение отдавалось репрессированным, антисоветски настроенным лицам, перебежчикам, имевшим родственников на оккупированной территории, и военнослужащим, добровольно давшим ценные показания на допросах.

Незначительный процент составляли антисоветски настроенные граждане, оставшиеся на оккупированной территории.

Ставка на бывших военнопленных делалась не случайно. В абвере полагали, что из них легче подготовить агентуру и внедрить ее в советские части. Например, вот что сообщалось в ориентировке управления НКВД по Свердловской области о заброшке на территорию ряда областей Урала немецкой агентуры:

«Агентура вербует немцами из числа пленных красноармейцев, лиц, оказавшихся на территории временно занятой немцами, перебежчиков, бывших заключенных и т. д.

Лица, побывавшие в плену у немцев и освобожденные из плена, поголовно вербуются ими: одни под угрозой расстрела и издевательств, другие с использованием их враждебного отношения к советскому строю (кулаки), бывшие заключенные, дети репрессированных органами НКВД и др.».

То же самое касается и лиц сугубо гражданских. При вербовке в полицию и вспомогательные подразделения в первый период войны немцы отдавали предпочтение лицам, пострадавшим от репрессий, антисоветскому элементу, уголовникам. Впоследствии чаще использовались военнопленные и молодежь, не желающая выезжать в Германию.

Из задержанных немцами партизан, разоблаченных агентов парашютистов также вербовалась агентура – для уничтожения советских партизанских отрядов и подполья.

Следовательно, категория бывших военнопленных была одной из самых многочисленных категорий, привлекаемых и используемых оккупантами в целях так называемого сотрудничества.

В служебных указаниях рейхсминистра по делам оккупированных восточных областей А. Розенберга для инспекционной комиссии по делам военнопленных 23.09.41 г. говорилось:

«3. Установление возможности к освобождению или, вернее говоря, к использованию на работе каждого выявленного политически благонадежного представителя следующих определенных групп: а) фольксдойче; б) финны и карелы; в) народы балтийских стран; г) белорусы; д) украинцы; е) румыны, болгары (предложение по освобождению распространяется на казаков. Освобождение кавказских и туркестанских народностей предвидится позже)».

С 25 июля по 13 ноября 1941 г. немцы освободили 318 770 человек (в том числе 277 760 украинцев). В 1942–1944 гг. из плена было освобождено 823 230 лиц, вступивших в добровольные охранные и другие формирования, в полицию.

По советским источникам на службу в строевые части вооруженных сил Германии поступило около 250 тыс. советских граждан, считая уроженцев Прибалтики и Западной Украины. Около 150 тыс. из них были советскими военнопленными, остальные – жителями оккупированной территории СССР.

Так или иначе, но сотни тысяч советских людей сотрудничали с немцами. Однако большая часть из них была ненадежной для Германии. Их сводили в роты и батальоны, им не доверяли, их использовали на второстепенных ролях, и при этом их эффективность была низкой.

Но самое главное, что так называемая «пятая колонна» на оккупированной территории была малочисленной.

Во-первых, даже если допустить, что на стороне Германии оказалось в общей сложности около 1 млн советских граждан, то нельзя не учитывать, что этот миллион невозможно реально противопоставить более 1 млн партизан (в годы войны в тылу врага насчитывалось более 6 тыс. партизанских отрядов), почти 34,5 млн всех надевавших в течение войны армейские шинели соотечественникам.

Во-вторых, общая суммарная цифра недовольных советским режимом должна была бы быть огромной. Около 1 млн 200 тыс. раскулаченных крестьян было выслано вместе с семьями в отдаленные районы страны на стройки Сибири и Крайнего Севера.

В ходе раскулачивания более полумиллиона крестьян было приговорено к различным срокам заключения. Даже на 1 января 1949 г. на учете состояло 2 300 223 спецпереселенца. Еще тысячи казаков были физически уничтожены в рамках «расказачивания», а многие эмигрировали.

Репрессии против духовенства, открытый террор против религии и церкви должны бы были столкнуть на сторону врага еще миллионы верующих советских граждан. Только в 1937 г. было репрессировано 136 900 человек православного духовенства, из них расстреляно 85 300.

Количество заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГА НКВД в 1941 г. достигало 1 929 729 человек. В ИТЛ находилось 1 500 524 и в колониях 429 205 человек. Из них 420 293 (28,7 %) заключенных за контрреволюционные преступления.

На 20 июня 1941 г. в тюрьмах НКВД СССР содержалось 317 183 заключенных, всего более 2 млн заключенных и т. д.

Миллионы, миллионы недовольных, обиженных советской властью, могли бы оказаться на стороне Гитлера в «пятой колонне» и активно, подчеркиваю, очень активно бороться против Сталина, советского строя и т. д. Но ничего этого не было. Гитлер довольствовался малым, а его представители на местах чаще прибегали к принудилровке, обману, угрозам и т. п.

В-третьих, сотрудничество советских военнопленных и советских граждан с немецкой разведкой, как и вообще все сотрудничество в целом, было мало эффективным по ряду причин. Рассмотрим некоторые примеры.

21 ноября 1941 г. красноармеец Клубков Василий Андреевич (1923 г.р.) в составе группы разведчиков, красноармейца Крайнова и Космодемьянской Зои получил задание отправиться в деревню Петрищево Дороховского района и поджечь квартиры, в которых был расквартирован немецкий батальон. В ночь с 21 на 22 ноября они перешли линию фронта и в течение четырех суток пробирались к намеченному объекту. В 2–3 часа 27-го Клубков подошел к дому, разбил бутылку с «КС» и бросил, а когда она не загорелась, увидел немцев, струсил и убежал в лес. Там его и задержали. На допросе он все рассказал и выдал своих товарищей.

Утром 27 ноября Клубкова отправили в г. Можайск, где поместили в доме с группой 30 человек, а 11 декабря 1941 г. всех отправили в Смоленск, куда они добирались несколько дней. Конечным пунктом стал Красный Бор. В этом местечке недалеко под Смоленском обучение проходили 500 человек бывших заключенных, детей раскулаченных и большая часть военнопленных. С 20 декабря по 3 января 1942 г. курсантов учили собирать сведения о расположении и вооружении частей Красной армии, штабов и складов с боеприпасами. Два часа шла лекция, потом немецкий офицер задавал контрольные вопросы, а в конце занятия два человека отрабатывали практическое упражнение.

3 января 1942 г. Клубкова сфотографировали, заполнили на него анкету и сделали оттиски всех пальцев. На следующий день Клубков дал подписку работать на благо непобедимой германской армии. Подписка была заготовлена на бланке, а он только вписал свою фамилию, имя, отчество и другие биографические данные.

Задание было следующим: немедленно после перехода линии фронта собрать самые детальные сведения о наступающих частях Красной армии в Борятинском районе, затем передать их агенту, после чего явиться в разведотдел Западного фронта и заявить, что был в плену после поджога деревни, из которого удачно бежал. Далее в разведотделе собирать сведения о диверсионных группах, а затем с одной из них перейти линию фронта и сдать немцам.

7 января 1942 г. Клубкова вместе с другими агентами перевезли на крытой грузовой машине до поселка Ерши, а через линию фронта они перешли самостоятельно и разошлись. По дороге Клубкова задержали, допросили и в этот же день направили под конвоем в штаб дивизии, где снова допросили, а затем в составе 28 человек направили на пересыльный пункт в г. Козельск. 20 января они туда прибыли, а уже 1 февраля поездом выехали на формировочный пункт в Москву. В столице Клубков встречает знакомого по работе в разведотделе Западного фронта, куда и является. 28 февраля его задерживают сотрудники особого отдела НКВД, а 3 апреля 1942 г. военный трибунал Западного фронта приговорил предателя к расстрелу.

Петр Иванович Шило (1909 г.р.), бухгалтер в стройтресте Саратова, был арестован за растрату государственных денег в 1932 г. Из-под стражи бежал, но на свободе снова попался за растрату в 1934 г. и снова бежит. В 1936 г. его судят за растрату в третий раз, и снова – побег. В 1939 г. по фиктивным справкам он получает документы на Петра Ивановича Таврина. 14 августа 1941 г. его призывают в армию.

Весной 1942 г. Таврина опознали под старой фамилией и на следующий день должны были доставить в особый отдел дивизии. Но 30 мая, находясь в дозоре, Таврин переходит линию фронта и сдается немцам. На допросе он заявил, что является сыном полковника царской армии.

Сначала его содержали в лагерях для военнопленных на оккупированной территории, а затем перевезли в Германию, где в течение года тщательно проверяли на агентурной работе среди военнопленных. В июле 1943 г. он взят на особый учет и вербуетея ответственным сотрудником Главного управления имперской безопасности для выполнения специальных, особой государственной важности акций. В конце сентября 1943 г. из Берлина Таврина направляют в Псков, в распоряжение начальника главной команды «Русланд-Норд», где готовят к убийству И.В. Сталина. Об этой подготовке и не состоявшейся акции писали и говорили много, но я хотел бы остановиться на некоторых деталях, характерных для уровня подготовки всех завербованных агентов из числа военнопленных и советских граждан, из «преданности» Великой Германии.

Так, приземлившись не в том месте, где предполагалось первоначально, Таврин буквально заблудился и не мог найти дорогу для выхода на основной маршрут на Москву. Более того, ни он, ни его спутница не смогли показать на карте маршрут, по которому они якобы ехали. Они просто не ориентировались на местности.

Когда же Таврина арестовал начальник райотдела НКВД, он даже не сопротивлялся, хотя в рукаве имел специальное оружие, заряженное снарядами, пробивающим броню, а за поясом несколько пистолетов. Таврин просил только об одном – скорее доставить его в Москву. Он знал цену жизни и, судя по всему, не собирался убивать товарища Сталина... Без комментариев.

В июле 1942 г. эвакуированный в Челябинскую область из станицы Тимашевской Краснодарского края дезертир Красной армии Никулин А.И. (1913 г.р.), уроженец г. Керчи, был арестован и трибуналом войск НКВД осужден к 7 годам лишения свободы, но в результате спецразработки было установлено, что настоящая фамилия Никулина – Дудченко. В октябре 1941 г. его призвали в армию в г. Керчи, но в связи с приближением немецких войск на сборный пункт он не явился и остался в городе. Вскоре при немцах через своего старого знакомого по уголовному прошлому, работавшему в полиции, Никулин стал агентом гестапо и выявлял оставшихся в Керчи коммунистов и советских активистов. Так с 16 ноября по 31 декабря 1941 г. он предал семь человек, впоследствии расстрелянных немцами, а также лично принимал участие в расправе над советскими гражданами, в истреблении детей тех родителей, которые расстреливали немцы.

Во время отступления немецких войск из Керчи в декабре 1941 г. Никулин-Дудченко был оставлен гестапо с заданием вести в советском тылу агитацию. Однако вся его деятельность заключалась в спасении собственной шкуры. Правда, после разоблачения его все равно расстреляли.

Только с июля 1941 г. по ноябрь 1942 г. истребительные батальоны центральных областей РСФСР, Украины, Белоруссии, республик Северного Кавказа и Закавказья совместно с органами безопасности захватили и обезвредили более 8300 агентов и диверсантов.

А всего в годы войны было разоблачено и обезврежено 60 тысяч шпионов и 15 тысяч диверсантов.

В-четвертых, нацистские зверства, которые охватили все оккупированные районы СССР, не могли не сказаться и на настроениях тех, кто сотрудничал с немцами добровольно или по принуждению.

Нельзя забывать, что у них были тоже отцы и матери, жены и дети, братья и сестры. Только в Литве каратели из полицейских батальонов убили около 40 тыс. человек. В Латвии фашисты истребили 39 835 детей. В Эстонии гитлеровцы с помощью местной полиции расстреляли 58 167 мирных жителей.

В одной Риге было казнено 35 тыс. человек, а в Киеве фашисты убили 195 тыс. Считается, что число жертв четырех оперативных групп за время их действия на территории СССР составляет 750 тыс.

В-пятых, провал блицкрига фашистской Германии явился причиной смены воодушевления от краткого успеха на подавленное настроение. Крушение иллюзий под Москвой и Сталинградом, голод, холод и страх, тяготы войны коснулись и тех, кто предал свою Родину.

А ведь Гитлер надеялся, что после первых ударов, которые он нанес в 1941 г., многонациональный Советский Союз развалится. Но он не только не развалился, а еще больше сплотился.

Уже в 1942 г. немцы отбирали в лагерях для военнопленных людей в различные национальные легионы (роты, батальоны): грузинский, армянский, туркестанский, кавказский, прибалтийский и др. Однако результаты этих усилий оказались плачевными. Легионеры были людьми и воинами ненадежными, так как стремились прежде всего выжить или бежать к своим.

Немцы особенно рассчитывали на легионы, сформированные в Прибалтике, но и их использовали в основном как вспомогательные формирования: для охраны объектов, дорог, патрулирования и карательных операций.

В отличие от легионов, полиция была настроена более антисоветски, так как в ней служили чаще уголовники и обиженные советской властью.

Полиция всегда находилась на пике борьбы с партизанами и советским подпольем. Но и ее настроение менялось в зависимости от обстановки на фронте. Разложению надежных полицейских частей нередко способствовали сами немецкие власти. Так в городе Севске Брянской области поступавших в полицию освобождали от обязательных хлебопоставок и уплаты налогов. Когда же в декабре 1942 г. бургомистр Севска издал приказ о необходимости исполнения служащими полиции повинностей, полицейские крупных сел бросили оружие и отказались от несения службы, а шесть полицейских ушли к партизанам.

Притоку перебежчиков способствовали агитация партизан, подпольщиков, а также издевательства немцев. При освобождении оккупированной территории войсками Красной армии бывшие полицейские предпочитали сдаваться партизанам или затеряться среди населения. Особо «отличившиеся» уходили с «хозяевами».

От обстановки на фронте зависела боеспособность и так называемых вспомогательных батальонов и рот. Из них бежали так же, как и из легионов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.